ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ
НАДО ТАК,
ЧТОБЫ ЛЕГЧЕ БЫЛО
ДРУГИМ ОТ ТОГО,
ЧТО ТЫ ЖИВЕШЬ.

А. Матросов

ВОЗМУЖАНИЕ

А. И. Царев

ВОЗМУЖАНИЕ

Художественно-документальный
очерк о детстве и юности
Александра Матросова

Саратов
Приволжское
книжное издательство
Ульяновское отделение
1988

63.3(2)722.78
Ц18

Рецензент член Союза писателей СССР
В. Н. Дворянсков.

Царев А. И.
Ц18 Возмужание: (Истор. очерк).— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1988.— 144 с.
ISBN 5—7633—0063—7

Эта книга о гражданском и нравственном возмужании Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матросова, о людях, принимавших участие в его судьбе, о его звездном часе — броске в бессмертие.

В книге впервые подробно рассказывается о детстве и юности Саши Матросова, которые прошли на ульяновской земле, на Волге, в Ивановском детском доме.

Ц $\frac{1304010000—25}{153(01)—88}$ 67—88

63.3(2)722.78

ISBN 5—7633—0063—7

© Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение, 1988 г.

Жа
цвели
травья
раздав
Пер
извили
босико
ми, кот
резовой
Саше к
И во
родное
Иванов
хаилом
Петром
Петром
двухэта
крыши
тался в
топтана
ния шко
сов учи
было ни
шли пис
росли ле
саженцы
ступила
ев отдых
ства шел
тридцать
Здесь

Верному другу, жене и помощнику
Марии Устиновне — посвящаю.

АВТОР

СТОЙКОСТЬ ВЫЗРЕВАЕТ В ДЕТСТВЕ
(вместо вступления)

Жаркая весна пятидесятого года была в разгаре. Буйно цвели луга у берегов Дремы. Пряный запах черемухи и разнотравья плыл над Ивановкой. И где-то вдали, в лесном безмолвии, раздавалось томное: «Ку-ку, ку-ку...»

Передо мной, между кудлатыми папахами ив, сверкала узкая извилистая речушка Дрема, где в детстве Саша Матросов бегал босиком по нагретому песку. А на взгорке, за стройными соснами, которые вместе с друзьями сажал Саша, стоит на фоне березовой светлыни крепкое двухэтажное здание. Этот дом давал Саше кров и тепло.

И вот десять лет спустя после того, как Саша оставил свое родное гнездо, я шел с повзрослевшими его друзьями Федором Ивановичем Хасановым, Иваном Михайловичем Синягиным, Михаилом Григорьевичем Саулиным и поседевшими воспитателями Петром Иосифовичем Макаренко, Павлом Петровичем Резиным, Петром Петровичем Федорченко к этому ничем не приметному двухэтажному дому. Из его окон на три стороны видны луга, крыши Ивановки, Бахтеевский лес на крутых склонах. Дом спрятался в гуще старого разросшегося сада. Широкая тропинка протоптана множеством ребячьих ног от крыльца приземистого здания школы, что стоит напротив общежития. В ней Саша Матросов учился более пяти лет. Во времена его детства здесь не было ни деревца, ни кустика. Но однажды на этот пустырь пришли пионеры во главе с Матросовым, вырыли ямки там, где росли лопухи. Поливали, бережно выхаживали тонкие, нежные саженцы берез, кленов, лип. И теперь аллея лип и берез подступила к самому дому. В летнюю пору в тени высоких деревьев отдыхают ребята и многочисленные экскурсанты. Густая листва шелестит над их головами. Это работа тех, кто в середине тридцатых годов принес на пустырь побеги будущих деревьев...

Здесь, на этой земле, Саша начинал постижение Родины с

первых картин природы, навсегда запавших в память его сердца, с посильного труда на земле этой «малой родины». Здесь его истоки трудовой нравственности.

Сохранилась фотография тех далеких тридцатых годов, на которой запечатлено занятие музыкального кружка. На первом плане сидит Саша Матросов с гитарой в своей любимой матросской бескозырке. В этом задумчивом пареньке ничего еще нет от будущего гвардии рядового, который в критическую минуту тяжелого, кровавого боя, когда потребовалось во что бы то ни стало подавить огневую точку врага, встанет в полный рост и закроет своим телом амбразуру вражеского дзота. И подразделение пойдет в атаку, сомнет врага, но только Саша Матросов упадет на посеревший от порохового дыма снег, упадет и не встанет: пулеметная очередь пробьет его отважное сердце...

Да, подвиг его велик и прекрасен. Так какой же он, Саша Матросов, как складывался его характер? Я разыскал тех, кто хорошо знал Матросова, ограждал его душу от копоти лжи, открывал радость служения людям, привил любовь к родной земле, к труду на ней и был ему нравственной опорой, кто рос с ним в Ивановском детском доме, сидел за одной партой, с кем он работал в поле, кому помог в трудную минуту — выручил из беды, поддержал словом и делом...

Вот эти-то люди, с которыми я первый раз встретился в седьмую годовщину подвига Александра Матросова, и поведали мне о том, каким Саша был в детстве, которое прошло на ульяновской земле. В ту встречу я долго и обстоятельно беседовал с каждым из них, с мельчайшими подробностями записал их воспоминания о Саше Матросове.

Бесконечные восклицания «А помнишь?» в тот майский день 1950 года звучали и в аллеях старого парка, и возле школы, и на берегах тихой речушки Дремы, и на поляне у Семи дубков. В памяти друзей и воспитателей Матросова все вставало зримо, веско, отчетливо.

Дольше всего бывший директор Ивановского детского дома Петр Иосифович Макаренко задержался около двухэтажного деревянного дома. Он напомнил Петру Иосифовичу о далеких предвоенных годах. Да, он их возводил, эти стены. Да, он хорошо помнил, как осенью тридцать седьмого года распахнулись двери нового спального корпуса и он, директор, с радостным чувством вошел в самую большую спальную комнату на втором этаже и поздравил воспитанников с завершением строительства. Петр Иосифович помнил, как у стены, выходящей на южную сторону, занял свое место Саша Матросов. Директор помнил Сашину тумбочку, на которой чаще всего лежали книги

Н. Островского «Как закалялась сталь», Д. Фурманова «Чапаев», Э. Войнич «Овод».

— Его любимыми литературными героями были Павка Корчагин и Овод,— вспоминал Петр Иосифович.— Почему? Да потому, видимо, что, читая, скажем, историю о борьбе и гибели отважного Овода, Саша учился хранить верность своим идеалам, учился героизму и мужеству. Книга «Овод» увлекала Сашу примером высоких действий молодого героя, который был близок духовно живой, деятельной натуре Матросова. А с книгой Д. Фурманова «Чапаев» Саша буквально не расставался. Читал ее вдумчиво, многие места перечитывал. Врезался мне в память такой случай. Саша учился в шестом классе. Однажды он обратился ко мне с таким вопросом: можно ли было в книге «Чапаев» опустить сцену поездки комиссара Клычкова в обоз? Ту, где описывается первый бой? Сцена не типичная для военных комиссаров.

Вопрос неожиданный, и, как говорится, не в бровь, а в глаз. Попробуй на него не ответить. Мне было ясно, что Саша хорошо знает содержание «Чапаева», осознает его идейный смысл, анализирует, сопоставляет детали, чтобы самому «плыть в революцию дальше».

— Помните,— обратился ко мне Петр Иосифович,— Дмитрий Фурманов смело обнажает внутренний мир своего героя. Как Клычкову было стыдно сознавать, что в первом бою не хватило у него духу, перетрусил...

— Учтите,— подчеркнул Макаренко,— над вопросами мужества, смелости и героизма уже размышлял четырнадцатилетний Саша Матросов.

Петр Иосифович замолчал и прищурился, словно всматривался в даль тридцатых годов, пытаясь увидеть коренастого, звонкоголосого, голубоглазого Сашу Матросова, который рос и мужал у него на глазах.

Я бы мог привести множество примеров, которые свидетельствуют о Сашином неугомонном характере, трудолюбии, благородстве. Он любил браться за то или иное дело без подсказки, по своей инициативе. Заскрипят ли двери, расшатается ли ступенька крыльца — первым за молоток брался Саша Матросов...

— Вот это и есть, на мой взгляд,— вступил в беседу воспитатель детского дома Павел Петрович Резин,— активная жизненная позиция, высокая гражданственность. Ведь гражданское в человеке складывается по крохам из всего, что он делает в детстве, что он чувствует и переживает. Приведу только один пример. Во время событий у озера Хасан, когда Красная Армия громила японских самураев, Саша Матросов порывался пойти

добровольцем в пограничные войска, да был слишком мал (ему шел четырнадцатый год). Тогда вместе с друзьями Саша организовал в Ивановке группу из пионеров, которая помогала семьям красноармейцев.

Я спросил Сашиного воспитателя Павла Петровича: что так привлекало к Саше людей? Почему к нему тянулись ребята, постоянно выдвигали в совет детского дома?

— Мне кажется,— ответил воспитатель,— кроме всего прочего, редкая, драгоценная способность быть участливым к людям. У него всегда хватало волевого усилия, чтобы не позволить злым чувствам подавить добрые. Он смело брал слабых под свою защиту. Саша тонко чувствовал и болезненно переживал малейшую несправедливость. Его прилежание в учебе ставилось в пример...

По утверждению Павла Петровича, Саша Матросов активно участвовал в художественной самодеятельности, лихо плясал матросское «яблочко», мастерски играл на гитаре, пел.

— Но конечно, были у Саши и «особенки»,— заметил воспитатель.— У Матросова была немного озорная, сразу располагающая улыбка, от которой задумчивое его лицо мгновенно светлело. Говорил Саша неторопливо, сопровождая каждую фразу порывистой жестикуляцией. Коренастый, внешне сильный, он был легко ранимым. А вот удаль его была незлой, а грусть — чистой, волнующей. По натуре он был горячий и порывистый. Драк сам не затевал. А уж если кто пускал против него кулаки, тут и от Саши спуска не жди: за себя постоять он умел. Ведь в драке некогда подсчитывать, кому сколько досталось. Словом, Саша умел охранять и отстаивать свою мальчишечью независимость. Самой отрицательной чертой в человеке Саша считал трусость...

— Именно таким мне запомнился Саша Матросов,— подключился к беседе бывший старший пионервожатый Петр Петрович Федорченко.— Я бы назвал одной из самых отличительных черт его характера — это стремление в каждом деле быть впереди. Он и в пионеры вступил в мае 1937 года первым. Саша был правофланговым не по форме, а по сути. Про таких говорят: не тот первый, кто впереди идет, а тот, кто за собой ведет. Матросов любил пионерский девиз тех лет:

Больше дела, меньше слов!
Тверже шаг и шире!
— Будь готов!
— Всегда готов
На дела большие!

Саша не позволял себе скидок и поблажек при выполнении

любого поручения, любой работы, пусть трудной и порой однообразной, но необходимой людям.

Ребятишки из детдома Сашу чаще называли не по имени, а по кличке — Волгарь. И Матросов не только не обижался на это, а гордился этой кличкой, ибо прилипла она к нему из-за его большой любви к Волге. Здесь, на волжском раздолье, Саша научился прекрасно плавать и заплывал очень далеко, чем восхищал своих сверстников. Любил в играх изображать себя плотогоном или капитаном парохода. Но ни в какой игре не терпел Саша обмана и никогда не шел против уговора...

Да, глубоко правы друзья и воспитатели Саши Матросова, утверждая, что советский образ жизни, та доброжелательная атмосфера, **царившая в детдоме,** добрый пример старших товарищей, книги, которые он читал, его высокие гражданские качества подготовили Сашу к свершению великого ратного подвига. Матросова нет, но его след на земле не зарастает. Саша до сих пор живет в благодарной памяти современников. А время высвечивает все новые и новые черты этого легендарного человека.

ОДОЛЕНИЕ ГРОЗЫ

Летом тридцать шестого года Саша Матросов познакомился на Волге с бакенщиком Матвеем Петровичем Захаровым — бывалым волгарем, заядлым рыбаком и любителем птиц. А летом тридцать седьмого они встретились как старые друзья. Саша почти дневал и ночевал у старого бакенщика: они вместе ловили рыбу, варили уху, зажигали бакены.

Многому научился Саша у Матвея Петровича. Однажды он удивил Сашу тем, что по запаху дыма определил, каких дров насобирал Саша для костра.

— Раз так вкусно пахнет,— сказал Матвей Петрович,— значит, тальник горит. Ну, а если дегтем тянет, то береза в костер попала. Если же едкой горечью пахнуло — осина в ход пошла.— И добавил: — Везде много интересного, только надо уметь искать, повнимательней смотреть.

До знакомства с бакенщиком Саша считал, что жаворонки, как, скажем, скворцы или синицы, отдыхают на деревьях. У него никогда не было в этом сомнения, и вдруг оказалось, что он ошибался. А случилось это так.

Однажды Саша с дедом Матвеем пошел на сенокос. Тропинка от избушки бакенщика нырнула под развесистые березы, сразу повеяло прохладой и запахло грибами. Из зеленоватого

сумрака тропинка опять выбежала на полянку, и Саша прищурился от яркого света. Впереди за деревьями синела Волга. Черемуха свесила над тропинкой ветку с черными гроздьями. На ходу Саша сорвал несколько ягод, сунул в рот и тут же выплюнул вяжущую мякоть. Между ветвями черемух засветилась река. Они вышли на берег, который разрывался Суходолом. Здесь и предстояло косить траву. Внизу млела на солнце Волга. Саша любил смотреть на Волгу, реку такую знакомую и в то же время всегда разную. Сегодня она лежала тихая и ласковая. На ее ровной глянцевитой поверхности переливались темные пятна света и теней.

Травы цвели буйные, и пахло медом. Саше было не по себе оттого, что нужно было всю эту изумительную красоту пустить под косу. Ему не верилось, что Матвей Петрович начнет сейчас рушить такое богатство.

Малиновое солнце вытянулось, как груша, и готовилось спуститься в раскаленное зарево. На дне Суходола, в кустах жимолости и черемухи, уже притаились вечерние сумерки. Всего две вечерние тучки присмирели над Волгой. Утих ветер. С полей к Суходолу тянуло цветущей рожью, теплом нагретой за день земли. Все примолкло. Одни жаворонки неугомонно звенели над полем, будто и не собирались на покой. Их голоса звучали лишь поглуше, умиротвореннее.

Дед Матвей присел около малюсенького стожка сена, положил на него косу, вынул из корзины трещотку и позвал Сашу.

— Держи-ка, Саня, эту штуку. Для тебя постарался. Вот послушай.. И Матвей Петрович быстро-быстро закрутил трещоткой. Раздался заливистый стрекот, хоть уши затыкай.

Саша недоуменно посмотрел на бакенщика:

— А это еще к чему?

Матвей Петрович уловил в голосе Матросова обиду, добродушно загудел:

— Ты думаешь, Саня, я шуткую. Нет, не ради потехи трещотку смастерил. В траве сейчас гнезда жаворонков и перепелов. Косой птицу сгубить можно. А лучше спугнуть трещоткой. Понял?

— Интересно. А я и не подумал об этом.

— Ну вот и добро. Ноги у тебя резвые. Ступай-ка поразомнись. Побегай по поляне, где траву косить будем.

— А чего это жаворонков в траву тянет? Летели бы в лес да вили там гнезда,— рассматривая трещотку, спросил Саша.

— Э. милок, — удивился Матвей Петрович, — ты, значит, мало каши ел, раз такое говоришь. В том-то и дело, что жаворонок может жить только на земле. А на дереве он сидеть не

умеет, у него лапки с длинными и прямыми пальцами. По траве такими лапками ходить удобно, а вот сучок на дереве не обхватишь...

Саша посмотрел вокруг, и что-то горячее прилило к груди. Он улыбнулся, высоко над головой поднял трещотку и помчался по мягкой, теплой траве. Вскоре почти из-под самых его ног вспорхнул из гнезда перепел. У Саши от неожиданности даже екнуло сердце. Он подумал: «А ведь дед мог его и подрезать. Вот и нет перепела. А кому же охота умирать?»

Саша засмеялся счастливо. Верхушки близкого леса золотили солнечные лучи. На землю лилась золотая благодать. И Саше хотелось кинуться в теплую траву, припасть к родной земле и слушать шорох травинок, сердитое жужжание шмелей и чириканье ласточек.

Меж тем Матвей Петрович взял косу, привычно взмахнул руками — зеленые стебли дрогнули и, подрезанные, затрепетав листочками, легли на стерню. Старик косил и, чуть припадая на ногу, все быстрее шагал вперед. Коса словно шипела, врезаясь в стену густой травы...

Матвей Петрович был невысокого роста, сутулый, жилистый, с загорелым востроносым лицом и окладистой бородой. Голубые его глаза смотрели тепло, умно, весело. Ходил он всегда в одной одежде — потертом пиджаке, черной косоворотке, низких, с широкими голенищами сапогах. Сапогам этим, по всем приметам, шел, наверное, пятый десяток. Сам Петрович шутил по этому поводу:

— Обношенная одежда да обувь не жмет, не давит. Да и ценят-то человека не за то, что на нем шелк, а есть ли в человеке толк.

Жил Матвей Петрович одиноко, с верным лохматым псом по кличке Дружок. В его низенькой избушке, что притулилась на самом берегу Волги под развесистыми березами, по стенам висели клетки с чижами, реполовами, зябликами, щеглами и снегирями. Были тут птицы и покрупнее. И попали они в избушку деда Матвея по одной причине — из-за болезни. У кого подбито крыло, у кого повреждена лапка. А иных дед спас от голода в лютую зимнюю стужу. Птицы настолько привыкли к своему спасителю, что, и выпущенные на волю после выздоровления, снова возвращались к доброму хозяину.

Особенно подружились с бакенщиком молодой гусь Фомка и грачонок Хитруня. Фомка почти всюду сопровождал деда Матвея. Только купаться он ходил один. Возвращался с Волги важно, не спеша, шел вперевалочку, задрав гордую голову и посматривая вокруг высокомерно оранжевым глазом. Фомка

приходил к крыльцу, и, если Матвей Петрович долго не выхо-
дил из хаты, гусь начинал шумно хлопать крыльями и гоготать,
вызывая хозяина.

И только дед Матвей появлялся на крыльце, Фомка под-
ходил к нему, брал клювом за край штанины и тянул старика
за собой к кормушке. Давай, мол, завтракать....

Удивлял своей «ученостью» Сашу грачонок Хитруня. Он
умел подражать кудахтанью курицы, заливистому лаю собаки,
свисту скворца. Грачонок был очень общителен и смел. Он за-
просто мог сесть гостю на голову и похлопать крыльями по ще-
кам. Хитруня здорово не ладил с кошкой Марфушкой. Он часто
отгонял ее от блюдца с молоком. В таком его недружелюби-
была виновата сама Марфуша. Дело в том, что Хитруня птен-
цом выпал из гнезда, которое было на ветле, что росла у крыль-
ца. И тут на беспомощного грачонка напала Марфуша. Хорошо,
что все это произошло на глазах у деда Матвея. Он вызволил
из беды грачонка и стал его покровителем.

За больными птицами Матвей Петрович ухаживал с особен-
ной старательностью. А вылечив, не продавал никому. На прось-
бу продать, скажем, чижа или зяблика, отвечал:

— Птахи эти мне друзья. А друзей кто же продает?

Заботился Матвей Петрович не только о больных птицах
но и о здоровых. Особенно зимой, в это трудное время для птиц.
Земля укрыта глубоким снегом. Попробуй добраться до корма.
И вот дед Матвей «открывал» для птиц «столовые». На лесных
полянах, по берегу Волги он устанавливал шесты с пучками
овса, пшеницы, проса. На ветках кустарников развешивал гроз-
дья рябины, которую специально заготовлял как корм для пта-
шек на зиму.

Имел дед Матвей и самую главную птичью столовую. Это
была маленькая кладовка, где бакенщик хранил рыбацкие сна
сти, весла, паклю, смолу. Кладовка выглядела неказисто, с про
гнутой крышей и оконцем в огород, за ветхим пряслом которо
го виднелась Волга. Вокруг кладовки поднялся густой рябин
ник и буйно росла лебеда, полынь, репьи. Другой хозяин вск
эту сорную траву выкосил бы или выдергал с корнем, но де
Матвей этого не делал. Конечно, не из-за лени. Зимой к этой
кладовке слетались голодные птахи. Сюда прилетали кормить
ся щеглы и снегири. И целый день можно было слушать и
песни, наблюдать, как нарядные, легкие птички, вспыхива
цветным опереньем, перелетают по колючкам репьев.

Обычно Саша приходил из пионерского лагеря к старому
бакенщику под вечер. Он еще издали замечал приветливо горя
щий костер деда Матвея. В предвечернюю пору воздух был не

[illegible] тальниковых дров.

Гриша Саша выходил из густых зарослей ивняка, как с радостным лаем ему навстречу бежал от костра Дружок.

— А-а-а, вот и Саня заявился,— обрадованно воскликнул старик, всматриваясь в коренастого паренька.

— Здравствуй, Матвей Петрович! — весело приветствовал Саша бакенщика.

— А я чую, шебаршит кустарником кто-то,— говорил старик, хлопоча у костра.— Думаю, из рыбаков кто. А тут, гляди, гостенек дорогой припожаловал.

Просторно и солнечно было на Волге. Около берега на воде плавали коряги с коричневыми плетями корней и разный сбившийся мусор. Матвей Петрович достал кисет с махоркой и, закурив, посмотрел в сторону Жигулей, которые угадывались за дальним синим лесом. Там, над самой кромкой горизонта, грудились белесые с лиловой подкраской облака.

«Быть грозе,— подумал старик.— Вон как парит. Да и ласточки над самой землей летать стали. Поясница заныла, и сердце жмет...»

Матвей Петрович поморщился, тяжело вздохнул и перевел взгляд на Волгу, которая зеркальным трактом уходила в густые пойменные леса. В речной пойме — царство лозняка и высокой травы. Темно-зеленый вблизи ивняк широкой гривой уходил к горизонту и становился синим. К синеве добавлялся солнечный золотистый туман, и горизонт уже только-только угадывался. Местами же сплошная полоса лозняков и высоких ракит прятала Волгу.

Докурив самокрутку, бакенщик швырнул окурок в воду, встал и направился к костру. Там он палкой отгрудил в сторону от ведра жаркие угли, надел на левую руку обшитую холстом варежку, снял ведро с булькающей смолой и пошел к лодке. Он еще издали заметил, что Саша, сидя на корточках, конопатил щели у самых бортов лодки. Подойдя к Матросову, дед весело пробасил:

— Шабаш, значит. Всем щелям каюк.

— Почти что,— деловито отозвался Саша и довольно улыбнулся.

— Ну, я сейчас смолить начну,— сказал старик.— А ты бы пошел покупался.

— Успеется,— отмахнулся Саша. — Вместе смолить станем. Может, засветло и закончим.

— Ну и ладно, коли так,— согласился дед Матвей.— Смолить так смолить.

Работа шла споро. Смола в ведре заметно убавлялась. На обоих бортах лодки до кормы протянулось уже несколько черных полос. В благодатной тишине было слышно учащенное шарканье скребков да хрипловатое сопение бакенщика. Хищно сторбившись над килем лодки, дед Матвей жесткой кистью на-тужно втирал смолу в заткнутые паклей щели. Время от времени он сердито, с вызовом стукал щеткой по корпусу лодки, словно бил в свои подкравшиеся хворости и старость. При этом он еле заметно улыбался чему-то своему. Скорее всего тому, что все идет, как надо, что он не хочет стариться...

Между тем солнце заметно склонилось к закату и на землю легли длинные тени. Зной ослабел, воздух посвежел. В траве надсадно трещали кузнечики. Звенели комары. Где-то вблизи куковала кукушка. В пойме два коростеля завели свой скрипучий разговор — то ли звали, то ли пугали друг друга. Все эти звуки плыли над притихшей Волгой, отдавались в пойменном лесу.

Около восьми часов, когда солнце повисло над волжским косогором и его лучи заскользили по макушкам деревьев далекого леса, дед Матвей разогнулся и устало, довольно сказал:

— Шабаш, Саня. На сегодня хватит. Пусть смола провянет теперь. Завтра кое-где подправим, и баста. К вечеру можно будет лодку на воду спускать. Ладно вроде получилось. А что, неплохо поработали, а? Просмолили мы ее, матушку, на совесть. Комар носа не подточит.

Саша довольно улыбнулся, взял клок пакли и принялся вытирать руки. А Матвей Петрович сделал руку козырьком и, щурясь, посмотрел на Волгу в сторону Жигулей. Там, над глинистым обрывом старицы, сновали деловитые стрижи. Они, то вихляясь, взмывали к закатному небу, то тут же ровняли полет и мчались над самой водой. Вдруг бакенщик заметил, как у самой кромки горизонта где-то за Сенгилеем ящеркой пробежало легкое пламя и юркнуло за Жигулевские горы. Следом сверкнуло еще и еще, теперь длиннее и ярче.

Матвей Петрович, охваченный смутно-тревожным и сладостным волнением, тихо спросил Сашу:

— Ты гула не слышишь?

— Нет. А что?

— Да вроде небесный «ездок» поехал. И посверк над Жигулями узрел я. Похоже, что гроза копится...

— Едва ли... Все будто к вёдру идет. Откуда же грому быть, — выразил сомнение Саша.

Доводы его бакенщику казались убедительными, но над горизонтом, как ни странно, клубясь, поднималась туча. Она за-

скрыла угол багрового облака. И дед Матвей, еще раз посмотрев в потемневшую даль, вполголоса сказал:

— Может, минует нас. На юг, к Сызрани, уйдет. Но все же давай поспешим с ужином. Ты иди, купайся, а я ухой займусь...

Дед Матвей, раздумывая о чем-то, еще с минуту нерешительно потоптался около лодки и пошел к своей избушке. Саша, снимая на ходу тельняшку, направился к Волге.

Вот и сосна — огромная, корявая. Под ней сумрачно и густо пахло грибной сыростью и смолистой хвоей. Золотистая песчаная дорожка померкла под ее кроной. Саша положил одежду на замшелые сосновые корни и, разбежавшись, бросился в воду.

Выбравшись на берег, натянул штаны, перекинул через плечо свою тельняшку и заспешил к избушке бакенщика, около которой курился костер. Ветер совсем унялся. В Волгу опрокинулось заревое небо, и мнилось, что в воде — пожар. Красное солнце раскаленной монетой катилось в воду, и казалось, что сейчас коснется малиновой воды, зашипит и окутается паром. Над костром до самого неба вытянулся огненный столб. Дед Матвей сидел у костра; а в тени липы лежал пес Дружок. В жестяном котле пенилась, шипела и булькала уха. Бакенщик без надобности часто запускал в котел деревянную ложку, пробовал варево, шумно дуя на уху и смешно оттопыривая губы.

Затем Матвей Петрович снова усаживался на осокоревый чурбак, обхватывал руками колени и, не сводя глаз, смотрел, как на том берегу, словно объятый пожаром, горел и не сгорал в фиолетовой дымке высокий лес...

И вдруг на костре затрещало, зашипело. Дед вздрогнул и сорвался с места, метнулся к костру. Схватив палку, он отгрудил из-под котла угли, расстелил на траве мешковину, стал собирать на стол. Как раз в это время к костру подошел Саша. Дед Матвей, хитро щурясь, сказал тихим смешком:

— Счастливый — к обеду, роковой — к ножу. Самый раз пришел. Уха с пылу с жару. Раза три пыталась убегать... Присаживайся.

Саша присел на край мешковины и принялся за уху. Солнце скатывалось за далекую гряду леса. Приближаясь к вершинам деревьев, солнце разгорелось ярким пламенем, но не слепило, как днем. Оно росло на глазах, будто кто-то невидимый надувал огромный красный шар, от которого зарделась Волга, небо и лес на другом берегу...

Саша без подбадривания бакенщика аппетитно уплетал уху. Дед искоса поглядывал в его сторону, и на лице старика вспыхивала добродушная улыбка. Матвей Петрович изредка откладывал ложку, брал в руки большой круглый каравай, испечен-

ный из пшеничной, крупного помола, муки, прижимал его к гру-
ди и отрезал большие куски вкусного и пахучего хлеба. Упав-
шие на мешковину крошки аккуратно подбирал и отправлял в
рот, говоря при этом: «И крошку — в ладошку...»

Ужин подходил к концу, когда Матвей Петрович, облизав
жирную ложку, хитро сощурился на Сашу и сказал:

— Я ведь не забыл, Саня, про свой должок-то.

— Какой? — удивленно спросил Саша.

Вместо ответа дед Матвей пододвинул к себе старый-пре-
старый, плетенный из очищенных ивовых прутьев походный ве-
щевой сундучок, откинул рубчатую, скрипучую крышку и сказал
с усмешкой:

— Ну-ка, старичок-сундучок, открывай свои тайны.

Бакенщик ничего не вынимал, даже не ворошил залежало-
старье, соблазнял, подогревал Сашино любопытство о тайна-
фронтового багажника. Дед видел, что Саше не терпелось сво-
ими глазами посмотреть, руками потрогать, что там, на дне
сундучка, упрятано.

Матвей Петрович побарабанил пальцами по скрипучей кры-
шке сундучка и заговорил с задумчивой грустью:

— Долго, Саня, этот сундучок был для меня радостью и
утехой. Голодал и холодал с ним на фронтах разных, когда еще
за царя-батюшку лоб под пули подставлял. С этим поседевшим
фронтовым сундучком за Советскую власть, за ленинские Дек-
реты о земле и о мире шел по фронтам гражданской войны.
Аж до Перекопа с ним дошел. Этим он мне и дорог. Всегда пра-
мне...

С этими словами дед Матвей запустил руку в сундучок, по-
копался там малость, вынул оттуда какой-то сверток и переда-
его Матросову.

Тут случилось непредвиденное. Саша торопливо развернул
серую холстину и обрадованно сжал в руках старую буденовку
с алой, выцветшей от времени пятиконечной звездой, пристро-
ченной к темно-зеленому сукну шлема.

Саша тут же примерил буденовку. Она чуть-чуть была ве-
ковата.

— Ну, это ничего, — утешил его бакенщик. — Через год-два
будет как раз по тебе. Носи на здоровье.

Саша смутился, покраснел и осевшим от волнения голосом
сказал:

— Спасибо, Матвей Петрович. Пусть буденовка у вас поле-
жит. Пойду домой — захвачу.

— Это можно, — прогудел старик и аккуратно уложил шлем
в свой заветный сундучок. — Время-то как на колесах бежит

скоро бакены зажигать надо. Вот только посуду приберу и тронусь.

— Ну уж нет. Это я сам, — улыбаясь, сказал Саша. Он быстро собрал миски, ложки, уложил их в котел и побежал к Волге. Дед Матвей завернул хлеб в чистую холстину, поднялся с чурбана и, подхватив свой дорожный «саквояж», пошел в избушку и неожиданно тихо запел:

Там, вдали, за рекой, засверкали огни,
В небе ясном заря догорала...

Его негромкий вначале голос скоро окреп, и песня времен гражданской войны, его любимая песня, полилась широко, свободно и торжественно.

Допев песню, Матвей Петрович спустился с крыльца и направился под дощатый навес, где лежали рыболовные снасти и весла. И едва он нагнулся, чтобы взять весло, тут же медленно стал тяжело оседать на землю. В ушах у него стоял звон, перед глазами все закружилось. Старик дышал отрывисто. Ему не хватало воздуха. Опершись дрожащими руками о теплую землю, дедушка Матвей чуть-чуть привстал и привалился спиной к дощатым козлам, на которых были растянуты сети. Дружок жалобно заскулил, подняв высоко мохнатую морду...

А Матросов тем временем вымыл посуду, сложил ее в котел и уже вышел на крутую тропинку, как вдруг за его спиной раздался мощный гул. Саша обернулся и увидел, как со стороны Жигулей стеной поднялась неприметно возникшая туча. Саша из-под руки с тревогою посмотрел в потемневшую даль и бегом припустился к избушке бакенщика. Взлетев на крыльцо, Саша крикнул:

— Матвей Петрович, гроза идет!

Избушка молчала. Саша заглянул оторопело в сени, но там старика не было. Его охватил страх. Где-то в сердце зародилось тревожное предчувствие. И недоброе предчувствие не обмануло Сашу: из-под навеса послышался слабый собачий вой. Тревожный, тоскливый. Саша на какой-то миг остолбенел, а потом стремительно рванулся под навес. Он опустился на колени перед стариком, испуганно спросил:

— Что случилось?

— Сердце прихватило, — словно не своим голосом ответил старик. — А бакены-то как же. Вот беда. Дай-ка я на тебя обопрусь. Помоги до крыльца добраться. Малость отпустило...

Саша вскочил, чуть-чуть нагнулся, подхватил старика под мышки и помог ему встать на ноги. Бакенщик обнял Сашу правой рукой за плечи, и они пошли к избушке.

Дед Матвей уселся на самодельную лавочку и, склонив голову, тяжело, с придыханием сказал, беспомощно разводя руками:

— Только бы до темноты отдышаться. Бакен бы успеть засветить. Вот ведь оказия какая приключилась. Надо же...

У деда трясутся руки, он стучит зубами, точно в ознобе. Ему хорошо видно, как потемневшая Волга подернулась серди-той рябью. Вода, густая, синеватая, похожа на растопленный свинец...

Саша склонился к деду, положил руку на его вздрагивающее плечо и ласково сказал:

— Отдыхай, дед. А бакен — моя забота...

И вдруг Сашу будто вихрем сорвало с места. Он бросился под навес, схватил весла.

Матвей Петрович привстал, испуганно крикнул:

— Куда ты, шальной?!

— Не бойся! — не оборачиваясь, ответил Саша и по крутой тропинке сбежал к причальным мосточкам, с грохотом бросил в лодку весла, загремел цепью, сильно оттолкнул лодку и ловко вскочил на ее высоко поднятый над водой нос. Наладив весла, сел на скамейку и погнал лодку к бакену, что стоял около стрежня.

Дед Матвей хорошо видел расторопные действия Саши и одобрительно твердил:

— Ох, ловок! Ох, расторопен!

Деду трудно, но он перемогается, не может уйти с крыльца на свою кровать. Он неотрывно следит за лодкой, изредка хватаясь за грудь и часто-часто, как рыба на берегу, ловит воздух широко раскрытым ртом.

Неторопливые сумерки спускались на Волгу. Из поймы густо потянуло свежестью. Порывистый ветер взвихрил пыль столбом по косогору. Матвей Петрович забеспокоился, привстал, придерживаясь за перила крыльца, из-под руки стал пристально всматриваться в судоходное русло реки, следил за лодкой.

Волга посуровела и глухо била о камни и глиняные яры правого берега. Туча закрыла всю нижнюю часть неба. Она клубилась и метала куда попало синевато-белые молнии. Они желтыми соломинками сламывались над оцепеневшим лесом и на мгновение освещали мятущиеся вершины деревьев. По Волге потянул холодный, густой ветер, и по воде побежали белые барашки. Особенно они разыгрались на середине реки, на самом стрежне, который пересекала лодка. Косматые волны с шипением лезли через борта. Лодка глубоко зарывалась носом в пену...

Дедушка Матвей дрожащими от волнения руками, подал

шись вперед, опирался на перила крыльца и не спускал глаз с пляшущей в волны лодки и все думал: только бы бортом к волне лодку не поставил, только бы косматой полны Саня не испугался. А Матросов будто слышал дедовы пожелания, уверенно гнал лодку навстречу волне, до отказа закидывал назад весла и таранил ими повадливую на оборотно волну. Наконец-то он добрался до бакена, покрутился около него, и вскоре дед Матвей обрадованно выдохнул:

— Молодец. Грозу одолел! Вот у кого страх-то не за пазухой, а дома под лавкой остался...

Сквозь сетку мелкого дождя бакен яркой рубиновой каплей рдел над потемневшей Волгой. Обессиленная гроза уходила на запад. Заметно спала волна. И лодка, которую гнал Саша от бакена к берегу, хоть и поднималась на волну довольно грузно, но уже не зарывалась глубоко носом в воду. И дед Матвей глядел на Матросова в немом изумлении. Бакенщика восхищала спокойная уверенность подростка, поражала невесть откуда взявшаяся в Саше удаль бедового волгаря... А тот, держа лодку против волны, греб сильно и твердо, упираясь ногами в копань, выгибая спину и далеко назад закидывая руки, слушая, как сердито ворчала под носом лодки густая, свинцовая вода.

ЗОВ НАКОВАЛЬНИ

Сделанная из самана неизвестно кем и когда, в землю вросшая, старая-престарая детдомовская кузница стояла около пруда. Мимо нее пробегала вытолоченная тропинка от спальных корпусов до школы.

Саша почти каждый день заходил в полюбившуюся кузницу: звон наковальни, запах окалины, тяжелое дыхание мехов завораживали, звали к себе. Однажды теплым майским утром задолго до занятий в школе он пришел в кузницу. Из ее распахнутых дверей курился сизый дымок, рассыпались звонкие трели ручника и глухие отрывистые удары кувалды. Работали двое: высокий сутулый кузнец дядя Ваня в изрешеченном окалиной фартуке и молчаливый молотобоец Серега. Работали они с веселой легкостью, играючи. Одной рукой дядя Ваня держал в клещах раскаленный добела лемех, другой постукивал ручником по наковальне, и она звенела, как тонкие ледышки, — тут же на мягкое, податливое железо обрушивалась кувалда, и наковальня отвечала густым приглушенным стуком.

Матросов, слушая веселый перезвон, словно завороженный, смотрел на работу кузнецов. Вот на мгновение перестал вызва-

нивать ручник дяди Вани, и багровый оттянутый лемех поле-
тел в кучу бледно-голубых, остывших. Затем, быстро смахнув
рукавицей окалину с наковальни, дядя Ваня вытащил щуров-
кой спекшийся огненный шар шлака из горна, подбросил све-
жего угля и, взглянув на мальца, позвал:

— А ну-ка, иди качни! Чего зря-то глазеть.

Саша подскочил к горну, схватил отполированный ладоня-
ми рычаг мехов и обрадованно принялся качать с таким усер-
дием, что скоро пламя, пробившись наверх, загудело, набирая
силу...

С тех пор (а это было в тридцать шестом году) Саша и за-
частил в кузню. Свыкся с ней, привык, как к родному дому. Все
тут знакомо, все родное до самой малости.

По сердцу пришлась Саше тесная, приземистая, но милая
кузница, половину которой занимала печь, а напротив на огро-
ном дубовом кряже — наковальня, слева — кузнечные мехи. По
закоптелым глинобитным стенам на длинных штырях развешаны
подковы, дверные ручки, шестеренки. На верстаке, против ок-
на, разложены всякие молотки — круглые и квадратные, боль-
шущие и маленькие. Этими молотками дядя Ваня мог выковать
все, что ему заказывали. А заказывали многое: и самовары лу-
дить, и противни и косыри мастерить, а иногда и замысловатые
замки.

Работой кузнеца Саша мог любоваться весь день напролет.
Он дивился ловкости дяди Вани, той расторопности, с которой
кузнец орудовал послушным руке молоточком. Саша с завистью
качал головой. Это, конечно, всякий раз замечал дядя Ваня и,
подмигнув Саше, басил: «Уважь, Саня! Подбрось-ка жарку!».

Саша хватался за рычаг и принимался качать. Мехи шипе-
ли и сердито фукали через узкую металлическую трубку на ку-
чу углей, к потолку взвивались искры и пепел. Матросов ста-
рался вовсю, и в печи гудело, угли горели ярко. Дядя Ваня хва-
тал из горна искрящийся кусок железа, аккуратно клал на
наковальню и принимался вызванивать маленьким молоточком.

В первые дни знакомства Саша настойчиво донимал кузне-
ца: «Дядя Ваня, можно, я покачаю мехи?» Старый кузнец по-
глядит на паренька — плотный, не по годам крепкий — и мило-
стиво разрешал.

...Саша любовался работой кузнеца. Ему хотелось поскорее
научиться самому держать в руках клещи, поворачивать крас-
ное, жаром пышащее железо, бить легким молотком-ручником
по нему с одного бока, бить с другого, осаживать, растягивать
и видеть, как кусок железа становится вещью, нужной людям.

Саша старался перенимать умелые и спорые движения ку-

...ел. А работал Иван Петрович удивительно легко, сноровисто. Смотрит куда-нибудь в сторону, а молоток-ручник бьет точка в точку.

А Саша пока наловчился бить тяжелым молотком, а ручником умел только весело трезвонить на пустой наковальне. И когда он об этом с сожалением говорил Ивану Петровичу, тот ободряюще успокаивал:

— Лиха беда начало, Саня, дай срок — наловчишься. Мастера делает упражнение. Не горюй! А скажи-ка мне, медовый-бедовый, для чего на поковку в горн песок бросают?

— Чтобы окалину сбить, — уверенно ответил Саша.

— Молодец! В самое яблочко попал,— похвалил кузнец и сдержанно улыбнулся.

Обычно разговоры о житье-бытье Иван Петрович заводил во время перекура, когда в кузнице не было спешной работы. Он снимал кожаный фартук, рукавицей смахивал окалину с наковальни, вынимал из кармана кисет и направлялся к выходу, свертывая на ходу «козью ножку».

Сначала кузнец спускался к роднику, выбивавшемуся из-под каменного уступа в склоне оврага. С уступа вода попадала на почерневший, выдолбленный из дерева желоб, лежащий на вбитых крест-накрест в землю кольях. Оттуда светлая струя с шумом падала вниз, в небольшое, как чаша, углубление, заполненное до краев прозрачной водой. Тут же на проволочном крючке висела самодельная жестяная кружка, которую дядя Ваня мастерил вместе с Матросовым. И родник они благоустраивали вместе.

Дядя Ваня подставил под звенящую упругую струю кружку и медленно пил, обливая подбородок ледяной, ломящей зубы водой.

Потом кузнец вылезал по теряющейся в траве тропинке-заблуде наверх и, подняв по дороге железку, шел к заветному местечку.

Под развесистой липой, что росла рядом с кузницей, дядя Ваня смастерил ладную скамью из березовых жердей и любил в хорошую летнюю погоду отдохнуть там во время перекура.

Дядя Ваня присаживался на край скамьи, опершись на колени локтями, пускал от самокрутки голубые колечки дыма. Снизу, от пруда, тянуло сырой прохладой, пряным настоем трав и цветов, раздавался птичий щебет.

Случалось, Саша забегал в кузницу именно во время перекура и, не застав там дядю Ваню, бежал к липе. Он садился на траву напротив кузнеца, а тот тихо, неторопливо начинал свои рассказы-бывальщины.

ПОЕДИНОК С ВОЛКОМ

Необыкновенно большое, оранжевое солнце висело над крешком Отрадненского леса. По узкой лесной дороге к лощине Лазоревого холма спешили два всадника. На сером коне с широкой прогнутой спиной и мохнатыми ногами ехал Федя Хасанов. Его конь Буран шагал размеренно, прядая ушами. Федя колотил его ногами, понукал, то и дело дергал повод, стараясь не отстать от Матросова.

Сашина лошадь Ласточка, прижав уши, шла рысью. Мягко стукали по траве ее копыта, ветки деревьев хлестали всадников по лицу. Не любил Саша тихой езды. Да и Ласточка, видимо, понимала, что за всадник на ней, перешла на галоп. Матросов пригнулся, прячась за взлохмаченной гривой разгоряченной лошади. Он летел по краю большой лощины, по которой бродили, пощипывая траву, стреноженные лошади, а около развесистой березы толпилась стайка ребят. Матросов, поравнявшись с ними, звонко крикнул, взмахнув гибким прутиком: «Разойдись!» Мальчишки сыпанули в разные стороны. А Саша, вздыбив Ласточку, круто развернулся и помчался на западную сторону поляны, где трава гуще и сочнее.

У березняка Саша опустил поводья. Ласточка остановилась, всадник спрыгнул на землю. Матросов стреножил лошадь, а Федя Хасанов только притрусил на своем мохноногом Буране. Саша лукаво заметил:

— Кличка у коня лихая, а резвости нет. Разве это езда? Ездить надо с ветерком, чтоб в ушах звенело.

— Буран ленив, никаким кнутом не проймешь, — словно оправдываясь, сказал Федя. — Зато смирный. И спина широкая. Сидеть удобно. Его и треножить не надо. Никуда от табуна не уйдет...

Хасанов поднял с травы попону, перебросил через плечо, поправил сумку с едой и зашагал к роднику Воркуну, что умиротворенно позванивал почти у самых корней березы.

Не спеша Матросов и Хасанов подошли к роднику, сложили уздечки в общую кучу и, облюбовав укромное местечко около молодых рябинок, принялись стелить.

Солнце уже село, надвигалась темнота. Скрипели коростели, словно жаловались, что голо стало в заливных лугах, что высокую траву, в которой так удобно было прятаться, сметали в крутобокие стога. Около родника ярко вспыхнул костер, и над ручьем поплыл сизый дымок, приятно запахло талышком. Темнота постепенно набухала около костра, который весело похрустывал сухими ветками осокоря.

Матросов сидел на куче хвороста, подогнув калачиком ноги, и посматривал, как Федя Хасанов расчищал нагретый огнем кусочек земли, клал на него картошку и засыпал горячими углями.

«Хитер федюха, — думал Саша. — Так картошка не сгорит, да и пропечется лучше». Он радостно улыбнулся и перевел взгляд на зубчатую стену Отрадненского леса. Там Саша заметил слабую вспышку света. Вскоре за лесом, в неведомой дали, вспыхнул снова завораживающий, загадочный свет. Где-то далеко-далеко играли зарницы, а в нескольких метрах от родника начиналось колхозное поле.

Рожь стояла высокой темной стеной. Оттуда доносился скрипучий голос перепелов.

Саша Матросов, возившийся с крупной горячей картошиной, молча сорвался со своего места, машисто зашагал к молодым рябинкам, где лежала сумка с едой.

Вскоре он появился у костра, вынул из сумки спичечный коробок с солью и большую краюху черного хлеба, подал Тимке.

— На, дели на всех!

Мальчишки шумно принялись за еду. Пока шло веселое «пиршество», на траве появилась роса, в низинах свивался туман. На ближайшем плесе закрякала утка. На землю спустилась короткая ночь.

— Ну что, пошли спать, — сказал Матросов. — А то скоро светать начнет.

— Пойдем, — согласился Тимка. — Только дровишек в костер подкинуть надо. С костром-то как-то спокойнее. А то тут иногда волчишки шкодят...

Тимка вместе с Матросовым набросали в костер крупных палок и пошли к своим постелям. За ними потянулись остальные мальчишки...

Приготовив постель, Саша, шурша подсохшей травой, прилег, накрылся кожушком, вздохнул и стал устраиваться поудобнее на своей лежанке. Вскоре ребята угомонились. Теперь четко было слышно, как с обычным хрустом и хрумканьем лошади стригли росистую траву, изредка пофыркивая и всхрапывая...

А в это время вдоль извилистой степной речки шел матерый волк. Под крутым берегом весело журчала на перекатах быстрая вода. Изредка волк останавливался, вскидывал лобастую голову и принюхивался, ощущая ни с чем не сравнимый конский дух. Табун лошадей чувствовался совсем рядом — стоило сделать несколько прыжков. Лошади паслись у подножия Лазоревого холма, на обширной поляне. Волк не спешил. Он остановился под старой черемухой и застыл. Только ноздри продол-

жали шевелиться, а пушистый хвост нервно и редко покачивал
ся из стороны в сторону.

Запах конского пота становился невыносимым для волка, и
он негромко завыл. Ему хотелось ворваться в середину табуна,
схватить в суматохе сосунка и утащить в глухой овраг, в свое
логово. Но сосунок все время крутился около рослой, сильной
кобылы по кличке Карюха, а чуть поодаль, настороженно пря-
дая ушами, хрумкали травой мохноногий Буран и стройный, то-
ченый Ветерок, на котором в ночное приехал Тимка Пряхин.
Эти кони были необыкновенно сильны. Они-то и пугали волка,
заставляли держаться в отдалении от табуна. Особенно волка
пугал неповоротливый с виду, с крупными копытами Буран.
Раз волк попытался было отбить, увести к себе в логово гнедо-
го сосунка. И вот в ту самую минуту, когда оставалось лишь
схватить глупого жеребенка, неповоротливый Буран проявил
проворство, в одно мгновение очутился рядом с жеребенком и
так врезал своим мохнатым копытом волка по боку, что у него
и до сих пор побаливает ушибленное ребро...

Нет, пока Карюха со своим сосунком не отойдет подальше
от Бурана, о жеребенке лучше забыть. И все же волк, чуть
слышно поскуливая, продолжал стоять под черемухой и смот-
реть на жеребенка, словно вот-вот должен был наступить удоб-
ный момент для броска.

Матерый лобастый волк, вытянув морду, долго нюхал воз-
дух, наполненный раздражающим запахом лошадиного пота.
Он нехотя потрусил в сторону Лазоревого холма. Обогнул та-
бун и остановился на пригорке, в прогале между голенастым
вербовником. Редкий ракитовый кустарник с объеденными ниж-
ними побегами позволял видеть весь табун. Лошади разбре-
лись по обширной поляне. Жеребенок прилег. Карюха стоя-
к нему задом, а Буран пасся на почтительном расстоянии о
них...

Саша очнулся от холода. Меркли звезды. В голубой сутс-
мени мутной волной по лесу разливалось июльское утро. Еще
ничего толком не видя, Матросов повернулся на другой озяб-
ший бок и вдруг услышал тревожное ржание лошади. Саша вско-
чил и бросился к еле теплящемуся костру. Он схватил чадящую
сизым дымком головешку и помчался к табуну, крича что ест
силы:

— Во-о-о-лк-и-и!

Молодые зеленовато-серые метелки мятлика шумно хлеста
ли по штанам, осыпая росой босые ноги. Зябкий ветерок забр
рался под рубашку. За кучкой чахлых дубков, высоко задрав
голову, хрипло ржала от ужаса Карюха, стараясь защитит

тонконогого жеребенка. Другие лошади всхрапывали и метались из стороны в сторону, чуя зверя. Под копытами коней глухо гудела земля.

Матросов выскочил из черемушника и увидел выточенную фигурку жеребенка. Он дурашливо взбрыкивал ногами, тоненько ржал и крутился около матери. А чуть на отшибе, сверкая холодными зеленоватыми глазами, с оскаленной клыкастой пастью, стоял волк. Матросов заулюлюкал, размахивая чадящей головешкой.

Тонкое, призывное ржание жеребенка полоснуло слух ребят. Они вскакивали с нагретых постелей, пугливо озирались по сторонам и всполошно топтались на месте.

Но вот к ним подскочил с головешкой в руке Тимка Пряхин и крикнул:

— За мно-о-ой!

Сбивая с травы крупную росу, мальчишки с криком и свистом помчались вслед за коноводом. Их подхлестывал тревожный, режущий слух крик жеребенка.

Матросов подбежал к Карюхе, отбивавшейся от наседавшего волка, приостановился и запустил в волка головешку. Фонтан ярких искр взметнулся в небо рядом с волком. Зверь огрызнулся, оскалив хищную пасть и отскочив в сторону, сверкнул холодными зеленоватыми глазами, скрылся в мелколесье Лазоревого холма.

А в лощине гудели голоса Тимкиной ватаги. Мальчишки бежали прямиком. Им приходилось руками раздвигать заросли крапивы. Она больно жгла лицо, руки, босые ноги, но ребята все переносили и упорно продвигались вперед. Наконец перед их глазами сверкнул просвет, и мальчишки остановились как вкопанные.

Неожиданная и удивительная картина открылась перед ними. На ровной, вытолоченной конскими копытами полянке, которую полукольцом обступили кривые, скрюченные березки и осинки, густо повитые хмельником, стояла Карюха, отряхиваясь и облизывая жеребенка. А рядом, тяжело дыша, сидел на корточках Матросов.

И тут вдруг ошалело закричал Федя Хасанов:

— Ату, ату! Вон, вон волк-то! На косогоре.

Мальчишки кинулись к Лазоревому холму, испуганно завертели головами туда-сюда. Волк остановился, поглядел на них, вздернул губу и показал кривые желтые клыки. Потом резко крутнулся, рванул большими скачками в осинник и исчез в нем. А вскоре где-то у Гремячего буерака завыл уныло, тягуче и страшно.

«МОСТ» НАД ОБРЫВОМ

Однажды Саша Матросов с Федей Хасановым на Дремучем ловили рыбу. К ним подошла ватажка ивановских мальчишек. Их коновод Тимка Пряхин, усмехнувшись, пригласил:

— Пошли к Гремячему омуту. Мы вам такое покажем...

— Ага, ага! Прямо жуть! Даже у меня душа в пятки уходит,— затараторил светловолосый Леха Соколов, курносый, с веснушчатыми длинными руками и чуть приоткрытым ртом, как будто он все время что-то хочет сказать. Если верить слухам, то Лешка — самый смелый и отчаянный мальчишка в Иваново. Ему будто ничего не стоило нырнуть в глубокий омут Вертун около старой мельницы, забраться на самое высокое дерево и даже прокатиться стоя на лошади без узды. Про Леху говорили: «Отчаянный до бесшабашности. Сорвиголова...» Он торопил:

— Матрос, пошли к омуту скорее. Через «Чертов мост» ходить будем.

— Какой еще мост? Откуда он взялся? — удивился Матросов.

— Пошли, пошли. Не тяни, — торопил непоседливый Леха.

— Ну как, Федя. Пойдем, что ли? — обратился Саша к Хасанову.

— Зря проходим! — ответил Федя. — Да в омут еще грохнешься. Придумали черт те что. Лучше бы из лука пострелляли...

— Все ясно! — криво усмехнулся Тимка Пряхин. — Струсил! Ты даже на таком пентюхе, как Буран, ездить боишься.

У Федьки забегали глаза, запрыгали губы — он силился подыскать такое словцо, каким бы поувесистее оглушить этого задиру, но было уже поздно: все мальчишки вслед за Тимкой и Матросовым направились к омуту. Пожав плечами, поплелся и Федя.

Гремячий омут в километре от Дремы, где дно оврага обрывалось крутым уступом, образуя водопад. Полноводный ручей падал с двухметровой высоты на каменистое дно. Вода гулко шумела, пенилась. Вот над этим-то бурлящим водопадом Тимка с Лехой и перебросили сосновую слегу в семь метров, назвав переправу «Чертовым мостом».

Берега Ревуна (так еще называли этот водопад) оторочены густым кустарником и сочной травой. Вода в нем казалась светло-зеленой. Но в пору половодья вода в Ревуне свивалась воронками, кипела, как в огромном котле, становилась густо-черной и страшноватой.

По полынному косогору мальчишки пришли к Ревуну. Мат

ров присел на край пятиметрового яра, свесив с кручи ноги. Саша посмотрел на огромное поле, простиравшееся вокруг. Далеко-далеко виднелась деревенька Ограда. В низине стрекотала невидимая косилка. По склонам Ревуна цвела таволга, и Саше казалось, что там разлито парное молоко. А на противоположной стороне оврага, над Ревуном, держась корнями за самую кромку кручи, вершиной вниз висела молодая березка. Саша думал: какими же крепкими должны быть корни у этой висящей березки? Вот это сила!

Но Тимка оборвал его раздумья:

— Ну-у ты, Матрос, и даешь. Приземлился и забыл, зачем пришел. Ну, вставай же. Покажи свою удаль...

— А ты не пукай! — возмутился Матросов.— Я не держу тебя. Шпарь на здоровье, а я погляжу, поучусь.

— Ишь ты! — сердито крикнул Тимка, в раскосых глазах запрыгали колючие искорки. — Трусу кланяешься, Матрос. Учтем.

— Запомни на всякий случай: я никому не кланяюсь, кроме грибов да воды родниковой, — спокойно возразил Саша.

— Вона-а-а что-о... Гордец. Ну, ну. Учтем,— пообещал Пряхин.

Леха Соколов стоял в сторонке и, нагнув вихрастую голову, заинтересованно приглядывался к Тимке и Саше, но больше к Матросову, и вдруг, махнув рукой, крикнул:

— А ну вас, чудики какие-то. Слушать тошно. Я пошел...

Лешка поддернул штаны, вдохнул полной грудью и, балансируя руками, уверенно зашагал по смолистой слеге. Она вздрагивала, прогибалась. Внизу шумел Ревун. Мальчишки сгрудились около переправы и затаив дыхание не сводили глаз с Лешки. Кто-то восхищенно сказал:

— Ух, как здорово!

Лешка все быстрее и быстрее перебирал ногами, чувствуя, как брызги от Ревуна холодят лицо и босые ноги. Им на какой-то миг овладело сомнение: хватит ли духу пройти оставшиеся два метра над пятиметровой кручей. И вдруг он услыхал голос Пряхина:

— Не гляди вниз! Давай смелее!

И Лешка давал. Ему было трудно: кружилась голова. Он заспешил, заторопился, слегка споткнулся, но удержался на ногах. Еще рывок, и Леха, обессилев, присел на седой полынок у самого края обрыва. Ноги дрожали, сердце ходило ходуном и никак не могло успокоиться, во рту пересохло. А на другом берегу мальчишеская ватага свистела, кричала, хлопала в ладоши:

— Ур-а-а-а! Мо-ло-о-дец, Леха-а!
Уняв дыхание, Лешка крикнул:
— Твоя очередь, Матрос. Иди ко мне...
Саша быстро подошел к переправе и едва занес ногу на слегой, вдруг отдернул ее и повернул обратно.
— Струсил! Струсил! — заорали ивановские мальчишки. Они ликовали, свистели, дразнились.
— Да-а! Дела-а-а! — злорадно процедил Тимка. — Умыли тебя, Матрос! Знай наших, ивановских! А хвастовства, хвастовства-то было сколько!
Саша поймал смущенный, растерянный взгляд Феди Хасанова, присел на траву и, не поднимая на ребят глаза, принялся снимать ботинки. А Тимка Пряхин не унимался, подначивал, старался как можно больнее ударить по Сашиному самолюбию.
— Смотрите, ребята, Матрос собирается вброд Ревун переходить. Это надо же. По слеге идти кишка тонка. Головка у Сашнюшки кружится... Хвальбушка-трусишка...
Возмущенный настырностью и наглостью Тимки, Федя Хасанов подбежал к Саше и, воинственно раздувая ноздри, гневно сказал:
— Стукни его разок по шее, чтобы рот не разевал. Чего обзывается?
— Ну и пусть дразнит! Хоть горшком назови, только в печь не ставь, — ухмыльнулся Саша. — Не тужи, Федя. Будет и на нашей улице праздник...
— А ну тебя! Всегда так. Великодушие показываешь. Я бы на твоем месте навтыкал ему, будь здоров, — огорчился Федя, что Саша позволял конопатому Тимке насмехаться над собой. Федя растерянно хлопал белесыми ресницами, поправляя кверху козырек кепки, сползающей на глаза. А потом решительно заявил:
— Ну нет, я этому кривляке сейчас вложу!
— Не выдумывай. Он же сильнее тебя, — обнимая за плечи Федю, остановил его Саша. — Держи-ка мои ботинки. Сейчас он припухнет...
Пригнувшись, Саша пошел к переправе. Наступила глухая тишина. Удивленные мальчишки насторожились. Тимка Пряхин то ерошил светло-рыжие волосы, то хватался за большие, оттопыренные уши, словно желал убедиться — на месте они?
А Матросов поставил левую ногу на край слеги, пробуя ее прочность, посмотрел в ревущий омут. Резко било в глаза отраженное от воды солнце.
— Эй, ты, рыжий-конопатый, убил дедушку лопатой,

вай прогуляемся по слеге. Только не рассусоливать. Делать — так делать. Пошли, Рыжик!

Обычно Матросов Пряхина звал Тимкой, но, когда хотел позлить, прибегал к прозвищу.

— Пошли, пошли, покажи свою храбрость, — торопил Саша Пряхина. — Или только других понукать умеешь?

Для Тимки это было подобно грому среди ясного неба. Сразу померкла ершистость. Он растерянно посмотрел по сторонам, ища у кого-нибудь поддержки. Ивановские мальчишки смущенно переглядывались и молчали. А их настырный коновод, готовый кинуться наутек или провалиться на месте, покраснел и часто-часто моргал, словно не мог проморгаться: и перед мальчишками стыдно трусить, и в Ревун со слеги свалиться не хотелось. А у Матросова рот до ушей: он видел Тимкину растерянность, оробелость, плохо скрываемый испуг.

— Ну, объясни им: кто ты такой? — Матросов показал на мальчишек, — кто же из нас трус? Молчишь! Хотел без драки попасть в большие забияки. Не вышло?

Тимка молчал и краснел от страха, от стыда, что струсил. Глаза у Саши смеялись, а у Тимки были растерянными. Он с тоской смотрел на низкое закатное солнце и казался жалким, неожиданно притихшим, присмиревшим. Тимка страдал, иногда болезненно морщился.

А Матросов, поглядывая в его сторону, думал: «Если совесть в нем есть, пусть пострадает, помучается». А вслух с подковыркой сказал:

— Такие-то мы храбрецы, Тимка. Недомогаем, значит. Смелость осечку дала. А разговоров! Мы то, мы и се. Самые удалые, самые храбрые. Вот и домыкался. На словах-то ты — орел, а на деле — мокрая курица.

Мальчишки засмеялись. Они вдруг увидели своего коновода совсем другим. Не грозным, гордым и независимым, а беспомощным и слабым. Потому что все вдруг поняли: если Тимка что и умеет, так это делать набеги на чужие сады и раздавать подзатыльники тем, кто слабее его. Нет, пожалуй, он еще умеет якать да других подгонять. И с Сашкой его не сравнишь.

Пряхин замер, сжал кулаки. Мальчишкам показалось, что он сейчас бросится на кого-нибудь. А он стоял, не двигался, лишь искоса поглядывая на щуплого Костика-Хвостика, сына колхозного конюха. Тимка молчал. А ребятишки хихикали. И громче всех заливался звонким смехом Костик-Хвостик.

Но вот все посмотрели на Матросова. Он стоял на слеге, едва-едва покачивал раскинутыми в стороны руками и слушал, как в Ревуне обиженно и даже гневно, сердито, пенясь, гудела

пода. Саша постоял-постоял, потом, стараясь не смотреть се
пол ноги, уверенно и твердо зашагал по переправе.

Тимка подскочил к Костику-Хвостику, скосил его подножко
прижал коленкой к земле и начал молотить его конопатым
кулаками. Костик кряхтел, пытался приподняться на четверень
ки. Но трудно ему вывернуться из-под цепкого и сильного Тим
ки. А тот бил и цедил сквозь зубы:

— Будешь еще скалить зубы надо мной? Будешь? Будеш

К Матросову переметнулся. За это еще получай довесок!

— Пусти, конопатый! — визжал Костик. — Дай только вы
рваться, в омут столкну.

Добежав до края слеги, Саша услыхал крики и, погрози
кому-то кулаком, повернул обратно. Сдерживая дыхание, с
подбежал к дерущимся и разнял их. Костик всхлипывал, пр
держивая рукой разорванный ворот своей рубахи. Тимка н
гнулся и принялся оттирать зазеленевшие коленки штанов. В
в этот момент Костик подскочил к нему, влепил звонкую опл
уху и кинулся наутек.

Что тут началось! Тимка взвыл и бросился за Костиком, в
несколько мальчишек встали стеной на пути.

— Ну, погоди, Хвостик! — кричал Тимка, стараясь расто
кать ребятишек. — Я тебе устрою баню!

К мальчишкам подбежал Матросов. Тимка встретил е
уничтожающим взглядом. Он еще не остыл от потасовки с Ко
тиком-Хвостиком, тяжело дышал, был весь пунцовый. Са
драк не любил. И терпеть не мог тех, кто чуть что — сразу
с кулаками, как Тимка Пряхин. Саша, улыбаясь, посмотрел
Пряхина и спросил:

— Тимка, ты ничего не слышишь?

Пряхин, насторожившись, нехотя выдавил:

— Нет. А что?

— Иди-ка остудись в речке, а то шипишь со зла, как яичн
ца на сковородке...

Мальчишки засмеялись. Тимка круто повернулся к ним, с
рив презрительным взглядом. Дерзость «малявок» ошеломи
Тимку. С минуту он молча разглядывал то одного, то другог
то третьего и вдруг, подскочив к Ильке Саблину, влепил е
затрещину.

Саша встал между Тимкой и Илькой. Он положил ру
Тимке на плечо:

— Ну вот что, атаман. Если ты его еще хоть пальцем з
денешь, пеняй на себя. Понял?

И тут случилось невероятное: лицо Тимки побледнело, г
за вспыхнули злобой. Он неожиданно подпрыгнул и толкн

Сашу в грудь. Ошарашенный Матросов отступил, но Тимка продолжал наседать на него.

— Дай ему, Сашка, как следует. Что ты на него смотришь? — горячился Федя Хасанов.

У Матросова все кипело внутри. Он резко отшиб Тимкину руку от своей груди и бросил сухо:

— Ну-ка, отцепись! Не распускай рук-то.

— Фу-ты ну-ты ноги гнуты, — презрительно скривив губы, фыркнул Тимка.

— А ты не фыркай. Подбери губы-то, — подступая вплотную к Тимке, сказал Матросов. — Не стыдно: с маленькими связался. Нашел, на ком зло срывать. Ну, что ты за человек: ведь тебе же плохо, от самого себя плохо...

Тимка хмуро глянул на Сашу, небрежно сунул руку в карман, достал пачку папирос:

— Закурим?

Несколько минут они молча мерили друг друга взглядами. Потом Саша спокойно сказал:

— Я не курю.

— Ну, как хочешь, — ухмыльнулся Тимка и, закурив, сдвинул на затылок кепку.

— Глядеть на тебя, Тимка, противно. Кривляешься. Строишь из себя ухаря, а куришь украдкой, сказать отцу — он тебе губы оторвет, — вприщур посмотрев на Пряхина, сказал Саша.

Озадаченный Тимка молчал. В узких глазах бушевали злые огоньки. Казалось, он сейчас взорвется и кинется с кулаками на Сашу. Но нет. Тимка постоял с минуту, переступая с ноги на ногу, показал изумленным ребятам кулак и вразвалку зашагал прочь.

— Давно бы так! — радостно воскликнул Матросов. — Топай и не оглядывайся. Мы уж как-нибудь без тебя обойдемся. Так, что ли, братва?

— Правильно! — поддержали Сашу ребята.

— Кто из лука стрелять хочет, подходи ко мне, — предложил Саша.

Ватага мальчишек сгрудилась около Матросова.

— Федя, давай лук и стрелы, — попросил Саша. — Вешай мишень на дерево.

Хасанов прикрепил к осокорю листок из тетради, на котором был нарисован круг. Саша отмерил десять шагов от мишени и передал лук Костику-Хвостику:

— Не подкачай, Костик. Врежь в самое яблочко!

Костик долго целился, закусив нижнюю губу. Он изо всех сил натянул тетиву и пустил стрелу. Она пролетела по крас-

бой дуге и воткнулась в осокорь сантиметров на сорок выше мишени.

— Мазила! — закричали мальчишки.

А Саша Матросов, хитровато подмигнув Костику, извлек из дерева стрелу и сказал:

— Для пристрелки — хорошо! Вот если и третью стрелу пошлешь «за молоком», тогда дело плохо.

Сашино вмешательство заставило замолчать ретивых крикунов, и Костик снова встал на линию «огня». Но и вторую, и третью стрелы Костик послал мимо цели. Он молча сносил насмешки ребят и передал лук Лешке Плетневу.

Леха проверил натяжение тетивы, ощупал острый, сделанный Сашей из тонкой, белой жести наконечник, встал боком к мишени и ловко пустил стрелу. Ватага ребят от изумления ахнула, будто разом выдохнула, скопом бросились к мишени.

— Меткий выстрел! Надо же! Сроду так не попасть мне в самое яблочко врезал! — восхищался Федя Хасанов.

— Да, метко, по-ворошиловски, — добавил Матросов. — Молодец, Леха!..

И тут же на Лешку обрушились долгие, благодарные аплодисменты. А он, смущенный успехом, стоял, опустив глаза, и растерянно улыбался.

Соревнования лучников продолжались до захода солнца. Надвинулась темнота, затихла работа на лугах. Скрипели коростели, словно жаловались, что голо стало в заливных лугах, что высокую траву, в которой удобно было прятаться, сметали в крутобокие, подпирающие небо, стога. Около речки ярко вспыхнул костер, и над ней поплыл сизый дымок, приятно запахло тальником.

От омута ребята шли все вместе. После захода солнца посвежело. Тишина повисла над ручьем, вдоль которого шли мальчишки. Только слышно было тихое, убаюкивающее журчание воды, а над лесом затухал веселый закат.

БЕРЕНДЕИ

Где-то тревожно тенькнула синица. Ей ответила злым стрекотанием сорока. Вслед за ней жалобно закуковала кукушка. Потом часто-часто застучал дятел. В густых зарослях ольшаника, словно выверяя свой голос, раза два тихонько щелкнул соловей, а затем залился неудержимой трелью. Но его тут же заглушило горластое карканье вороны. И едва умолкла ворона, как тотчас же из пещеры вышел смуглый мальчишка в

девке с выцветшей красной звездой. На груди у него висел бинокль, а через плечо была перекинута на тонком ремешке огромная самодельная планшетка.

Вдруг в зарослях ольховника три раза прокуковала кукушка. Сердце паренька забилось от радости: дозор давал знать, что вокруг все в порядке. Мальчишка вложил два пальца в рот, и раздался лихой свист. Это Саша Матросов созывал своих «берендеев» на совет.

И, удивительное дело, птичий пересвист сразу прекратился: вокруг стало тихо. Лишь прохладный ветерок шелестел листвой, да с реки доносился гомон ребятишек: внезапно оборвавшаяся птичья перекличка была условным сигналом.

Саша забрался на кривую ольху, приставил к глазам бинокль и стал напряженно всматриваться в голубоватую туманную даль речной поймы, над которой струилось дрожащее марево. Потом он внимательно осмотрел самые ближние подступы к Суходолу и, убедившись, что там нет ни души, опустил бинокль, спрыгнул на землю. И вдруг сзади, в кустарнике, раздался хруст. Саша резко обернулся и увидел щуплого Ванюшку Синягина. Тот вытянулся по стойке «смирно» и четко доложил:

— Товарищ комиссар, дозорный «соловей» на вызов явился. Посторонних в зоне моего действия не обнаружил.

— Ясно! — одобрил Саша. — Назначаю тебя часовым перед штабом отряда «берендеев» на время заседания совета.

— Есть! — обрадованно выкрикнул Ванюшка.

— Запомни, — наставлял Саша, — наш пароль сегодня «Звезда». Кто назовет другой пароль — задерживай. И никуда не отлучайся. Смотри в оба. Чуть что — давай знать: три раза щелкни соловьем. Понял?

— Понял!

— Повтори!

Ванюшка одним духом почти слово в слово повторил все, что сказал Саша.

— Молодец! — хлопнул его по плечу Матросов. — А теперь заступай на пост.

— Есть!

Матросов юркнул в кусты, а Синягин, счастливый и необыкновенно серьезный, повесив на грудь деревянную винтовку, принялся шагать взад-вперед...

В одном месте правая сторона Суходола была обрывистой. Вот здесь-то и оборудовали «берендеи» командный пункт. Мальчишки выкопали пещеру там, где на дне обрыва каким-то чудом рос кряжистый осокорь. Его могучая крона полностью за-

крывала вход в пещеру. А вокруг густо разрослась крапива и ежевика.

Придерживая планшетку, чтобы она не била по ногам, Саша вприпрыжку помчался к пещере. У входа в штаб он постоял, послушал, а потом юркнул в пещеру. Саша сел за перевернутый вверх дном ящик, вынул из планшетки карту и на секунду задумался: «Ах да. Вот что. Как бы не забыть», — вспомнил он и поставил крестик на карте.

Затем что-то старательно начал писать на клочке бумаги. Огромная его тень от свечи, что стояла на столе, колебалась на стене пещеры.

Между тем один за другим к штабу пришли Федя Хасанов, Саша Аблуков, Миша Саулин и вездесущая Наташа. Матросов пригласил их сесть поближе к «столу» и, развернув карту, сказал:

— Смотрите сюда...

Ребята опустились на колени и, чуть не стукаясь лбами, склонились над картой, которая вся была усеяна разными значками — треугольниками, стрелками, кружочками, квадратиками. «Беренден» молча водили глазами за Сашиным карандашом. Медленно скользившим по извилистой синей ниточке Дремы. Но вот карандаш дополз до того места, где речка делала крутой поворот, и остановился.

— Вот видите,— сказал Матросов.— Здесь в Дрему впадает Плутайка. А это вот Черемуховый овраг. На прошлой неделе прошел ливень. Помните, как он хлестал? Так вот, он смыл почву на склонах оврага. А ведь там колхоз посадил молодые сосенки, чтобы укрепить склоны оврага. Потоки дождевой воды обнажили корни саженцев. Они могут погибнуть. Давайте спасем их... И поскорее.

— А как скорее?— заметила Наташа.— У нас же с собой ничего нет. Давайте завтра...

— Согласен,— сказал Саша.— Захватывайте завтра ведра с лопатами и в Черемуховый овраг...

— Ти-и-ше-е! Вроде чихнул кто-то. Кажется, сюда идет,— прошептал Ванюшка Спиягин, стоявший у самого входа в пещеру.

Ребята притихли. С минуту они чутко прислушивались к звонкому стрижиному писку, сквозь который было слышно, как кто-то шумно продирался через кусты прямо к пещере.

— Наверно, кто-нибудь из Тимкиных дружков нашу пещеру ищет,— прошептал Федя.

— Давайте поймаем,— предложил Саша Аблуков.

— Правильно,— подхватил Матросов.— Федя, Саша, за-

дите с флангов, а мы с Ванюшкой и Мишей атакуем с фронта. Ну, пошли!

Пригибаясь, ребята один за другим выскочили из пещеры и притаились за кустами, готовые броситься на противника. А тот, ничего не подозревая, упрямо пробирался через кустарник к штабу. Самого нарушителя ребята не видели: его скрывал ольховник и ивняк. Неизвестный шел с остановками. Видимо, прислушивался и осматривался. Послушает, послушает и шагает дальше.

И вот, когда он оказался совсем близко от пещеры, Матросов махнул рукой. Затрещали кусты, и «берендеи» бросились на лазутчика.

Незнакомец шарахнулся сначала вправо, затем влево. Но с той и с другой стороны неслись крики:

— Держи-и его! Лови-и-и! Хва-а-тай!

Саша ломился через кусты, спотыкался о кочки. Ветки больно хлестали его по лицу, царапали руки. Неизвестный рванулся в сторону. Матросов погнался за ним, споткнулся и упал. Но тут же вскочил и в два прыжка настиг лазутчика. Перед ним стоял Шалопут: известный на всю Ивановку шкодливый козел бабки Василисы.

— Поймал? — подскочил к Саше Миша Саулин и, увидев козла, залился звонким смехом.

Сбежавшиеся ребята не могли понять, что же произошло: не превратился же лазутчик в козла?

На следующее утро, к удивлению «берендеев», в Черемуховом овраге они встретили Пашку Хватова, который рубил здесь ивняк для плетения корзинок.

— Сажать не сажал, а рубишь, — с укором сказал Саша Аблуков. — И что ты, Пашка, за человек? Только к себе гребешь. Шел бы с нами саженцы спасать. Их дождем чуть не смыло. Корни обнажились.

Пашка молча схватил ведро и побежал набирать землю из ручьевины. Там орудовал лопатой Миша Саулин. За Пашкой потянулись и «берендеи». Работа началась дружно. Споро. Ведро за ведром, наполненные речным илом, ребята высыпали на размытые корни саженцев и, разровняв, притаптывали сыроватый ил.

Землю таскали со дна оврага, густо заросшего черемухой, ивняком и калиной. В ход были пущены корзинки, ведра и даже мешки. Дело это нехитрое, но не из легких. И Пашка вскоре начал отлынивать. Когда он нес ведро с землей, то тяжело дышал, шумно отдувался, отыскивая глазами деревце с оголенными корнями поближе к тому месту, откуда брали землю. Каж-

2 Заказ 2633

лым своим движением он, видимо, старался показать, что ему все это надоело.

Вот он высыпал очередное ведро земли на корни саженцев, перевернул его вверх дном, уселся на него и начал усердно подолом рубашки вытирать пот. Отдохнув малость, Пашка поднялся с ведра, наподдал его ногой и вразвалочку пошел за ним по откосу. Гремя и подпрыгивая, ведро скатилось на дно оврага. Матросов подхватил его, поставил и принялся наполнять землей. К нему подошел Пашка. Матросов строго поглядел на Пашку и сказал многозначительно:

— Та-ак. Очень даже похвально...

— А что я сделал? — огрызнулся Хватов, уловив ноту укора в голосе Матросова.

— Ничего, только ведро помял.

— Ну и пусть! Твое, что ли, оно?

— А колхозное, по-твоему, можно. Свое бы ты не пинул. Жалко. Так не пойдет...

— Ух ты! — хмыкнул Пашка. — Подумаешь, начальство какое! Видали мы таких!

— Видал, так еще посмотри, — спокойно заметил Саша. — А безобразничать не дам. Не хочешь работать — уходи. Обойдемся без тебя.

— Чего ты пристал? — ощетинился Хватов. — Хоть бы ведро то было новое. А то брось, и никто не поднимет...

Вокруг Пашки и Матросова сгрудились ребята. Федя Хасанов напустился на Пашку.

— Да у вас у колодца хуже бадья висит, и то от людей ее прячете. Боитесь, как бы не помяли ее или не украли. Пусть бы висела все время...

Пашка опустил голову, нижняя губа у него задергалась. С минуту он молчал, а потом презрительно сказал:

— Очень нужно! На всех не напасешься.

— Ага! Не напасешься! — крикнул Хасанов. — А колхозное, значит, можно ломать и мять. Да? Что молчишь? Вот то-то и оно-то. Эх ты — наше, ваше и мое...

— Все высказались, — съехидничал Пашка. — Ваше счастье, что я пить хочу, а то бы охрипли от крика. И он вразвалку направился к родничку.

— Ну и тип, — сердито плюнул вслед Пашке Федя Хасанов. — Одна канитель с ним. Пригласил ты, Аблуков, такого на свою голову.

— Ну ладно, ребята, — примирительно сказал Матросов. — Давайте поднажмем и отдыхать. А на Пашку не обращайте внимания.

Работа снова пошла дружно и споро. Но без Пашки. Он сидел у родничка и грыз морковь. Первый же огрызок бросил в родник. Туда же он отправил и второй и третий... Потом он отошел от родника и стал увязывать в пучки нарубленный ивняк.

Солнце стояло почти над самой головой, когда «берендеи» закончили работу и дружно кинулись к роднику. Они, как пчелы, облепили высокий старый сруб родника. Прозрачная студеная вода с тихим журчанием перекатывалась через замшелые бревна и сочно звенела и булькала на белых, покрытых ржавчиной камнях.

Саша Матросов, нагнувшись над срубом, хотел зачерпнуть берестяным черпаком воды, но тут же увидал морковные огрызки и повернулся в сторону Пашки:

— И здесь нашкодил. Из родника-то люди пьют. А ты в него мусор бросаешь. Нашел забаву.

— Ладно тебе, чистюля, — отмахнулся Пашка.

— Нет, не ладно! — крикнул Федя Хасанов. — Безобразничаешь да еще огрызаешься!

— А чё ты лезешь. Не твое дело и не возникай, — буркнул Пашка.

— Ну, знаешь, — взорвался Федя и двинулся на Пашку.

— Чего взъерепенился? — сощурив глаза, сказал сердито Пашка. — Только тронь. Попробуй!

Ребята осуждающе глядели на Пашку. Кто-то крикнул:

— А ты кончай безобразничать! Совсем обнаглел! Уматывай отсюда!

— И правда, — поддержал Саша Аблуков. — Чеши, Хват, домой. Нечего нам глаза здесь мозолить. Дернуло меня пригласить тебя саженцы спасать. Давай, дуй без оглядки. Тяжелый ты человек, Пашка. Ох, тяжелый...

Пашка растерянно заморгал глазами. Вдруг из кустов черемухи показался пчеловод Андрей Лаврентьевич с лопатой на плече.

— Мир честной компании, — приподняв парусиновый картуз, поприветствовал дед Андрей. — Что за шум, а драки нет?

— Не успели, дедушка, — улыбаясь, ответила Наташа.

— Ну и добро, — подходя к роднику, сказал дед Андрей. — С этим торопиться нечего. Лучше худой мир, чем добрая потасовка. А вот морковных огрызков в родник набросали зря. Озорство это. Небось слыхали: не плюй в колодец — пригодится воды напиться...

Тут все сразу зашумели. Снова напустились на Пашку. А тот нагнулся и молчал, не смея поднять глаза на старика.

— Ты это зря, парень, назлойредничал, — осуждающе заговорил дед Андрей. — Зачем же воду осквернять. Ну, а уж коль нашколил, то будь добр и вылови всю несъедобность. Айда-ка сюда. Вот тебе черпачок, и действуй. Да запомни: неправое дело крепким не бывает...

Дед взял из рук Матросова берестяной черпачок и отдал его Пашке. Сопящий и хмурый, Хватов с мрачным видом принялся вылавливать морковные огрызки. А мальчишки похохатывали и подтрунивали над ним. Старик, примостившись на срубе родника, попыхивал трубкой и говорил:

— А вообще-то, вы молодцы, ребята. Я ведь сюда тоже пришел саженцы спасать. Да вы меня опередили. А я все эти дни сокрушался: пропадут, думал, сосенки. И пропали бы, если бы не вы. И кто же это вас надоумил?

— Никто. Сами, — ответил Матросов.

— Скажи на милость! — удивился старик. — Вот это по-хозяйски...

«Беренден» весело переглянулись. В это время Пашка выбросил из родника последний огрызок моркови и буркнул:

— Все.

— Ну, вот теперь порядок, — улыбнулся дед Андрей, принимая от Пашки черпак. Андрей Лаврентьевич зачерпнул воды и стал пить. Пил, не торопясь, мелкими глотками. Напившись, отер губы рукавом рубашки, крякнул и, прищурив глаза, сказал:

— Хороша водичка. Чем больше пьешь, тем больше хочется. Угощайтесь, кто хочет.

«Беренден» почти все разом потянулись за черпачком.

РЫЖИК

Зимой тридцать восьмого года, в самые лютые холода, Саша Матросов пошел как-то к старой мельнице, чтобы в птичьи кормушки положить корм. А для снегирей прихватил несколько гроздей рябины, которую для этой цели заготовил еще осенью.

Скользя и цепляясь за кустарник руками, Саша по пологому склону поднялся от Светлихи к полуразрушенной плотине. Отсюда как на ладони была видна Ивановка, а от нее к детдому вился, сверкая на солнце, накатанный санный путь. Саша отдышался и начал развешивать гроздья рябины на кустах ольхи и черемухи.

А когда сумка его опустела и он, почти по пояс утопая в снегу, стал выбираться из рощицы, неожиданно остановился

Почти рядом с мельницей возле дуплистой ветлы что-то темнело на снегу. Любопытство будто подтолкнуло его. Утопая в снегу, Саша заспешил к ветле. Вскоре он увидел лохматую коричневую собаку. Сначала ему показалось, что она мертвая. Но когда Матросов подошел к ней ближе, то собака, тихо повизгивая, жалобно посмотрела на заспеженного с ног до головы мальчишку. Это был огромный пес с лохматой шерстью и толстым пушистым хвостом.

Собака лежала на окровавленном снегу. Большая лохматая голова с круглыми темными глазами покоилась на толстых передних лапах. Левая задняя лапа была зажата волчьим капканом. Из лапы сочилась кровь. Пес подергал пушистым хвостом и тяжело пополз к Саше на животе. Матросов опустился на колени и ласково сказал:

— Потерпи, потерпи малость. Я сейчас.

Саша бросился к капкану и с трудом разжал его. Пес взвыл от боли и, свернувшись калачиком, принялся зализывать раненую лапу. А Саша вынул из кармана короткого ватника ножскладень, сбросил с плеча холщовую сумку и разрезал ее по шву на две ленты. Затем достал из кармана ломоть хлеба и, отламывая коченеющими пальцами хлебную мякоть, бросал ее собаке. Она на лету подхватывала кусочки и так быстро проглатывала их, что можно было подумать, что они растворялись в воздухе.

Скормив собаке весь ломоть хлеба, Саша погладил ее и озабоченно обратился к тихо поскуливающей собаке:

— Ну, а дальше что мы с тобой будем делать?

Собака завиляла хвостом и устремила на Сашу умные глаза. Саша принялся торопливо бинтовать собаке ногу, ласково приговаривая:

— Мы сейчас, скоренько...

Пес доверчиво смотрел на своего нового хозяина и вилял хвостом. Когда Саша забинтовал холстиной собаке ногу, поднялся и сделал несколько шагов к дороге, пес жалобно заскулил, вскочил, шумно стряхнул с себя снег и заковылял.

Саша подождал собаку, потом присел около нее, посмотрел в ее желтоватые глаза и сказал:

— За хозяина меня признала. А как же тебя звать? Будь Рыжиком. Хорошо?

Пес начал тихонько повизгивать, мести снег пушистым хвостом, потом улегся у Сашиных ног, кося умными глазами на мальчишку. Саша нагнулся, и Рыжик ткнулся холодным носом в его лицо. Затем снова положил свою крупную голову на снег, прикрыв лапой морду. Виднелся один желтый глаз, который,

как показалось Матросову, укоризненно глядел ему в спину.

Санька для прочности обмотал волосину на пое Рыжика ве ревком, поднялся с колен, надел варежки и позвал собаку:

— Рыжик, ко мне!

Пес пружинисто встал на середине ноги. Морда стала сосредоточенной. Он доверчиво посмотрел на Саню. Матросов принял каникан и, прикрывая лицо от ветра, двинулся в путь, следуя приборонённому снегом санному следу. Рыжик ковылял следом. Он был сильный и красивый.

Когда Матросов дошел до поворота на Ивановку, он остановился и поглядел на молодой сосняк, что темной полосой тянулся по краю детдомовского фруктового сада. Вон там, за этим сосняком, стоит кузница. Саня решил упросить дядю Ваню, чтобы он разрешил поселить Рыжика в кладовке, где хранится уголь и всякий железный лом. Пока Саня раздумывал, пес прилег отдохнуть, положил морду на лапы и глаза прикрыл.

С перекрестка дорог хорошо была видна речушка Дрема. Она была засыпана высокими сугробами. И лишь в некоторых местах сквозь сугробы прорезаны широкие траншеи к прорубям. Хорошо было видно ледяную карусель, которую затеял строить Саша Аблуков. Однажды он уговорил Матросова пойти на речку выбирать место для карусели. Под кручей, напротив детского дома, они нашли ровное место с хорошим льдом. Аблуков пробил ломом лед, в отверстие вставил дубовый столбик. А Саша Матросов принес из проруби воды, натолкал в отверстие между льдом и столбиком снега и стал смачивать его водой. Снег смерзался. Когда ось карусели вмерзла в лед, Аблуков и Матросов прикатили от кузницы старое колесо от телеги и надели его на столбик. А к спицам колеса они прикрепили длинную слегу, к концу которой привязали санки.

Между тем к ледяной карусели набежало много детворы — из Ивановки и детдома. Кто с салазками, кто с ледянками, кто на самодельных лыжах, а кто и просто так — посмотреть на карусель.

Саша Аблуков взял обтесанный им большой кол, воткнул его между спицами колеса и налег на него грудью. И карусель завертелась. Помчались санки по кругу ровно, быстро. Опробовав карусель, он крикнул:

— Ну, кто смелый? Садись! Прокачу с ветерком.

Из ребячьей толпы вышел рослый, румяный, с карими пытливыми глазами Пашка Хватов. Он сбил на макушку серую заячью шапку, похлопал меховыми рукавицами и крикнул:

— Давай крути, да покрепче! Он застегнул свой добротный

полушубок на все пуговицы, поудобнее уселся в санках и, махнув рукой, заорал:

— По-о-о-еха-а-ли!

К Аблукову подбежал Матросов, и они вместе навалились на дышло карусели. Салазки с первого круга понеслись со свистом. Пашка ошалело округлил глаза, судорожно ухватился за борта салазок, которые с каждой минутой набирали скорость. Первые три круга Пашка крепился, не подавая вида, что струсил. И только санки начали описывать четвертый круг, Пашка истошно завопил:

— Ма-а-ма-а!

Опасаясь, видимо, того, что ветер сорвет шапку, схватился за голову и в тот же миг кубарем покатился по снегу. Под задорный смех ребятишек Пашка с трудом выбрался из сугроба. Снег залепил ему лицо, набился в валенки и в рукава полушубка. Всхлипывая, Пашка принялся стряхивать с полушубка снег. А Матросов бросился к сугробу, из которого только что выбрался Пашка, нашарил там малахай и, подавая Хватову, укоризненно сказал:

— Ну чего нюни-то распустил. Сам просил прокатить как следует. Вот и прокатили.

Пашка зло вырвал из рук Матросова свой малахай и огрызнулся:

— Никто тебя не просил. Пускай бы Санька один катал. А то вдвоем. Дорвались. Вон как раскатали. Усиди. Попробуй!

— И попробую. Катайте меня вдвоем, — решительно махнул рукой Матросов и побежал к санкам. Он глубоко, до бровей, натянул буденовку, откинулся на спинку санок.

Рослый, широкоплечий Пашка с каким-то радостным ожесточением навалился всей грудью на дышло карусели, а Саша Аблуков, быстро перебирая ногами, помогал ему раскручивать карусель. Санки сразу набрали такую стремительную скорость, что иногда передок их повисал в воздухе. Пашка искоса поглядывал на то место, где колготилась детвора: ему очень хотелось, чтобы Матросов сорвался с санок, и тогда мальчишки подняли бы его на смех. Но Матросов будто слился с салазками. Бешеная скорость и лихость захватили Сашу, распалили в нем азарт. Матросов ойкал, но не от страха, а от удовольствия. Он, посмеиваясь, кричал:

— А ну, нажми! Веселей ходи!

Но резвости от этого у крутильщиков не прибавлялось.

Пашка обливался потом, шапка сползала ему на глаза. Он то и дело поправлял ее взмахом головы. Но Матросов сидел в санках словно впаянный. Потому-то Пашке стало так горько и

досадно, что он выдернул дышло из колеса и швырнул его на лед. Опять послышался веселый смех. Мальчишки потешались над тем, что Пашка с досады выходил из себя...

А Матросов спокойно слез с саночек, поднял дышло, вставил его между спиц колеса и, лукаво улыбаясь, объявил:

— Теперь сделаем так: один сильный будет катать слабого, а потом двое слабых — сильного. Согласны?

— Да-а-ва-а-ай!

И карусель завертелась, замелькала. Возле нее образовалась очередь желающих не только кататься, но и крутить колесо...

Вспомнив этот случай, Саша улыбнулся и невольно посмотрел на околицу Ивановки, где вблизи речки, обособленно от других изб села, стоял приземистый дом Хватовых с огромным двором и несколькими сараями и молчаливо глядел на Дрему из-под прочных ставней. Дом был похож на нахохлившегося филина: угрюмый и нелюдимый. «Как сам хозяин, — подумал Матросов, — неулыба, бирюк».

Саша отвернулся от угрюмого дома Хватовых и широко зашагал к детскому дому. Рыжик с трудом ковылял за своим новым хозяином.

Перед входом в детдомовский сад Саша вдруг остановился и ахнул от изумления: у покосившегося плетня, среди стеблей репейника, он увидал букет ярких цветов. Но что это? От букета доносился нежный звук колокольчика. Саша тут же улыбнулся: да это же не букет, а стайка щеглов чинно уселась на стебли репейника, важно поклевывала семена и тихо напевала свою звонкую песенку.

Налюбовавшись нарядными пичугами, Матросов, стараясь не спугнуть стайку, тихо направился в сад. За песни звонкие, за наряды красивые любил Саша щеглов. И очень пожалел, что в карманах его не осталось для них ни проса, ни семян конопли. Все оставил в кормушках для птиц у старой мельницы.

Когда Матросов подошел к кузнице, дядя Ваня, орудуя деревянной лопатой, разгребал снег. Кузнец был одет в потертую кожаную куртку. А из-под малахая на лоб выбилась седая прядка волос. Иван Петрович воткнул лопату в снег и с любопытством стал рассматривать ковылявшую за Сашей собаку с забинтованной ногой.

— Это в каком бою-драке этого красавца подбили? — спросил кузнец и протянул руку, чтобы погладить Рыжика. Пес поднял морду, ощетинился, обнажил зубы и так зарычал, что дядя Ваня невольно отступил назад.

Он с опаской посмотрел на крепкие зубы все еще ворчавшей собаки и сказал:

— Ого! Серьезный пес. Этакий волчище. С характером. Это хорошо. Где же ты ее подобрал?

— Вот из этой штуковины вытащил у старой мельницы, — бросив к ногам кузнеца капкан, ответил Саша. — Кто-то на волка поставил, а влипла собака. Ногу здорово повредила. Лечить надо. Может, на время в кузнице его поселим. В боковушке. А как вылечу, я ему конуру сделаю на конном дворе.

Кузнец задумчиво смотрел на Рыжика и молчал. Затем он поправил малахай, подошел к Саше и положил свою крепкую руку на его плечо. Матросов на мгновение замер, сердце сильно и громко стучало.

— Ну разрешите, дядя Ваня!

Рыжик лежал на узкой тропинке, выбросив вперед сильные лапы, и внимательно смотрел на кузнеца. Саша с тревогой следил за лицом Ивана Петровича. Сначала оно нахмурилось, и колосистые, пшеничного цвета брови сошлись, а потом стало светлеть, словно оттаивать. Кузнец медленно провел рукой по усам и твердо сказал:

— Ладно. Пусть живет в кузнице.

Матросову хотелось броситься на шею дяде Ване, но что-то будто приковало его ноги к земле. Он подскочил к Рыжику, потрепал его лохматую морду и, припрыгивая, закричал:

— Я так и знал, так и знал!

Саша ликовал шумно, задорно. Уж такой он был человек: если радовался, то даже самый хмурый человек светлел. Радовался и дядя Ваня. Он улыбался, поглядывая на ликующего Сашу, а сам вертел в руках капкан. Но вот улыбка исчезла с его лица и он с изумлением сказал:

— Да это, сдается мне, Григория Хватова капкан-то. Точно. Вот эту защелку я ему клепал. Ну и хищник. Все зверье готов переловить. После него хоть потоп.

Кузнец сердито швырнул капкан в кучу железного хлама и, нахмурившись, заметил:

— Это хорошо, что он Рыжика в капкане не застал. А то бы ободрал на малахай. У Лешего рука не дрогнет. Копеечная его душа. Живоглот проклятый!

Иван Петрович задумался, потом тронул Сашу за плечо и спросил:

— А ну-ка, Саня, скажи: какие деревья называют сухостоем?

Матросов пожал плечами и как-то неуверенно ответил:

— На которых листьев весной не бывает.

— Верно, — подтвердил кузнец и продолжал: — Да, сухостойное дерево, как дерево. И корни у него есть, и ствол мощный случается. Да не растет такое дерево, ничей глаз не радует,

рикого от дождя не укроет. В общем, мало проку от такого дерева, потому как сердцевина в нем пустая...

Кузнец помолчал, потом сердито добавил:

— Таким порой и человек становится. Например, Григорий Хватов. Пустая у него сердцевина...

Дядя Ваня махнул рукой и пошел прямо через сугроб к кузнице. Матросов удивленно приподнял брови: он радовался тому, что дядя Ваня так жестко говорил о Хватове. Саша тоже не любил Пашкиного отца за его жулиноватость и сквалыжность. Эта неприязнь усугублялась внешним видом Григория. Он был настолько толстым, что казалось, не имел шеи: голова начиналась как бы сразу от плеч. Такого другого брюха, как Григорий Хватов, в Ивановке не было. И не зря люди дали ему такое страшное прозвище — Леший.

На душе Матросова от этих разговоров стало муторно, появилась непонятная тревога, а вдруг узнает Леший, что он утащил его капкан. От такого злыдня добра не жди.

От этих грустных раздумий отвлек его Рыжик. Оказавшись в теплой кузнице, пес шумно отряхнулся и, проявив завидное любопытство, незамедлительно начал обнюхивать наковальню, кадку с водой, верстак. При этом он умно смотрел то на Сашу, то на Ивана Петровича и тихо водил хвостом.

Кузнец, веселый, улыбающийся, любовался Рыжиком. Потом попросил:

— А ну-ка, Саня, проверь свою собаку. Может быть, она чему-нибудь обучена. Скажем, лапу давать...

Рыжик словно бы понял, что люди любуются им, шевельнул ушами, покрутил мордой, понюхал землю. Саша ласково погладил его рыжую голову и похвалил:

— Хороший, хороший! А ну, дай лапу, Рыжик!

Гордо держа голову и сильно припадая на больную ногу, Рыжик протянул Саше мохнатую лапу.

— Молодец! — восхищенно прищелкнул языком кузнец. — Пускай под верстаком живет. На стружках ему будет мягко и тепло.

Судя по тому, как дядя Ваня весело жмурился на Рыжика, как мягко говорил, он был рад собаке. И эти последние его слова взбодрили Сашу. На душе у него стало светло.

ЗАВЕТНАЯ БУДЕНОВКА

Весна тридцать восьмого года, по всем приметам, не спешила. Даже в середине апреля держались крепкие утренники. Только в полдень с крыш начинала падать в обледенелые сне-

ные ямки капель. Возвращаясь из школы, Саша Матросов останавливался перед крыльцом общежития и засматривался на карниз, сдвинув на затылок буденовку. Почти вдоль всего карниза висели длинные рогатые сосульки. Они сверкали под солнцем и слезились.

Но Саша знал, что в оврагах, под осевшими сугробами, полно воды. И хотя потемневший снег, покрытый хрустящей корочкой, и кажется еще прочным, но под ним позванивала вода, которая в полдень, особенно на припеке, прорывалась небольшими ручейками.

А дня через два все резко изменилось. С юга потянуло влажным, теплым ветром. Зачернела дорога, уставленная ивовыми вешками; засинели забереги на речке Дреме, по Ивановке волнующе растекался горьковатый душок оттаявшего навоза. В воздухе стояла испарина. На дворах тревожно ревела скотина. А с косогора, от школы и мастерской, к речке, вскипая, понеслись мутные ручьи. Во всю ширь Дремы обнажился из-под снега синий лед, который уже заливала вода. На старых ветлах и тополях, что вплотную подступали к реке, послышалось негромкое, домовитое карканье грачей.

А солнце припекало все сильнее. Шумные ручьи мчались с холма к Дреме. Они размывали береговой припай и, пенясь, воловоротом уходили в проран. Лед пучило и рвало. На реке все чаще слышалось угрожающее потрескивание. С каждым днем становилось оживленней. Ребячий гвалт на улицах, а особенно на проталинах за околицей, не утихал до самой темноты. Даже самые дряхлые старики и те выползли на солнышко, садились на завалинки и, щурясь, блаженно расчесывали свои бороды заскорузлыми пальцами.

В эти предпосевные дни кузнец Иван Петрович по целым дням не выходил из кузницы. Он помогал колхозу в ремонте инвентаря: оттягивал лемеха, шиновал колеса, мастерил сцепы для борон. Саша почти ежедневно наведывался к нему после школы.

Вот и в тот день, когда загромыхало половодье и по Дреме тронулись тяжелые, неуклюжие льдины, Саша, решительно поправив буденовку, направился к кузнице.

Всем сердцем он прикипел к этой старой, наполовину вросшей в землю кузнице. Она неодолимо влекла Матросова к себе. Ему полюбились и старые мехи, на вершок покрытые пылью, и дубовая кадка около наковальни с застоявшейся, мутной водой, и верстак, заваленный разным инструментом.

Приближаясь к раскрытой настежь двери кузни, Саша с жадностью потянул полюбившийся ему запах древесного угля

и каленого железа. В черной глубине кузни клокотало пламя, отсветы которого лизали могучую фигуру кузнеца, стоявшего около горна. Дядя Ваня огромными клещами выхватил из горна раскаленный до вишневого цвета лемех, положил его на наковальню, схватил ручничок и весело прогудел:

— А ну-ка, Саня, стукни разок-другой кувалдой.

Матросов брал тяжелый молоток, и кузница наполнялась задорным, веселым перезвоном. Через несколько минут кузнец отбитый лемех совал в кадку с водой и сквозь свист и шипение остывающего железа, весь окутанный паром, одобрительно сказал:

— Ловко мы его отшлепали. А теперь и перекур можно устроить. Пойдем-ка на солнышко, Саня.

Кузнец и Саша, хрустя и позванивая тонкими ледяшками, бодро пошли на берег Дремы. Весь холм, что полого спускался к реке, освободился от снега, и на нем теплилась на солнце жухлая прошлогодняя трава. В глубоких ручьевинах хлестала последняя подснежная вода. На Дреме ночью была первая передвижка льда.

Иван Петрович опустился на свою любимую скамейку, снял барашковую шапку, положил ее на колени, взъерошил потные волосы и стал закуривать. Матросов присел на край скамейки, откинулся на спинку и, щурясь от яркого света, посмотрел на речку.

С высоты холма открывался великолепный вид. За рекой, рукой подать, виднелась Ивановка, чуть дальше, близ омута, старая мельница, а за ней, в темных далях чернолесья Бахтеевского леса, светилась на солнце березовая роща. Но больше всего сейчас Сашу привлекла речка. Он широко раскрытыми глазами смотрел, как льдины громоздились друг на друга, яростно лезли на берег. Некоторые застывают на месте. Следующие с храпом и треском лезут на них.

На берегу радостно суетилась крикливая ребятня. Мужики с баграми и веревками сновали по берегу. Некоторые из них из-под руки глядели на взлохмаченное, волнующееся ледяное поле.

Саша вздохнул полной грудью прохладный весенний воздух и восхищенно сказал:

— Вот и пошла Дрема-дремушка. Ломает. Идет ледолом!

Глядя на возбужденное лицо Матросова, дядя Ваня сдержанно посмеивался. Но вдруг он насторожился, приложил ладонь козырьком к глазам и врастяжку сказал:

— Будто настил моста с перилами тащит. Водополье где-то сорвало.

Саша с живостью необыкновенной вскочил на ноги и помчался к реке. В этом году она вышла из берегов. Затопило все подгорье. Не река, а море — ни конца ни краю. По мутной воде тащило бревна, коряги, кучи навоза. Дрема различилась — страсть.

В пенистом ручье горластая малышня запускала бумажные кораблики. Мальчишки азартно спорили между собой о том, чей кораблик проплывет дальше. Саша любил эту игру. Он тут же вынул из кармана пиджака заранее сделанный из обложки от тетради кораблик и только направился к самому сильному ручью запускать кораблик, раздался испуганный крик:

— Ой, утонул! Спасите, спасите!

Матросов резко повернулся в сторону маленького бурного ручья. Вдоль него с длинной палкой в руке бежал белобрысый воспитанник Тарасик, мальчишка лет десяти, и кричал писклявым голосом:

— Держи-и-и, держи-и-и!

Вокруг ребятишки шумят, кричат, суетятся. Матросов опрометью кинулся к ручью. Догнал Тараскин кораблик, побежал рядом по грязи, стараясь не отстать. Но кораблик попадает в пенящийся водоворот и скрывается в мутной воде.

— Все! Утонул... — досадливо махнул Саша рукой. А Тараска, на котором штаны, пиджак, даже шапка — мокрым-мокры, горестно всплеснул руками и горько заплакал.

— Ну, чего разнюнился иль опять не сделаешь кораблик? — укоризненно сказал Саша. — Не в новинку дело...

— А у меня бумаги нет, — продолжал ныть Тараска. — Последний листок потратил...

— Ну и слезомой ты, Тарасик, — оборвал Саша. — Бери мой. На, запускай. Да не зевай. Смотри в оба. Палкой расторопней орудуй. Поправляй кораблик вовремя. Не давай ему в берег тыкаться. Не допускай крушения. Не забывай, что ты рулевой. Понял?

Тараска посветлел лицом. Перестал всхлипывать, не мигая, восхищенно смотрел на Сашин пароходик — плотный, крепкий, двухтрубный. Такой даже жаль в ручей пускать. А Саша подзадоривал:

— А ну-ка, покажи, Тарасик, какой ты рулевой! Утри нос малявкам! Запускай!

Тараска вздохнул тяжело, спустился по непролазной грязи к бурлящему ручью, полюбовался корабликом и осторожно опустил на воду.

Пенящийся ручеек подхватил кораблик и понес к реке. Бурлящая вода подбрасывала его, кидала из стороны в сторону.

Но он держался, не тонул. Изредка Тараска длинной палкой подправлял кораблик, чтобы тот не наскочил на камень или не сел на мель. Ой, сколько радости! Тараска бежал по берегу ручья рядом с утлым суденышком, любуясь им. А тот перекатывал с волны на волну, покачивался на пенистой воде и уверенно плыл все дальше и дальше.

Около Тараски собралась ватажка мальчишек. Они с завистью смотрели на стойкий Тараскин кораблик и со всех ног бежали за уплывающим суденышком. Увлекшись погоней за корабликом, мальчишки не заметили, как кончился ручей — бежать дальше некуда, дальше — река. Ребята опомнились и остановились как вкопанные. И, переполненные ощущением неудержимой буйности, закричали:

— Ур-а-а-а! Молодец, Тараска! Кораблик по реке плывет!

Матросов оставил малышню и направился к ватаге ивановских мальчишек, которые столпились вокруг Тимки Пряхина. Тот горячо призывал:

— Ну, кто готов на льдине до переката прокатиться — становись по правую руку. Тут же близко. Льдины вон какие большие да крепкие. Доплывем и спрыгнем у переката. Ну, пошли.

Сбившиеся в кучу мальчишки молчали, смущенно поглядывая в сторону переката, который был на Песчаной косе. Здесь каждую весну во время ледохода происходило нагромождение льда. И в этом году там столкнулись две громадные льдины, запрудив Дрему. Между их изломами хлестала ревущая вода с крошевом мелких льдин.

Тимка Пряхин вопросительно глядел на свою «боевую команду», которая не горела желанием прокатиться на льдине. В это время к ним подошел Матросов.

— Ух ты, сам Волгарь заявился! — взмахнув руками и хитровато улыбаясь, сказал Тимка. — Вот кто вам нос утрет, трусы! — метнул Пряхин сердитый взгляд в сторону смущенных мальчишек.

Он беспомощно развел руками:

— Выручай, Волгарь. Давай на пару прокатимся на льдине до переката.

Тимка протянул к Матросову руки, чтобы обнять Сашу. Но тот отшатнулся и твердо сказал:

— В утопленников не играю и тебе не советую...

Тимка растерянно захлопал узкими черными глазами, затем протер их, словно желая убедиться, Саша ли перед ним стоит, и медленно, с гневом и презрением обвел Матросова взглядом:

— Не зыркай, не зыркай — не больно испугался, — с вызовом сказал Саша и сделал шаг навстречу.

Тимка, красный от стыда, даже попятился, опешил, как-то виновато улыбаясь, опустил руки. Среди ребят кто-то хихикнул.

— А вы чего ржете? — скрипнув зубами, закричал на мальчишек Тимка. — Радуетесь, что еще один трус объявился?

Он сжал кулаки, повернулся к Матросову, насмешливо процедил:

— Ты еще у меня за это схлопочешь!

— Ну, ударь! — тяжело задышав, грозно сказал Саша. Он, весь сжавшись, исподлобья глядел на Тимку. А тот вдруг подпрыгнул, сорвал с Матросова буденовку, раскрутил ее и бросил на льдину далеко от берега.

Ребячья ватага, окружавшая их, ахнула. Саша растерялся: то ли броситься за Тимкой, который дал стрекача, то ли прыгать на льдину спасать столь дорогую ему буденовку. Он подскочил к одному из мальчишек, вырвал у него из рук длинный шест и мигом очутился на льдине. В глазах у Матросова застыл испуг. Он закусил губу, прикидывая, как спасти буденовку. Мимо, тихо покачиваясь, медленно плыли грязные льдины, изъеденные солнцем и теплыми ветрами.

Смерил Матросов глазами расстояние от своей льдины до той, на которой плыла заветная буденовка, разбежался и с отчаянной решимостью скакнул на ближнюю льдину, с нее на другую, на третью — и побежал...

Мальчишки, наблюдавшие за ним, оцепенели от страха. Саша добрался до льдины, на которой лежала буденовка. Быстро поднял заветный шлем, натянул его до самых бровей и с беспокойством стал прикидывать, как лучше вернуться на берег. А льдину тянуло к затору, где ледянос крошево со скрежетом громоздилось, ломалось и исчезало в ревущей пенистой воде.

Широко расставив ноги, Саша улучил момент, когда одна из крупных льдин подплыла к Сашиной льдине вплотную, прыгнул на нее. И, отталкиваясь шестом, перепрыгнул еще на одну, более крупную льдину и погнал ее к берегу наискосок реки. На почтительном расстоянии от водоворота Саша причалил к берегу.

А к нему на помощь уже бежали мальчишки из Тимкиной ватаги: кто с шестом, кто с доской, кто с веревкой.

И только теперь у Саши задрожали ноги и он, обессилев, опустился на кучу старого бурьяна. Матросов медленно, задумчивыми глазами обвел мальчишек, словно прося у них прощения за то, что случилось. Но никто ничего не сказал ему. Мальчишки немо и тихо шмыгали носами. Десяток глаз, не мигая, восторженно смотрел на него, и в них было столько сочувствия и сострадания, что в Саше что-то внезапно дрогнуло и падло-

милось внутри. Ему вдруг захотелось обнять этих мальчишек. К горлу подступил комок, глаза повлажнели, и, смутившись, он прикрыл их рукой.

СХВАТКА С ЛЕШИМ

В то молодое, ясное июльское утро Матросов с восходом солнца был уже на рыбалке. Над речушкой колыхался густой туман, а кругом стояла звенящая тишина. Слышно было, как на колхозном пруду крякали утки, шумел водосток на плотине и в дальнем конце Ивановки горланил чей-то уж очень голосистый петух.

Возле Светлихи было свежо. От воды тянул влажный колючий ветерок. По речушке изредка пробегала мелкая рябь. Бякжайший лесок, окутанный легкой голубой дымкой, спал. Но что-то в нем уже дышало, шептало, звенело. Говорливая Светлиха неугомонно резвилась на перекате, сердито ворчала под корягами, настороженно шушукалась с камышами.

На этот раз Саша решил порыбачить в крохотном заливчике, с которого начинался колхозный пруд. Он шел луговиной вдоль Светлихи. Лужайка кончилась неожиданно, и тропинка, заплутавшись в ивняке, пропала. Узенькую стежку, усеянную сухим прошлогодним листом, плотно обступали осокори и вет-лы. Вверху ветки их густо переплелись, образовав навес.

Но вот по песчаному откосу Саша шумно скатился к воде. Над заливчиком курился жиденький туман. В зеленоватую воду неуклюже плюхнулось несколько лягушек. Потом снова все затихло вокруг в настороженном, выжидательном молчании. У самой кромки воды росли камыши. Саша любил рыбачить в этих укромных местах. Он неторопливо размотал леску, насадил наживку на крючок и стал искать место, куда бы лучше забросить снасть. И вдруг Матросов настороженно сощурился. То, что он увидел, озадачило его. Около камышовой кромки еле заметно покачивались белые мячики. Что это? Поплавки? Саша опустил удилище в воду и начал водить им из стороны в сторону. От усердия у него на висках проступили капельки пота. Но все было тщетно. Матросов вытащил из воды удилище, озадаченно постоял, о чем-то раздумывая, потом быстро перешел на другое место и принялся опять шуровать удилищем в воде. И тут же подцепил рыболовную сеть. Саша сразу понял: какой-то ворюга забросил эту сеть. Хотя в селе всем известно, что в колхозном пруду, где выращивался зеркальный карп, ловить рыбу сетями и бреднем запрещено. И едва Са-

ша успел вытащить сеть на берег и сложить ее, как неподалеку тихонько что-то хрустнуло и легко прошуршало по листве. В кустах пискнула то ли мышь, то ли пичуга. Матросов насторожился. Было слышно, как звенели комары. Саша осторожно, точно кого-то выслеживая, стал выбираться на тропу и почти нос к носу столкнулся с Пашкой Хватовым, одним из закадычных дружков Тимки Пряхина — ивановского коновода.

— Пашка? — удивленно спросил Матросов, не веря своим глазам.

— Он самый, — насмешливым голосом ответил Пашка. Он подошел вплотную к Саше, сунул руки в карманы штанов и, небрежно сплюнув через плечо, сказал:

— Улизнуть хотел, Волгарь? Не вышло. Гони сеть. А то...

— Бить будешь? Да? — спокойно спросил Саша.

— А ты догадливый, — хмыкнул Пашка и опять небрежно сплюнул. — Отдай сеть добром.

— Уй ты! — презрительно протянул Саша. — Так я тебя и испугался. Пусти пройду, загребало.

— Кто? Я? — зло выкрикнул Пашка.

— Да, ты! И сеть я тебе не отдам. Ясно? — решительно отрубил Саша, — в сельсовет отнесу...

— Попробуй только! Схлопочешь, — прошипел Пашка и толкнул Сашу в плечо.

— Ты не распускай руки-то! — крикнул Матросов и помчался по тропинке, петлявшей в кустарнике.

— Батя, сюда! — заорал Пашка. — Сашка-Волгарь сеть стянул...

И тут же в ответ раздался тяжелый топот, треск веток. Вскоре на тропинку выскочил Пашкин отец и со злостью выругался:

— Тюфяк! Задержать не сумел. Куда он побежал?

Пашка махнул в ту сторону, куда подался Матросов. Старший Хватов, ломая кустарник, начал пробираться следом за Сашей. Под ногами хлюпало и чавкало...

Когда Саша выскочил на чистое место и оглянулся, увидел преследователя. Матросов сбросил башмаки, сунул их в кошелку, подвернул брюки и изо всех сил помчался к детдомовской пасеке. Он бежал легко, босые ноги не ощущали колющей боли от сухого бурьяна.

Пашкин отец, по-видимому, решил во что бы то ни стало догнать Сашу. Тяжело дыша, он мчался так, что на спине парусом надувалась рубашка. Расстояние между ним и Матросовым постепенно сокращалось.

Григорий Хватов, которого односельчане метко прозвали Лешим, в колхозе работал для отвода глаз, а больше промыш-

...ил на Светлихе да в лесу. Тут он трудился на совесть. Ну и свой огород в порядке содержал. И уж конечно, знали в Ивановке, каким промыслом занимался Хватов. А когда ему намекали на то, что он загребает колхозное, Хватов на это с хитроватой ухмылкой отвечал: «Не пойманный — не вор».

Об этой дурной славе Хватова знал и Саша Матросов. И встреча с ним не предвещала ничего хорошего. Это как бы подхлестнуло его. Он побежал быстрее. Но не сбавлял прыти и Пашкин отец. Он был уже совсем близко. За Сашкиной спиной все громче топали тяжелые сапоги Хватова. И тут, как назло, путь преградила старица Светлихи. Матросов заметался по берегу из стороны в сторону, потом остановился.

— Ага-а, попался! — крикнул Пашкин отец. — Бросай сеть, а то утоплю, как щенка!

Страх пуще прежнего охватил Сашу. Он раскрутил над головой кошелку и перебросил ее на противоположный берег. Потом с разбегу прыгнул в теплую воду и, шумно отфыркиваясь, поплыл саженками. В тот же миг он услышал шутливый старческий голос:

— Это что еще за баталия такая?

Из-за ветлы вышел пчеловод дед Андрей. Увидев его, Пашкин отец опешил и в смятении остановился.

Матросов переплыл старицу и, пошатываясь, с трудом переводя дыхание, вышел на лужайку. С него звонкими ручьями сбегала вода. Саша повернулся лицом к Хватову и торжествующе крикнул:

— Вот так, дядя Гриша! Догнал? А сеть вашу в сельсовет отнесу. Ясно?

Хватов, потрясая увесистыми кулаками, крикнул угрожающе:

— Ну, подожди! Доходишься! Я тебя отучу совать свой нос в чужие дела!

Матросов не сумел ничего ответить. Сутулясь, Григорий Хватов широко зашагал к Светлихе.

— Ишь как ощетинился, Леший! Так ему и надо, — заметил старик. — Жаль, что скоро ушел, а то бы я с ним по-свойму поговорил. Хапуга с кривой душонкой. Он готов обокрасть все в округе: и лес, и речку... Пропади он пропадом. Ну, пес с ним. Давай костер разведем. Высушиться тебе надо. Да и уху заодно на завтрак заварим. Я рыбешки малость наловил.

Саша тут же принялся собирать сухие сучья осокоря.

Дед Андрей наломал мелких веток, сложил аккуратной горкой, подложил обрывок газеты и поджег. Горка вспыхнула, по чадящим прутикам побежали юркие змейки. Дед начал по-

кладывать в костер сучья покрупнее. Вскоре пламя стало большим и жарким. Саша сходил за водой, а дед Андрей вырубил два кола с развилками на концах и вбил их в сырой песок. Один с одной стороны костра, второй — с другой. На них положил сырую жердинку, а на нее повесил закопченный котелок.

— Саня, — подкинь дровец, — попросил Андрей Лаврентьевич. — А я выпотрошу рыбу...

Матросов принялся ломать о коленку сухие сучья и бросать их в костер. Дым стелился по земле, выедал глаза. Саша незлобиво ворчал, вытирая со лба капельки проступавшего пота.

— Фу! Жарко! — выдохнул Матросов и отодвинулся от костра.

Изредка набегал чуть ощутимый ветерок. Он сбивал едкий дым с костра, прижимал к земле. Дым крутился и горьковатой волной ударял Саше в лицо. Костер хрустел сухим чапыжником, постреливал малиновыми углями. Вскоре вода в котелке закипела и запенилась, начала выплескиваться через край. Костер зашипел. Дед Андрей бросил рыбу в котелок. Саша подальше отодвинулся от жаркого костра.

Дед Андрей выловил ложкой дымящийся паром ломтик картошки из котелка, попробовал его на зуб и, облизывая ложку, сказал:

— Еще не готова уха. Поварим еще самую толику.

Он взял палку и принялся шуровать в костре. Взметнулись искры, жарче загорелись, гулко стреляя, сучки осокоря. Весело потрескивал костер, еще веселее забулькала уха. От нее шел аппетитный аромат. Саша изредка поглядывал на котелок и глотал слюну.

Кряхтя, дед Андрей присел на мягкую травку и стал набивать трубку табаком. Потом вытащил из костра уголек, взял его двумя пальцами, приложил к трубке и стал закуривать. Затем шумно пыхнул трубкой, посмотрел на Сашу, еще чуточку помолчал и тряхнул бородой:

— А ну-ка, Саня, скажи — у кого ухо на ноге?

Матросов искоса поглядел на старика. Из-под низко надвинутого парусинового картуза на Сашу смотрели хитрющие, со смешинкой глаза. Над ними нависли лохматые, густые брови. Это придавало лицу угрюмую суровость. Саша помялся, помялся и сконфуженно сказал:

— Не знаю.

Старик с минуту озабоченно изучал хмурое Сашино лицо. Он, наверное, раздумывал, как ему поступить. И вдруг дед Андрей насторожился, поднял правую руку над головой и прошептал:

— Тише. Слушай...

Лицо у деда сделалось серьезным и сосредоточенным. Щурясь от солнца, он еле заметно улыбался. Саша вовсю напрягал свой слух, но, кроме истошного стрекота кузнечиков, ничего не слышал. Слушает Саша, а сам думает про старика: «Придумал ведь!» А дед время от времени склонял голову и минуту другую напряженно вслушивался. Потом спрашивал Сашку:

— Ну как? Слышишь?

Саша медленно и робко качал головой и говорил:

— Нет. Не слышу.

— Да ты что, елки-моталки? Оглох, что ли? Вон как задорно поют! — старик широко улыбался и звонко прищелкивал пальцами. Саша снова прислушался. Вокруг по-прежнему монотонно трещали кузнечики.

— А-а-а, — махнул он рукой. — Одни кузнечики трещат.

— Верно! — обрадованно подхватил старик. — Вот тебе и отгадка.

— У кузнечика ухо на ноге? — спросил Саша и недоверчиво посмотрел на деда.

— Точно! — ответил он серьезно и спокойно. Верь не верь, а это так. Вот дело какое, Саня...

Пчеловод умолк. Задумался. В небе ослепительно светило солнце. Легкие пушистые облачка плавали в белесом небе. Отрадненский лес дрожал в сиреневом мареве, словно собирался расплавиться. Низко, почти задевая крыльями за верхушки кустарника, носились стрижи.

— Вот парит! Не иначе к дождю, — снова заговорил дед Андрей, поглядывая из-под руки на небо. И вдруг спросил Сашу:

— Ты обелиск возле перелеска видел?

— Сто раз. — ответил Саша.

— А знаешь, в честь кого он поставлен?

— Красноармейцам, которые погибли в бою за освобождение Симбирска от беляков.

— Правильно, — продолжал дед Андрей. — Нехорошо как-то получается, Саня. Ухода за обелиском нет. Бурьяном он зарос. Краску с него дожди смыли. Звезда проржавела. Да и ограда покривилась. Давай-ка вместе обелиск приведем в порядок. Согласен?

— Еще бы, — с радостью отозвался Матросов. — Я ребят уговорю. Мы сами обелиск в порядок приведем.

— Ну попробуй. А если в чем-то заминка выйдет, мне скажи.

В это время костер зашипел, запахло лавровым листом.

— Заговорились мы с тобой, Саня, — всполошился старик. —

...ду забыли. А она, родимая, мало-помалу уходит из ко-

...Андрей Лаврентьевич бросился к костру и снял котелок с ...женной обуглившейся палки. От котелка поднимался гус... пар. Саша и дед Андрей уселись на лужайку и принялись за

Солнце стало припекать. Ярко-голубое небо наливалось зно... Но мутные космы тумана еще плавали над Светлихой, та... в низинах. Речушка раскаленной добела стальной лентой ...казала вдаль, извиваясь меж ивняковых зарослей.

За все время, пока они расправлялись с ухой, дед Андрей не проронил ни слова. Он строго соблюдал неписаный закон: «Пока я ем — я глух и нем». Но вот уха съедена. Дед достал из кармана свою короткую трубку-носогрейку, распалил ее и, пуская через нос густые струи табачного дыма, будто про себя задумчиво сказал:

— Вот давеча мы с тобой про обелиск говорили. Он на братской могиле стоит. Красноармейцы за Советскую власть головы сложили. Война кончилась, а мы, бывшие фронтовики, продолжали ставить на свежих могилах обелиски. Новая-то жизнь ох как трудно утверждалась. Вот в нашем селе под Сызранью, откуда я родом, жил мой дружок, честнейший человек Федор Волгарев. Вернулся с фронта, еще шинели не снял и снова в бой. С кулаками-мироедами стал воевать. В газете на чистую воду их темные делишки стал выводить. Так кулаки убили Федора за это селькорство. И ему мы обелиск поставили...

Дед Андрей умолк. Задумался. Потом, тяжело вздохнув, продолжал:

— Да, горячее времечко тогда было. Как на фронте. И меня однажды кулаки чуть не ухлопали. Из-за хлеба. В комбеде я состоял. Хлебные излишки мы у кулаков тогда изымали. Ну и, понятное дело, кое-кому поперек горла встали. Затаили богатей злобу на меня...

Дед Андрей замолчал, будто раздумывая, продолжать рассказ или не надо. Потом вздохнул, внимательно посмотрел на Сашу и заговорил:

— Было это в конце марта. Как сейчас, помню. Ночь выдалась темная. Шли мы с дружком Василием Федотовым на собрание. Партийным секретарем он у нас был. Избой-читальней заведовал. Так вот, идем, значит, мы вдвоем. По льду речку перешли. Тут же начинался сад церковного старосты. Тропинка жалась к самому плетню. Идем, разговариваем о том о сем. Василий какую-то шутку рассказал. Я схватился за живот, хочу. И вдруг, будто небо лопнуло над головой, — грохнул вы-

стрел. За ним второй. Мы упали на снег. Я от страха зубами выстукиваю и чувствую, как дыбом волосы встали. Мы словно оцепенели. Лежим — не дышим. Пошевельнуться боимся. Потом как драпанули! Опомнились около избы-читальни. И тут только стали приходить в себя.

— Кто же это стрелял? Узнали? — нетерпеливо перебил Саша.

— Н-да-а-а. Узнать не узнали, но догадывались, — посуровев, ответил дед Андрей и посмотрел куда-то вдаль. — Вот такие отпрыски кулацкие стреляли, как Григорий Хватов. Его дед ведь бакалейную лавку держал. А отец маслобойку да мельницу водяную имел. Живоглот был, с батраков три шкуры драл. Григорий под стать папаше. Яблоко от яблони недалеко катится. Только теперь времена не те. Прижали им в свое время хвост.

Между тем дед Андрей не спеша собрал посуду, уложил в корзинку. Саша ждал разговора. Но старик молчал. Он смотрел на Светлиху. Было тихо, задумчиво.

— Вот такие дела, Саня, — наконец-то заговорил пчеловод. — Эти всякие Хватовы — оборотни. С ними надо ухо держать остро. Действуют, как грабли: все к себе гребут. Противные мокрицы, а не люди. А сеть-то Хватова ты нынче же в Совет отнеси. Пускай его там вздрючат за это, кривая его душа... Ну, одевайся, да пошли на пасеку...

ОБЕЛИСК У ПЕРЕЛЕСКА

Закусив губу, Саша быстро орудовал напильником. Он доделывал звезду для обелиска. Вдруг за плетнем раздался лихой, короткий, пронзительный свист. Так умела свистеть только внучка деда Андрея Наташка-Ромашка. Матросов оторвался от работы и насторожился. Вокруг его шалаша стояла такая тишина, что хорошо было слышно, как в кустах акации звонко потрескивали стручки и где-то совсем рядом на Дреме лопотал нивал перекат. Свист повторился. Затем послышался треск плетня.

«Откликнуться, что ли? — раздумывал Саша. — И чего надо? Работать только мешает». Чуть поколебавшись, Матросов глубоко вздохнул, нехотя отложил напильник и, вложив два пальца в рот, свистнул тихо и протяжно. Затем он снова взял напильник и принялся усердно им ширкать по латунной пластинке.

Через тайный лаз в плетне Наташка проникла в детдомовский сад. Руки и ноги ей обожгло крапивой. Она поцесала все

ку, поправила растрепавшиеся белокурые волосы, которые все больше усиливали смуглоту ее лица. Поэтому-то и прозвали ее Ромашкой. Льняные волосы и круглое смуглое лицо с редкими крапинками веснушек действительно делали ее схожей с ромашкой.

Наташка зорко осмотрелась и, осторожно обходя крапиву, зашагала вдоль плетня к просторному шалашу. Около него на старом улье сидел Матросов. В двух-трех шагах от него стояло несколько молодых елиц. Наташка тихо раздвинула ветки, уставилась на Сашу. Охваченная любопытством, она широко открытыми глазами смотрела, как Матросов ловко орудовал напильником.

— Ну, выходи. Не подглядывай, — весело сказал Саша. — Думаешь, не вижу...

Словно уличенная в неблаговидном поступке, Наташка-Ромашка несмело вышла из-за дерева и сразу зачастила:

— А мы тебя ждали-ждали. Может, ты забыл наш уговор, подумали мы. И меня послали к тебе в шалаш: не спишь ли ты здесь. Все наши там, у Студеного ключа. Сердятся. Пошли скорее...

— Сердятся, говоришь, — усмехнулся Матросов. — На сердитых воду возят. Потерпят. Вот немного грани у звезды подчищу, и пойдем. Я вместе с солнцем встал.

— Мы тоже время зря не тратили, — заметила Наташка, — присаживаясь около шалаша. — Как мой дед говорит, в бирюльки не играли. Ни за что не догадаешься, что мы нынче сделали...

— Важное, стоящее дело-то или треп один? — хихикнув, спросил Саша.

— Кому как, — уклончиво ответила Наташка. — Одним кажется пустяком, а другие спасибо скажут...

— Интересно, что вы там отгрохали такое, — раздумчиво сказал Матросов. — Выкладывай, твоя взяла. Не знаю, на что и подумать.

— Ага-а-а! Сдался! — торжествовала Наташка. — Ты знаешь, что на левой стороне холодного ключа родник Воркун?

— Еще бы не знать, — хмыкнул Матросов. — Ну и что?

— А заметил, какой он узкий, но глубокий? — не спешила с прямым ответом Наташка.

— Не только заметил, но перепрыгивал через него.

— Так вот, теперь не надо будет ручей перепрыгивать. Мы мостик там сделали, — гордо сказала Наташка. — Два обрубка сокоревых в рощице отыскали и через ручей их перекинули. Теперь из Ивановки к роднику можно ходить прямиком, а не в обход. Почти за версту. Хороший мостишко получился. Только

вот одно плохо: держаться не за что. Перил нет. А без них, то и гляди, упадешь. Особенно если с вещами идти. Иль когда бревна обледенеют.

— Так перильца приладить надо, — посоветовал Саша.

— Правильно! — обрадованно поддержала Наташка. — Я больше за этим к тебе и пришла. Ты же не любишь откладывать дела на потом...

— Ну и хитрющая ты, Ромашка, — шутливо погрозил Матросов пальцем. — Ну раз надо, так надо. На, держи звезду, а я сейчас из шестиков перильца попробую сделать. Может, получится...

Наташка хитровато посмотрела на Сашу и сказала:

— Мой дед говорит, что хорошо тому на свете жить, у кого рука хваткая. Раз не получится, еще попробуй. Помучится человек да научится. И так во всем...

Пригнувшись, Саша вошел в шалаш, взял там ящик с плотницким инструментом и вернулся к Наташке. Затем подошел к куче сушняка, выбрал два ровных и достаточно длинных вишневых деревца, срубленных еще в прошлом году, и принялся делать из них перильца...

Вскоре Саша и Наташка задворками вышли к крутой излучине Дремы, где от синих кустов тальника дорожка сворачивала в лощину Студеного ключа. Здесь они малость передохнули, потом быстро зашагали к условленному месту.

Вот она, купа седого ивняка. Подойдя к кустарнику, Матросов и Наташка остановились, прислушались. Саша тихонько свистнул. И тут же из-под корявого осокоря выскочил Федя Хасанов. Прыгая через густую траву, он подбежал к друзьям и обиженно выпалил:

— Ну и ну. Тебя, Наташка, только за смертью посылать. Ждали-ждали да и ждать устали. Прикорнула, что ли, где в тенечке?

Наташка удивленно посмотрела на Хасанова и пожала плечами:

— Скажет тоже! Смех и умора!

Поставив на траву ящик с плотницким инструментом, Матросов принял строгий и серьезный вид, примирительно сказал:

— Не горячитесь. Виноват я. Малость не подрассчитал. С звездой долго провозился. Да и на эту штуковину время ушло.

Он поставил торчком сколоченные перильца.

— А это еще что такое?

Наташка переглянулась с Матросовым. Тот ободряюще подмигнул: действуй, мол. Но она медлила с ответом на вопрос Хасанова. Подбежавшие к ним Миша Саулин и Ванюшка Сини

гин с любопытством уставились на сколоченные палки, что держал Матросов. Наташка, не торопясь, взяла у Саши перильца и, незаметно поглядывая на мальчишек, загадочно сказала:

— Ну, смекнули, что это такое? Такой штуки во всю жизнь не увидите. Это ваш помощник и спаситель!

Хасанов недовольно нахмурился. Он был явно не в духе и, надув губы, исподлобья, сердито поглядывая на Ромашку.

— Ну что, слабаки, молчите? Так и быть, открою вам секрет,— снисходительно сказала Наташка.— Внимание. Раз!— Наташка наклонила перильца и поставила их на опорные палочки. Потом присвистнула и рассмеялась:

— Сажень не сажень и на лестницу не похожа эта штуковина. А что же тогда?

Саша нетерпеливо оборвал:

— Хватит тебе. Давай лучше за дело. Перила это к вашему переходу.

— Хм,— презрительно усмехнулся Хасанов.— Это зачем же?

— А чтобы ты в овраг не свалился, Федя,— выпалила Наташка и побежала с перильцами к переходу. Мальчишки поспешили следом.

День был жаркий, безветренный. С безоблачной выси палило солнце. Из заливных лугов наплывал сладковатый запах перегретой травы. Дойдя до родника, мальчишки жадно припали к воде потрескавшимися губами, ополаскивали лицо.

А Наташка-Ромашка, выбрав местечко около перехода под ветвистой ветлой, куда не доставало солнышко, села в густую прохладную траву и с наслаждением прислонилась к шершавому стволу дерева. Вдруг Наташка вскочила, сощурила плутоватые глаза, сделала шага два по переходу и, взмахивая смуглыми ногами в воздухе, дурачась, с притворным испугом завизжала:

— Ой, падаю! Держите, держите!

Ребята метнулись на крик к переходу. Наташка перешла на другую сторону Студеного ключа и, вытерев тыльной стороной руки раскрасневшееся лицо, сказала со смехом:

— Хоть так вас от родника оторвала. А то приземлились и о перильцах забыли. Прибивайте их, а я пошла к обелиску.

Наташка-Ромашка, улыбаясь, подхватила парусиновые башмаки и мягко, осторожно ступая, чтобы не обжечь крапивой босые ноги, враскачку пошла в сторону леса по заросшей подорожником и спорышем тропинке.

— Слыхали, «мужики», Наташкин наказ?— вынимая из плотницкого ящика молоток и гвозди, обратился к ребятам Матросов.— Давайте поднажмем.

И «мужики» в самом деле взялись за дело с большим усер-
дием. Вскоре перильца были прибиты и опробованы на проч-
ность. Каждый из «мужиков» прошелся по переходу, грузно опи-
раясь на перила.

— Крепко приладили, «мужики», — удовлетворенно сказал
Саша. — Хороший мостишко получился!

Ребята уложили в ящик инструмент и гуськом потянулись
тропинкой к перелеску, где стоял дощатый обелиск со звездой,
вырезанной из жести.

Могильный холм осел и густо порос полынью и сурепкой, ко-
торую старательно выдергивала Наташка.

— Стоп, — скомандовал Саша, ставя около облезлой, шерша-
вой тумбы плотницкий ящик. Со звоном побросали на задерева-
невшую землю лопаты Миша Саулин и Ванюшка Синягин, а Фе-
дя Хасанов осторожно поставил на траву бидончик с краской.

Ребятишки сдернули кепки с вихрастых голов и, уставясь
на обелиск, молчали. На бледном, словно полинявшем небе жар-
ко пылало солнце. Терпко пахло чабрецом и полынью.

— У меня есть предложение, — взволнованно заговорил
Матросов, и брови его сошлись в одну линию. — Давайте дого-
воримся так: будем постоянно ухаживать за этим обелиском,
чтобы он всегда был в порядке. Согласны?

Все ребята молча кивнули головами. Матросов продолжал:

— А тебе, Наташа, особое задание: найти семян таких цве-
тов, чтобы они как огонь горели. Посадим их на могиле.

— А семена у меня есть уже, — не переставая выдергивать
сурепку, сказала Наташка. — Герань посеем или флоксы. А мо-
жно и гвоздику.

— Уж больно закомуристые цветы у тебя, — поморщился Са-
ша. — Может, есть какие попроще.

— Можно и попроще, — согласилась Наташка. — Гладиолу-
сы или тюльпаны. А то и астры.

— Ладно, сажай, что лучше, — махнул рукой Матросов. —
Только чтобы все лето на могиле цветы были. А поливать бу-
дем по очереди. Родник здесь близко. Ну, а сейчас за дела. Мы
с Федей звезду на обелиск новую поставим, а вы, Миша и Ваня,
дерн будете готовить. Потом могилу им обложим.

Саша наклонился над ящиком с инструментом, покопался в
нем, вынул оттуда сверток и передал Феде. Хасанов, опустив-
шись на колени, принялся развязывать сверток. Вот он сня-
бечевку. Бумага зашуршала, и изумленные ребята увидели кра-
сивую золотистую звезду с небольшим стержнем. Федя восто-
щенно поднял ее высоко над головой, и она ослепительно вспы-
нула на солнце.

«ОСЕЧКА»

Как-то в пору «бабьего лета» Саша Матросов вместе с Федей Хасановым пробирались к Дреме через ольховые заросли. И вдруг Саша чуть не наступил на серый комок. Матросов нагнулся и разглядел — на земле лежало уже потерявшее форму птичье гнездо. Повертел его в руках. Теперь уже никто не узнает ни по величине гнезда, ни по слежавшимся на донышке перьям подстилки, что это за птица вывела здесь своих птенцов. А Саша знал. Оказалось, что он еще в мае приметил это гнездышко. Тогда пеночка — хозяйка гнезда, низко перелетая, притворяясь подбитой, хотела отвести Сашу от птенцов, запутать. И потом Саша всегда обходил это место, чтобы не беспокоить птичку...

Многими птицами он интересовался. У него и тетрадь имелась, в которую он записывал: когда какая птица гнездо вьет и как. Прилет и отлет, и за семейством как уход ведет, и кормится чем — все отмечалось в той заветной тетради. Саша превосходно мог подражать крику разных птиц.

— Выйдет иной раз ранним утром в парк, засвистит, защелкает,— вспоминает Сашин друг, Федор Иванович Хасанов.— Ну, соловей и соловей. На всякие голоса мог. И так это у него хорошо получалось, что даже птицы перекликались с ним. Чудесник, да и только. А как душевно и ласково рассказывал Саша нам, ребятам, о своих пернатых друзьях.

Федор Иванович вспомнил и такой случай. Однажды в конце августа тридцать седьмого года пошли они побродить по перелескам. Федя ружье у пчеловода Андрея Лаврентьевича выпросил. На всякий случай, может быть, какая-то дичь попадется. Уже за околицей Ивановки Федя проговорился, что хочет на куропаток поохотиться.

Матросов не любил «промысловую» охоту, а тут его закадычный друг вон что замыслил. Но в осуждение Феде Саша не сказал ни слова. Бродили, бродили они по полям да перелескам, устали. Присели отдохнуть. Федя прислонил берданку к березе, а сам принялся рябину рвать. В это время Саша взял да и вынул патрон из берданки. А когда друзья снова двинулись в путь, вскоре им попалась стая куропаток. Федя прицелился. Бах! Но выстрела не получилось. Федя подумал, что вышла осечка. Щелкнул затвором, а там пусто. Саша не выдержал — засмеялся. Федя понял, в чем дело, хмыкнул сердито и махнул рукой, дескать, ладно, твоя, мол, взяла. И, нахмурясь, поспешил к дому. А Саша с хитринкой взглянул на друга и сказал:

— Маловато в наших местах куропаток. А ты охоту на них затеял. Не дело это. Без птиц в поле скучно...

А на другой год Саша еще раз подшутил над Федей. Было это поздней осенью. Вышли они как-то за деревню и стали совет держать: куда идти — в лес или в поле? Саше хотелось в лес: там тепло, приятно под ногами листва шуршит, синицы посвистывают, дятлы-красавцы постукивают. К тому же в лесу Саша намеревался не только полакомиться сладким шиповником и кисло-сладкой рябиной, но и набрать рябины впрок для подкормки птиц зимой.

Хасанову же в лес идти не хотелось. Он знал, что заяц не любит осеннего леса. Зайцу нужна тишина, чтобы лучше определить, откуда опасность грозит, а тут шорох листьев из-под собственных ног мешает слушать. Всего лучше зайца искать на зяблевой пахоте.

— Вот что, — сказал Федя. — Давай поле обойдем, а потом в лес заглянем. На том и порешили. Разошлись они друг от друга метров на сто. Поднялся Хасанов на курган, чтобы посмотреть вокруг, и язык прикусил от неожиданности: метрах в десяти лежал заяц. Бока серые, рыжие уши с черными наконечниками протянулись через всю спину. Пожалел он, что ружье то у Матросова. Тогда хлопнул Федя в ладоши, крикнул что было силы — и зайца как ветром сдуло. Прижал уши и полетел прямо на Сашу. «Ну, — подумал Федя, — удачно. Сейчас он в него пальнет».

От радости Федя даже подпрыгнул на месте и, заложив пальцы в рот, лихо свистнул.

Матросов оглянулся: заяц на него катил. Саша вскинул ружье и ждет. Заяц все ближе и ближе.

«Чего же он выжидает? — волновался Федя. — Упустит, растяпа!»

А заяц тем временем, почти добежав до Матросова, круто повернул в сторону. И в это время Саша выстрелил... в небо и крикнул:

— Живи, косой!

ЗВЕНО ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Из всех крестьянских работ больше всего Саша любил сенокос. То-то было радости в такие дни у Матросова! Чаще всего на покос Саша приходил с пчеловодом Андреем Лаврентьевичем. На росной зорьке, бывало, вскинут на плечи литовки и отправятся на обширную, словно луг, поляну у Семи дубков

Там первым делом брусочком навострят стальное полотно литовок и не без волнения начинают отмахивать косами вправо — ах-х-х, ах-х-х, ах-х-х. Саша любил при этом приговаривать: коси, коса, пока роса...

Легко косится по росе. Ровно Саша ведет прокос, под самый корешок его коса берет траву. Уж на что низкорослы, неухватисты ползучие гусиные лапки, а Матросов умел и их выстригать под чистую. Упоенно косил Саша, вдыхал свежесть розового утра. Идет ряд за рядом, стараясь расширить прокос. А валок получается крупный, пышный. Дед Андрей смотрит на усердного косаря и, жалеючи, советует:

— Поменьше бы брал-то, поуже. А то, того гляди, что косу оборвешь. Трава-то вон какая вымахала. Непроворотная.

Дед склоняется над кошениной, поднимает охапку и добродушно ворчит:

— Не валок, а копна.

Но Саша по голосу слышит — доволен дед его работой.

А у Матросова уже взмокла рубаха. Пот заливает глаза. И уже начинает поднывать плечо. Тяжелеют руки от рядка к рядку. Но Саша не сдается, не отстает от деда Андрея. Старик оглядывается и, хитро улыбнувшись, начинает косить более ходко. Саша слышит тонкое, певучее «вжик-вжик» и внимательно наблюдает за тем, как косит дед: размеренно двигает широко расставленными ногами, делает подолгу отмашку. Валок получается ровный, срез низкий...

Саша упорно перенимал приемы косьбы у Андрея Лаврентьевича. А года через два Саша так наловчился косить, что мог тягаться со своим наставником. Об этом хорошо было известно директору детского дома Петру Иосифовичу Макаренко.

— Однажды во время сенокоса (это было в тридцать восьмом году), — вспоминал Петр Иосифович, — я попросил нашего пчеловода Андрея Лаврентьевича выкосить траву в тех местах, куда не могла пройти сенокосилка. А тот сказал об этом Саше Матросову. На другой же день Саша рано утром пришел к пчеловоду, но не один. С ним были его друзья Федя Хасанов, Миша Саулин, Ваня Синягин. За ними увязалась внучка пчеловода Наташа. Словом, получилось «звено особого назначения». Но косить-то более-менее умели Матросов да Хасанов. И все равно дед Андрей рассудил мудро: решили в луга идти всей ватагой — на покосе всем работы найдется...

И вот «звено особого назначения» двинулось в пойму речушки Дремы. В голубом небе все звонче, вольготнее пели жаворонки. Они в небе живой звездой казались. В розовых лучах трепетали. Дед Андрей ахнул, восклицая:

— Гляньте-ка, ребятишки, какая благодать вокруг. А как гусляры небесные заливаются. Сердце заходится. Слушал бы да радовался. До чего неугомонные птахи. С утра до вечера с неба не сходят. И как не устают.

Заметили, ребятки, жаворонок на земле не поет, только в небе, когда крыльями трепещет...

Дед Андрей принялся отбивать косы. Он сидел сгорбившись над «бабкой» и звонко постукивал молоточком по острию косы. Работал без суеты, споро. Тюкал да тюкал легонечко молоточком по литовке. Терпеливая эта работа, глаз нужен верный. Медленно движется коса по «бабке», а молоток неутомимо выговаривает: тюк-тюк-тюк-тюк. Пот прошиб деда Андрея.

Уважительно оглядывая маленькую, жилистую и крепкую фигуру старика, Матросов думал о том, почему дед Андрей расположил его к себе с первой встречи. Так получилось как-то само собой, без всякого усилия со стороны пчеловода. Вот просто посмотришь на то, как работает, как говорит, как ласково смотрит на человека, и непременно подумаешь о нем хорошо. Голос деда Андрея звучит добродушно. Разговаривать с ним легко. Саша заметил: дед Андрей со всеми очень дружелюбен. А сколько он знает всяких забавных историй. Как начнет рассказывать про повадки рыб или про какую-нибудь зверюшку — заслушаешься. Будто книгу читает.

Сашины размышления прервал дед Андрей:

— Саня, на мне узоров нет. Разглядывать меня нечего. Пока я отбиваю косы, вы поправьте прошлогодний шалаш. В жару и в дождь пригодится.

Матросов вразвалку зашагал к шалашу. За ним потянулись ребята. Федя Хасанов крикнул и задорно затряс топором:

— Эх, постукаем, побрякаем! Все миром на шалаш навалимся. А ну, Наташка-Ромашка, подбирай за мной хворост.

Поправив шалаш, они вернулись к деду Андрею, а тот сказал:

— Ну что же, ребятишки, начнем. А ты, Наташка, займись обедом. Все равно подгребать-то еще нечего.

— Нет уж, деда! — возразила Наташа.

— Что так? — удивился дед Андрей.

— Я косить хочу!

— Да ты же не умеешь.

— Научусь.

— Так это когда еще будет.

— Скоро. Я постараюсь. Покажи, как надо косить.

— Ладность. Это можно, — согласился дед. — Только это не вдруг. А пока для костра дров насобирай.

— Согласна! — крикнула Наташка.

Дед Андрей поплевал на ладони, расправил плечи и начал косить.

— А ну, не отставать, особое подразделение! — весело крикнул он.

Мальчишки пошли в едином ритме: шаг в шаг. Но вскоре вытянулись неровной линией: впереди шли Матросов и Хасанов, а замыкал лесенку Саулин. Все дальше и дальше отодвигались косцы от черемуховых зарослей и оставалась на поляне застывшими волнами скошенная трава.

Впереди косцов без натуги, уверенно самый широкий прокос вел дед Андрей. Его литовка шла ровно. За ним тянулся Матросов. Хотя прокос его был и поуже, но тоже ровный, а срез низкий. «Ох-ох-ох, ш-ша, ш-ша» — протяжно всхлипывало из-под косы. Трава покорно ложилась под ноги. Вслед за Сашей, закусив губу, ровно, с короткой отмашкой косил Хасанов.

Хоть и старался тянуться за ними Миша Саулин, но выдохся. Пот застилал глаза. Миша со всего плеча лупил траву. Срез травы получался высокий. Литовка часто втыкалась в кочки. Поглядывая на Матросова и Хасанова, Миша удивлялся, как это они так ловко обкашивали любую кочку, каждый пень. И совсем не клеилось дело с косьбой у Ванюшки. Он торопливо шаркал косой, постоянно вытирал рукавом рубашки пот с лица. Дед Андрей заметил это и подошел к нему:

— Дай-ка косу.

Ванюшка вытер пот и сокрушенно признался:

— Выдохся я с этой косой. Неходкая она.

— Неходкая, говоришь, — улыбнулся дед. — А вот мы ей прыти-то сейчас прибавим. — И он начал ласково учить Ванюшку:

— Ты слишком торопливо шаркаешь косой, Ванюшка. Поэтому и срезаешь только верхушки травы. Под корешок ее, голубушку, под корешок меть. Вот так. А теперь сам попробуй. Стать у тебя молодецкая. Должно получиться, — дед Андрей хитровато взглянул на Ванюшку и передал ему литовку.

Первые взмахи дались Синягину легко. Но вскоре он заметил, что опять срывает косой только макушки травы. Ванюшка озлился, резанул под корешок — лезвие со звоном вошло в землю.

— А ты спокойнее, не горячись. Не за зайцем скачешь, — добродушно гудел дед Андрей.

К косцам подбежала с огромным букетом Наташка-Ромашка и крикнула:

— Ну, кто из вас победитель? Кому вручить цветы? Может, тебе, Ванюшка?

Багровый от напряжения и смущения, ловя на себе насмеш-
ливый взгляд Наташки, Ванюшка дурашливо заорал:

— Берегись! Сзади!

Он старался изо всех сил, торопясь уйти от Наташки. И это ему на какое-то время удалось. Но вскоре снова выдохся. И чтобы не показать слабость, принялся точить косу, хотя нужды в этом не было. Он воткнул косовище в землю, обхватил косу левой рукой, в правую взял брусок и легкими взмахами принялся точить блестящую сталь. Но Наташка насмешливо сказала:

— Ох, вот так вот! Ой, слабак ты, Ванюшка!

— Ладно! Ты... — Ванюшка обвел девчонку сердитым взглядом. — Сама-то косу в руках держать не умеешь.

— Я не умею? Ой, вот так вот! Потеха, — захлебывалась от восторга Наташка. — Я нарочно деду говорила, что косить не умею.

Она подскочила к Матросову:

— А ну, Саня, дай косу. — И, торопливо положив цветы на валок, стала рядом с Ванюшкой. Он смотрел на Наташку и не мог сообразить, откуда она свалилась и какую каверзу задумала выкинуть. А Наташка спокойно сказала:

— Начали.

Наташка двигалась неторопливо, взмахивала не часто, но равномерно, с широким захватом. И Ванюшка, вырвавшись было вперед, скоро почувствовал за спиной умелого соперника, заволновался. Наташка шла все так же вроде бы медленно, но приближалась к нему, наступала на пятки. «Вжик-вжик, вжик» — победно пела ее коса, и через какие-то пятнадцать-двадцать минут Ванюшкин задор иссяк, он сошел с прокоса, подошел к деду Андрею, протянул косу и попросил:

— Отбейте, Андрей Лаврентьевич!

— Что, приустала коса-бедолага? — хитро подмигнул дед Андрей.

— Ага, рвет, а не режет, — буркнул Ванюшка. Он был обескуражен. Саше Матросову стало неловко: он понял, что Ванюшка солгал. И на какое-то мгновение Матросову стало жаль Свиягина, что тот оказался слабее девчонки.

Дед осмотрел Ванюшкину косу, поправил насадку. Литовка была старая, сношенная. Полотно узкой лентой свинцово блестело на солнце. Дед Андрей присел на траву, зажал между ног маленькую «бабку», наклонился и начал стучать острым концом молотка по тонкому лезвию, оттягивал неподатливое жесткое жало косы и приговаривал:

— Косу отбить — дело не простое. Жало должно быть тонким и нешироким.

Мальчишки это премудрое дело понимали смутно, но согласно кивали головами. А дед умолкал, глубоко затягивался махорочным дымом, медленно через нос выпускал его. А вскоре объявил:

— Стоп! Кажись, самый раз. Нет, самый кончик постукать надо.— И пчеловод начинал снова то дробно, то редко постукивать молотком по косе.

Но вот коса отбита и налажена. Дед достал брусок и начал править литовку. Глухие удары отзывались в рощице. Затем старик осторожно провел по острию пальцем и взмахнул косой. «Вжик-вжик-вжик» — зазвучала литовка, укладывая росные рядки скошенного сочного разнотравья. Наконец передал литовку Ванюшке, вытер рукавами вспотевший лоб и, ободряюще улыбаясь, успокоил его:

— Это не беда! Косить надо умеючи. Без науки и тут не обойдешься. Давай-ка вместе попробуем.

Они подошли к прокосу, и дед Андрей терпеливо стал обучать Ванюшку:

— А ты ноги пошире ставь, руки посвободней держи. Вот так.— Дед взял Ванюшкину литовку и стал показывать движения.— Держи косу. Повтори, как я делал. Давай — и раз и-и-и два! Чуток лучше получается.

— Все равно научусь!— упрямо сказал Ванюшка. И медленно начал подрезать густую высокую траву.

— А то как же. Обязательно научишься. Да ты и сейчас уже косишь сноровисто,— подбодрил его дед Андрей и заторопился на свой прокос. Матросов пошел рядом.

Возле них закружились два разноцветных шмеля. Желтоватый и рыжий. Саша принялся отмахиваться пучком травы, норовя сбить шмелей на землю.

— Саня, оставь шмелей в покое,— заметил дед Андрей.— А то пришибешь ненароком. Их беречь надо. Шмели приносят большую пользу. Особенно клеверищам. Запомни: красный клевер опыляют только шмели. Если бы не было шмелей, то клевер цвел бы пустоцветом, не давал бы семян и вскоре бы перевелся на земле...

— А пчелы разве не могут опылять клевер?— поинтересовался Саша.

— В том-то и дело,— прикрыв глаза от солнца ладонью, дед посмотрел на луговину, потом повернулся к Матросову.— Красный клевер длиннотрубчатый. Его пчела не может опылить. Хоботок-то у нее около пяти миллиметров. А у шмеля — около девяти. Вот и выходит, Саня, надо разводить шмелей. Пасеки бы шмелиные завести. Ведь шмели лучшие опылители на зем-

ле. Трудяги похлеще пчел. Они работают в пасмурную и даже в дождливую погоду. А некоторые шутоломы их гнезда разоряют.

Дед Андрей взял литовку и начал косить. Саша поспешил на свой прокос. Невдалеке победно пела Наташкина коса. Платье на девчонке пропотело. Тощие лопатки то и дело сходились на ее спине. Наташка упрямо махала косой, делая короткие шажки, и не спускала глаз с мерцающего жала косы. И вдруг она испуганно вскрикнула:

— Ай! — И, отбросив косу, присела. Матросов подбежал к ней и оторопел от неожиданности. Белоголовая Наташка сидела на корточках и горестно качала головой.

— Что с тобой? — испуганно спросил Саша.

— Ой, беда! — прошептала Наташка. — И как это я не заметила...

— Да что случилось? — встревожился Матросов.

— Разве не видишь, — ответила Наташка. — Гнездо жаворонка чуть-чуть не перерезала.

— Стоп! — махнул рукой Матросов. — Не обкашивай его. Оставь маленькую куртинку травы.

Саша подошел к черемухе, поднял сухой сучок и сказал:

— Наташа, держи-ка палочку-выручалочку.

— Это еще зачем? — удивленно спросила Наташка.

— Недогадливая же ты, — усмехнулся Матросов. — Дай-ка косу.

Саша взял в левую руку литовку и, широко расставив ноги и держа под мышкой косье, сильно застучал палочкой о полотно.

— Пройдись-ка, Наташка, из конца в конец поляны, позвони косой, — сказал Саша. — Может, птичек каких спугнешь из гнезд, чтобы они под наши косы не попали. Этому меня бакенщик Матвей Петрович научил...

Наташка схватила косу и принялась трезвонить.

А Матросов снял тельняшку, повесил на ольховую ветку и начал обкашивать кустарник. Место было неровное, угористое, много муравьиных холмиков: надо иметь сноровку, чтобы обкашивать их. Зато трава здесь густая, сочная, шелковистая. Но роса уже сошла, и Саша почувствовал, что косить стало тяжелее. Руки немели, в глазах — горячая пелена. Но он изо всех сил старался вести прокос уверенно — иначе засмеют...

Вскоре к Матросову подошел дед Андрей и сказал в шутку снисходительно:

— Что, Саня, умахался. Знамо, нелегко. Поди-ка помаши столько. Смотри, медовый-бедовый, какие валы оставляешь. Ровней веди косу, пятку прижимай. И еще недогляд у тебя. Прокос ты гонишь к кусту, а зачем? Погому-то под кустом трав-

ну не скашиваешь. Да к тому же рядок под кустом не просохнет дольше. И что же получается? Промашка выходит. На открытом месте трава подсохла, а под кустом еще сырая. Вот и убирай ее. Непорядок это. А ты ее вот таким манером: не под куст гони, а из-под куста — и травка вся будет скошена и высохнет разом.

Дед Андрей показал, как надо это делать. Затем вскинул литовку на плечо и заметил:

— Сухая уже трава-то. Тяжелешько стало.

— Да еще как, — подтвердил Матросов. — Коси, коса, пока роса. Роса — долой, и мы — домой...

Дед хохотнул и подал команду:

— Перекур!

Мальчишки мигом очутились около шалаша, и, положив на его покатые бока свои литовки, они прилегли на свежую кошенину. Над речной поймой искрились и дрожали сухие волны зноя. Вся заречная сторона в мареве, как в золотой пыли. Вскоре из-за куста черемухи показался дед Андрей. Он присел в тени шалаша и сказал, разглаживая бороду:

— Парит-то седни как. Быть грозе. А не ко времени... В дреме сейчас сома видел. Бунтует усатый. Он грозы не выносит. А уже когда прогрохочет гром, так он, бедолага, начисто рассудок теряет... Опрометью несется, как очумелый, либо к омуту, либо под корягу какую. Забьется туда и лежит — ни жив ни мертв...

А однажды вот что приключилось. Рыбачил я как раз в этих вот местах. И не заметил, как гроза надвинулась. Я быстренько начал удочки сматывать. Вдруг тут как громыхнет гром! Аж в ушах зазвенело. В реке что-то забурлило. Гляжу, а это сом прямо на отмель несется. Он с перепугу так метнулся, что единым мигом очутился в мелководном бочаге, словно в западню угодил. Как ни бился, а выплыть оттуда так и не смог... Тут я его и накрыл. Вот бы сейчас нам такого на уху...

— Ну такого не такого, а пескаришек наловить можно, — сказал Матросов.

— Ловить да уху варить, а работать когда? — возразил дед Андрей. — Оставим это до другого раза. А сейчас давай-ка, Наташа, принеси сюда корзинку с едой. Перекусим, чем нас бабка Марья снадобила...

Наташка нырнула в шалаш и вынесла оттуда объемистую корзину, поставила ее перед дедом. Старик вынул из корзины чистую холстину, расстелил ее на траве. Затем бережно взял большую буханку ситного хлеба, прижал ее к груди и стал бережно разрезать на ломти. Потом достал из корзины большой

кусок вареного мяса, яйца, большую бутылку молока и пучок зеленого лука.

Все это дед Андрей без суеты разложил на холстине и широким жестом пригласил мальчишек «к столу».

— Угощайтесь, медовые-бедовые...

Мальчишки дружно навалились на дедушкину снедь. В наступившей тишине было слышно, как неподалеку возилась на речке ватага ивановских ребятишек. Двое таскали большую корзину, подводили ее под кусты, а трое других начинали яростно шуровать длинными шестами под корягами. Поработав так минут пять, все трое с криками и воплями бросались к корзине и дружно вытаскивали ее на берег...

Матросов с завистью посматривал в сторону шустрых рыболовов. Ему явно хотелось подключиться к их компании.

Вдруг издалека, с огорода крайней избы, послышался зовущий женский голос:

— Минь-ка-а-а! Иди картошку окучивать, хватит бегать!

Один из сорванцов-рыболовов перестал хлопать по воде шестом, закричал в ответ:

— Приду-у-у скоро-о-о!

— Мишка-а-а, хворостину возьму... Я те задам рыбалку, паршивец.

Но Минька и ухом не повел на мамкины угрозы. Он с прежним азартом бухал шестом по воде, шуруя под корягами.

— Вот ослушник, — хмыкнул в свою прокуренную бороду дед Андрей. — Нахлобучку схлопочет, а на своем настоит. Сорвиголова, видать. Молодчага! От артели отбиваться не хочет. Отбейся попробуй... Задразнят дружки-приятели. За мамкину юбку держишься. По себе знаю. Так что три, Миня, к пересмол, все пройдет...

Женщина заругалась снова:

— Минька-а-а, мигом домой! Кому сказано, неслух. Уши оборву!

Косари, заканчивая обед, с интересом слушали, как женщина бранила своего сына-ослушника. А когда она умолкла, дед Андрей, кряхтя, встал и направился под тень коряжистого осокоря, сказав:

— Пошли отдыхать. Ее не переслушаешь. А это дело добром не кончится. Закусил малый удила — ни крестом, ни шестом не возьмешь. Не из робкого десятка, видать, этот Минька. Настырный...

Степной воздух, сытный обед разморили косарей. Едва забравшись в шалаш, они тут же уснули. А проснулись от тревожного звона косы. Дед Андрей стоял у входа в шалаш и ст

кал бруском по полотну литовки. У мальчишек слипались и на-
ад плечи поламывало с непривычки, а дед поторапливал.

— Поднимайтесь, поднимайтесь, ребятушки! Нахмурилась.
Гроза никак копится. Птицы бесятся не зря, и кузнечики по-
притихли. И нога у меня можжит в сухой кости... Подсохшее
сено в стожок метать надо.

Первым из шалаша выбрался Саша Матросов, глянул на Отрадненский лес. Из-за его гребня поднималась темная синева, а по ивановскому большаку гуляли бесноватые вихряки, поднимая в небо столбы пыли. Потом вихряки сменились порывистым, холодным ветром. За лесом ярко вспыхнуло, гулко лопнуло небо.

С запада, из «гнилого угла», выползала грозовая туча. Вскоре она заволокла густой синевой половину горизонта и на Дреме стало жутко и тревожно.

Косцы, не сговариваясь, хватая на ходу кто грабли, кто вилы, кто хворостину, бросились на малый луг. Вдруг от близкого глухого раската дрогнула земля.

Матросов бежал к сухим валкам сена, не чувствуя ног. У него в руках были грабли со сломанными наполовину зубьями. Сухое сено звенело под граблями. Дед Андрей заложил стог возле корявой ольхи. Он ловко и проворно принимал охапки сена, разравнивая его, и стог быстро рос... Закусив до боли губу, Саша сгребал сено сразу с двух валков и укладывал на носилки, которые смастерили Федя с Наташей из двух длинных шестов. Минька Саулин таскал сено вязанками, приспособив для этого веревку. Ему помогал Ванюшка. Он торопливо набирал охапку сена, стягивал веревкой, а Мишка вскидывал ее на спину и почти бегом спешил к стогу.

Туча росла быстро. Тревожнее зашелестела ольха. И вот густую синеву тучи прошила огненная нитка молнии, от раската грома зазвенело в ушах. Федька с Наташкой испуганно глянули друг на друга. Дед Андрей с тревогой сказал:

— Эк хрястнуло! Не успеть вроде. Много ли еще подгребать-то?

— Нет, рядка два, — ответил Хасанов. — Давай, давай, ребята, поднатужимся!

Проворнее замелькали грабли, быстрее и быстрее ребята сновали от валков к стогу. Дед Андрей едва успевал принимать и притаптывать охапки сена. Он начал сужнвать стог, заметив — ребята подгребают последний валок.

Ребята старались вовсю. Пот катил с них ручьем. И когда дед Андрей начал вершить стог, вдруг стало тихо. С заречной стороны, откуда надвигалась туча, потянуло холодком, и тут

же над ними раскололось небо. В это время, словно из прелома, хлобыстнул бесшабашный ливень.

Дед Андрей, не прячась от дождя, радуясь, сказал:

— Ох как хорошо успели! Хоть устал, но светло на душе...

Ливень усилился. Матросов видел, как Наташка, Фелька, Минька и Ванюшка, пригнувшись, побежали к шалашу. Саша лихорадочно подхватил свалившийся со стога шест, поставил на место и побежал за друзьями. Он промок до нитки. Тельняшка прилипла к телу. Спешить не имело смысла, и Саша тихо побрел к шалашу. Он впервые за свои тринадцать лет оказался во время грозы в лугах. И хотя подмывало скорее юркнуть в шалаш, и с тревогой озирался по сторонам, но шага не прибавлял, тем более следом неторопливо шел дед Андрей. Саша был рад, что видел такую грозу своими глазами, и чувствовал себя смелым, а главное — нужным людям человеком...

ЗА РОДНОЙ ОКОЛИЦЕЙ

Весна набирала силу. Давно отзвенели бурные ручьи по оврагам. Земля покрылась зеленой щетиной травы, в лощинах зацвели желтые первоцветы. В голубовато-белесом небе неумолчно заливался жаворонок. Он то снижался к земле, то круто взмывал вверх, растворяясь в солнечном блеске. Я и мой собеседник, рабочий совхоза «Россия» Иван Михайлович Синягин, закадычный друг Саши Матросова, почти теряли жаворонка из виду и только слышали, как звонко и переливчато играли его невидимые хрустальные бубенчики. Застыв в изумлении, я почувствовал, что в груди у меня что-то сладко и радостно ворохнулось...

Щурясь от яркого солнца, мы с Иваном Михайловичем пристально глядели туда, где звенел невидимый жаворонок. Вместо певуна видели ослепительно белые редкие облака. Легкие тени от них скользили по молодой нежной травке и скрывались где-то за Ивановкой в синей дали окоема. А вокруг было чисто и празднично. И непонятное чувство охватило мою смятенную душу...

Благоговейную тишину нарушил мой собеседник:

— Вот этот холм, что спускается к речке и роднику, — это самое заветное Сашино место. Сюда он любил ходить ранней весной, когда прилетают первые жаворонки. Помню, весна... он приглашал послушать первых жаворонков и меня. Мы с ... чера договаривались хоть на часок перед школой сбегать ... его заветный холм. Я заметил, что лицо у Саши в то утро ...

...ло особенное — радостное и немного торжественное, и Саша просил повара тетю Раю испечь к этому дню ...жков».

До завтрака мы забегали на кухню к тете Рае, забирали румяные, с хохолками на голове и с глазами из коричневых семечек хлебных жаворонков, спешили к заветному местечку, на солнечный пригрек. Здесь мы с ликованием поднимали над головами своих птичек-весничек и, задрав головы, смотрели в небо, где раздольно, взахлеб пели свои малиновые песни первые жаворонки и начинали зазывать весну-красну.

Иван Михайлович умолк и, опустив голову, свернул с дороги на узкую тропинку, которая вскоре нырнула в редкий ракитник. Впереди блеснула речушка Дрема. Синягин ускорил шаг, перепрыгивая через промоины от талой воды. Я еле поспевал за ним. Вот и Дрема. Вблизи она представилась совсем крохотной. Через нее переброшен мостик из тесаных бревнышек, легкий, но прочный. А за мостиком, в полугоре, родник со светлой, холодной водой. Мы остановились около него и, словно сговорившись, одновременно посмотрели на чистое весеннее небо: над Ивановкой пролетали своей извечной небесной дорогой журавли. Запрокинув кверху лица, мы неотрывно смотрели в небо, провожая глазами огромный треугольник тоскливо курлыкающих журавлей. И когда они затерялись в голубой сини неба, Иван Михайлович долгим взглядом посмотрел на меня и тихо сказал:

— Саша Матросов тоже любил слушать журавлиное курлыканье. Вот вроде ничего особенного в этом курлыканье нет, а отчего-то так сладко сердце щемит...

Мой собеседник с минуту стоял в задумчивости, затем подошел к куртинке плакучих ив и начал что-то под ними искать. Вскоре он вышел на тропинку. В правой руке Иван Михайлович держал сухую ивовую палку, а на широкой, в сухих мозолях ладони левой руки лежал мертвый жаворонок. Глаза Синягина потемнели и стали строгими. Он страдальчески смотрел на мертвую птаху и, видимо, думал о чем-то большом и сокровенном. Потом тяжело вздохнул, повернулся ко мне и осуждающе заговорил:

— С каждой весной теперь я все больше нахожу в поле мертвых жаворонков. От бесхозяйственного хранения разных удобрений гибнут птахи.

Иван Михайлович присел на обрубок осокоря около родника, положил на нежную, молодую травку хохлатого жаворонка и заговорил, будто раздумывая вслух:

— Сашина стойкость, активность на этой земле крепли. А знаете почему? Объяснение очень простое: наши воспитатели

не ограждали нас от всяких шероховатостей жизни, не оскалили от трудных дел, а сразу вводили в жизнь, учили честному, самоотверженному отношению к делу. И мы невольно заражались их примером — действовать, а не рассуждать о пользе того или иного дела. Я глубоко убежден, что стойкость вызревает только в действии, в активных гражданских поступках, а не в рассуждениях о любви к родной земле. Мы в пору своего детства не кипятились, не ломали копья, не выходили из себя по поводу того, что на глазах, мол, сельчан заплился родник и вроде до этого никому дела нет, а брали лопаты и расчищали его. Мы не рассуждали, не исходили горечью и обидой, не били в колокола, что вот-де в заливных лугах остается нескошенная трава под кустарником да в ложках, куда не могла пройти сенокосилка, а брали косы и шли в луга. И наше подсобное хозяйство да и подшефный колхоз получали дополнительно несколько возов прекрасного лугового сена. И застрельщиком в этих делах всегда был Саша Матросов. Он не терпел «заботливых» рассуждений по тому или иному поводу, а предпочитал поступок, действие.

Иван Михайлович замолчал, взял в руки палку и принялся выгребать из родника прошлогодний лист, кору дерева, былинки. И, как бы подводя итог нашему разговору, заметил:

— Время не повернешь вспять, а хотелось бы. Многое хочется повторить, что было в детстве. Вот хотя бы то запомнившееся плавание на плоту под красным парусом, когда мы расчистили родник. Во время купания я повредил ногу осколком бутылки. Рана была глубокой. Я не мог наступать на ногу. Саша посадил меня на закорки и отнес на плот. А позже смастерил тележку, чтобы вывозить меня на рыбалку, так как рана на ноге заживала медленно.

Вроде мелочь. А не у каждого из наших ребят явилось такое желание. Что это такое? По понятиям тех, кто умеет только брать, кому не по душе подобные поступки, — для них такие, как Саша, — это белая ворона.

Но Матросов не боялся быть белой вороной, не боялся ехидных ухмылок и колких насмешек «благоразумных» потребителей, а презирал их...

Мой собеседник швырнул палку в заросли ивняка и предложил:

— Ну что, поднимемся на холм, на Сашино заветное место...

И, не дожидаясь моего согласия, широко зашагал по каменистому склону. Я шел следом и думал о словах Сашиного друга. Непостижимо много заключено в этих простых, но емких словах. В них огромная душевная тревога, зовущая к действию, к

данным гражданским поступкам. К таким, о которых речь, и относится ниже.

В первые дни летних каникул Саша Матросов уговорил Федю Хасанова и Ванюшку Синягина расчистить родник Светлячок. Ребята согласились, и вот днем пять подряд мальчишки ходили за околицу Ивановки к Сухой Гриве расчищать Светлячок. И расчистили. Ожил родник. Зазвенел. Федя с Ванюшкой думали, что на этом дело и остановится. Но не тут-то было.

Саша объявил им:

— Такое дело, ребята. Давайте оборудуем Светлячок. Тропа, сами знаете, какая там плохая. Надо бы ступеньки на ней вырубить. Камнем родник обложить, а то опять землей завалит его. Скамеечку под ольхой смастерить бы не мешало...

И снова мальчишки зачастили к Светлячку. И вот однажды солнце еще только-только встало, а Саша, Федя и Ванюшка были уже около дома деда Андрея. Они взяли лопаты и ящик с инструментом, навострились идти к речушке Дреме, где их поджидал Миша Саулин на плоту «Стрела», и вдруг на крыльцо вышла тучная бабушка Наташки в старой вязаной кофте, в подоткнутой за пояс юбке. Бабушка Марья поставила на скамеечку около палисадника крынку с молоком и три стакана. Она обвела мальчишек добрым взглядом и сказала ласково мягким, певучим голосом:

— Вот, ребятушки, попейте на дорожку.

Друзья стали пить молоко. А бабушка все потчевала:

— Угощайтесь, угощайтесь, мои хорошие. Душевные вы, видать, ребятишки. Дотошные. Дай вам бог доброго здоровья. За родничок вам поклон земной. Вы и не помышляете, как он нам, старым людям, дорог. Вам неведомо, а я-то помню: возле этого родника наши ивановские прощались с теми, кто на гражданскую войну уходил. Все солдатики наши как один припадали к чистому ключу и пили перед дальней дорогой родную водичку. А многие последний раз пили...

Бабушка Марья задумалась и долго-долго смотрела в ту сторону околицы, где булькал да позванивал Светлячок.

— Давно то было, сыночки. Родник-то этот в ту пору уже был. И лавочки вокруг него стояли, и навес мужики построили. От жары было где укрыться. Даже черпаки берестяные изготовили: пей, отдыхай на здоровье прохожий... А коли навалилась на нас сила нечистая, коли грянула, будь она проклята, война с германцем да с белыми, не до родника людям стало. Он и пришел в запустение. А ведь трое моих сынов из этого родника последний раз пили...

Бабка вытерла концом платка набежавшие слезы, молча тяжело вздохнула, грустно крикнула и тяжело пошла в дом. Открывать дверь, однако, медлила. Краешком глаза за мальчишками наблюдала. Потом медленно повернулась и сказала:

— Обожлите малость Наташку-то. Она обувку латает. Я уж не знай как рада делу вашему доброму. Вчера только засияла, вижу, родничок бьет. Подхожу ближе, батюшки-светы! Родничок так и звенит, так и поет. К ногам моим ластится, словно спросить чего хочет. И спросил, ребятушки. Где-то тут, говорят, береза стояла, а отыскать не могу. Открыла я глаза-то, кумекаю: так оно и было. Уж такая раскрасивая береза у родничка росла. Не уберегли мы ее. Срубил какой-то варвар чудо такое. А дерево, ребятушки, срубить — что человека порешить. Дите легче на ноги поставить, чем из кусточка дерево вырастить. Оно хоть и говорится, что была бы водица, а зелень зародится, да бедь вот что в толк возьмите.

Без деревьев и речки хиреют, и родники иссякают. Одно без другого не обходится.

Бабка Марья постояла еще с минуту на крыльце и, скрипнув дверью, скрылась в сенях.

Вскоре на крыльцо выскочила внучка деда Андрея Наташка-Ромашка и весело крикнула:

— Пошли!

Ребятишки свернули в переулок, по заросшей подорожником тропинке вышли к Дреме. С крутояра было видно, как река от Наташкиного огорода, раздвигая ивняк и черемушник, круто поворачивала на север, а там, где в нее впадала Плутайка, петляя в кустарнике, уходила на восток. И километров за тридцать от Ивановки, около Ульяновска, сливалась со Свиягой.

Жидкий молочно-розовый туман плавал над сонной Плутайкой. Со свистом проносились стрижи, снижались над речкой и чиркали о воду белыми брюшками. В росных лугах хрустел коростель. А в светлых березняках пробовала свой томный голос кукушка. На восточной части неба дотлевали редкие облака.

Под нежарким утренним солнцем в лугах сверкала Плутайка. Она то нежится на широких плесах, то испуганно кидается в сторону, делает петли, извилины. Как говорит дед Андрей, всячески капризничает, мечется туда-сюда. Не зря ее так назвали. Плутает она по многим своим руслам. Каждую весну всю луговину заливает талая вода и стоит здесь неделями.

Ребятишки сбежали с косогора к воде. Лиловато-серая дымка висела над огромным полем ржи, которое подступило к самой Плутайке. От ржаного поля тянуло пряным ароматом. Наташка вдруг остановилась и сказала:

— Все, кто найдет коряжку или загогулину ольховую или березовую — подбирайте. Они мне пригодятся.

Ребята двинулись дальше. Наташка, склонив голову, брела между коряжистых кустов ольхи, изредка нагибалась, брала в руки коряжку или загогулину, вертела в руках, хмыкала и разговаривала вполголоса с находкой. Потом отбрасывала в сторону, шла дальше и опять поднимала какую-нибудь загогулину и вертела ее в руках так и этак. И редко-редко прятала в сумку.

Вскоре друзья оказались на песчаной отмели. Здесь, под крутым обрывом, было их любимое место — тайник, где хранились удочки, котелок для ухи, топор и другие нужные в походе вещи. Над обрывом красовались три толстых березы, которые росли из одного корня, держались за берег лишь половиной своих корней, а другая половина висела над отмелью. Под козырьком обрыва была маленькая пещера, замаскированная большим серым камнем и густо разросшимся ивняком. Ребята любили сидеть в пещере со свечками. В это время становилось как-то таинственно и жутковато. С потолка пещеры, словно змеи, спускались плети толстых и тонких корней. Поскольку пещера находилась в конце Наташкиного огорода и она первая обнаружила ее, ребята и прозвали пещеру Наташкиной.

«Стрела» стояла под развесистой ветлой. Заметив мальчишек, Саулин крикнул:

— Где вы застряли?! Пора ехать. Вон уж как высоко солнце-то поднялось...

Речка, огибая широкой дугой Ивановку, надвое рассекала небольшую рощицу. Текла речка быстро, бурлила, булькала, пенилась. На глубоких местах течение утихало, плавно кружились воронки. Над речкой токовали бекасы. Эти беспокойные птицы с резким криком взмывали вверх и смело пикировали к воде. А совсем рядом с рекой по сухой дуплистой ветле барабанил дятел. И этот стук гулко и далеко разносился вокруг. Где-то в глубине рощи куковала кукушка.

За работой ребята и не заметили, когда роща неожиданно расступилась, и они оказались в заливных лугах. Плот шел по узкой протоке. Сюда даже ветер пробивался с трудом. Парус «Стрелы» обессилел, повис. И Федя с Ванюшкой вовсю работали длинными, тонкими, но прочными шестами с рогаткой на конце. Такой шест называют суховилкой.

По тихой воде плот шел легко, ровно, оставляя за собой еле приметный след. Заросли камышей постепенно редели. И вскоре перед ребятами открылся широкий речной простор. Парус «Стрелы» наполнился ветром. Вода за кормой забурлила.

«Стрела» набирала скорость. Из-под кормы бежал по воде извилистый пузырчатый след. Солнце дробилось о водяную зыбь, ударяло множеством веселых зайчиков в борта, в красный парус. Плот шел ровно и мягко, словно птица на бестрепетных крыльях. И казалось: стога сена, высокие ветлы и мелкий ивняк сами плыли ребятам навстречу. Ехали молча, каждый думал о чем-то своем. Вдруг Наташка крикнула:

— Ребята, смотрите-ка! Голубые домики на зеленом ковре!

Мальчишки вытянули шеи и завертели головами из стороны в сторону.

— Где, какие домики?

— Да вон же. На пасеке, — махнула рукой Наташка в сторону липовой рощицы, около которой стояли пчелиные ульи.

Саша стал пристально всматриваться в сиреневую даль. И впрямь ровные ряды ульев казались голубыми домиками, нанизанными на невидимый шнурок. Интересно. Саша подумал: «И как это Наташка умеет такое подмечать? Вот глазастая!»

Между тем «Стрела» подошла к небольшому мысу — Сухой гриве, где в Дрему впадала Плутайка. Матросов поднял руку и крикнул:

— Суши весла!

Плот врезался в песок. Ленивая волна тихо пошлепывала в днище. Шагах в десяти от воды, между огромными осокорями, стоял большой шалаш. Построили его ребята еще весной, когда начали расчищать родник Светлячок. Мальчишки перенесли со «Стрелы» в шалаш лопаты, сумки с едой, ящик с плотничьим инструментом. И, отдохнув малость, пошли к родничку.

Вдруг Матросов остановился и рассмеялся: около тропинки, которая вела к роднику, на высоком пеньке стояла фигурка чертика из причудливой ольховой ветки. Длинные и кривые ноги и руки раскинулись в стороны, забавно изогнуто в танце туловище. А чуть наискосок от чертика с ольхового колышка, обхватив лапами тонкую ветку, на ребят с любопытством смотрел медвежонок. А рядом, на жердочке, важно задрав голову, стоял красавец петух...

Саша смотрел на забавные рогульки и загогульки и удивлялся, когда Наташка успела все это понаделать? Значит, она приходила сюда одна. Наташка по этой части мастерица. Сколько раз он ходил с ней в лес за ягодами или грибами. Но приносила она домой в корзине не ягоды и не грибы, а куски корней от пеньков, разные коряжки и рогульки. И всегда несла свою ношу очень бережно, словно самые дорогие лесные подарки.

А дома Наташка усаживалась на крыльцо, брала острый дедушкин ножик и принималась за обработку своих сокровищ

[illegible] ее столько то здесь отступить. То там [illegible]
[illegible] готов, словно ожила.
В минутной задумчивости Сашу вывела Наташка. Она [illegible]
[illegible] к нему и, тронув за плечо, тихо сказала:
— Саня, хватит любоваться. Работать надо. Скажи, где ступеньки делать?
Саша резко повернулся и скомандовал:
— Отставить!
Наташка высоко подняла брови и обиженно воткнула лопату в землю:
— Почему это отставить? Зачем же я сюда приехала? Нет уж, я ступеньки делать буду!
Матросов всплеснул руками и рассмеялся:
— Ну пошло-поехало. Зря ты, Наташа, шумишь. Ты же девушка, и работу мы тебе дадим полегче. Будешь красить грибок и зонтик. А лопату отдай Феде. Согласна?
Наташка пожала плечами. А Саша продолжал:
— А мы с Федей да Ванюшкой лесенку строить будем. Ну как, согласны?
— Ага, — ответил за всех Хасанов.
— Тогда все по местам, — сказал Матросов и, схватив лопату, быстро зашагал к роднику.
В полдень, когда была сделана последняя ступенька, Саша крикнул:
— Обедать!
Ребята присели под ольхой на крохотной полянке. Наташка расстелила на траве газету, выложила на нее из сумки немудрящую снедь: яйца, картошку, лук, хлеб. Саша принес из родника воды, и все принялись за еду. Наступила тишина. Только в разных местах ближней рощицы перекликались две кукушки. Голоса их то сливались, то расходились. И вдруг из тальниковой поросли раздался густой бас:
— Эко куда запрятались.
От неожиданности ребята быстро обернулись. Из кустов вышел дед Андрей в соломенной шляпе и белом полотняном костюме. Под большими серыми усами пряталась улыбка. Широкая борода топорщилась. Во рту торчала черная трубка. Под нависшими бровями поблескивали сощуренные глаза. Взгляд у деда приветливый и веселый. Андрей Лаврентьевич помолчал, добрым озорно поглядел на ребятишек и заговорил загадочно:
— Иду я мимо старниц да бочагов тихих, а по берегу там и сям одолень-трава растет. В старину люди верили, что одолень-трава может охранять от разных бед и напастей. Помню, как моя бабка приговаривала: «Одолень-трава! Одолей от

залых людей. «Лихо бы на нас не думали, скверного не помыслили». А ну-ка, пораскиньте умом-разумом, медовые-бедовые. Отвечайте, что это за трава такая? — дед Андрей обвел ребят своим пытливым взглядом и сказал:

— Покумекайте над моей загадкой, а я отдохну. — Дед поудобнее уселся на осокоревом пеньке и, улыбаясь, поглядывал на светлый ручей.

Старик, поглаживая усы, басил:

— Ишь как ручеек заливается. Доброе вы дело, медовые-бедовые, сотворили. Стало быть, не зачерствели сердца ваши, не припекла их сухость. Теперь Плутайка воспрянет духом. А то очень обмелела. А когда родник Светлячок в полной силе был, у Сухой гривы глубина во какая была!

Дед поднял руки над головой и похлопал в ладоши.

— С ручками. Лошадей купали. А сейчас и половины не осталось. Вот до чего, ребятушки, безрассудство да бесшабашность доводят. Вы думаете, почему обмелела Плутайка?

Мальчишки пожали плечами, а дед Андрей помрачнел, вспомнив что-то горестное, и объяснил:

— Тут, медовые-бедовые, вот какое дело: лесу в окрестностях Плутайки бездумно вырубили страх как много. А посадили чуть. Да и то еще надо в толк взять. Разве можно сравнить жиденькую посадку со спелым взрослым лесом. Ни в коем разе. А ведь лес влагу собирает и реке отдает. А что может дать подлесок, если у него самого еле-еле душа в теле.

Дед сдвинул косматые брови и заключил:

— Теперь хватились, когда с горы скатились. Рубить в пойме поменьше стали. Да и то сказать: нужда научит, как шить и мыть, как обед варить. С водой-то худо стало. Ну люди и задумались. Надо что-то делать. А вы молодцы. Какой родник людям возвратили.

Старик умолк. Набил трубку, долго разжигал. Наконец пустив синее колечко дыма, откашлялся и продолжал:

— Так-то, медовые-бедовые. Намотайте себе на ус. Вам здесь жить. Я в ваши годы по малолетству да глупому своему разумению думал, что Дрема и Плутайка всегда будут и полноводными и рыбными. А оно вон как обернулось. На выходе из каждого яра — перекат. Глубоких мест мало осталось. А в межень Плутайку почти в любом месте безбоязненно каждый карапуз вброд пройдет.

Дед махнул рукой и задумался. Ребята закончили обед и дед осведомился:

— Подзаправились, стало быть, — теперь самый раз и загадку вспомнить про одолень-траву. Ну, кто отгадал?

...ками стали выкрикивать ответы. Спорили с ...т повторяли:

— Дрема. Осечка. Не сеет. Не растет...

Дед неторопливо набил пепел на трубке и, затянув ее за ...сания, сказал:

— Ну вот что, меловые-бедовые. Попробуем-ка вместе отга... загадку.

Ребята вместе с дедом спустились с холма. Извилистая тро... вела их к Дреме. Когда-то давным-давно здесь была ...ая мельница. Плотина разрушилась и заросла тальни...

Подойдя к малюсенькой заводинке, дед Андрей познал ребят:

— Взгляните-ка сюда. Вот на этот цветок с белыми лепест... Угадали, что это такое?

— Кувшинка, — выпалил Саша Матросов.

— Верно, — улыбнулся дед Андрей. — А в старину ее назы... одолень-травой.

— А мы-то думали — это какая-то особенная трава, — разо... ванно протянул Федя Хасанов.

— Каждая травка, Федюшка, по-своему особенная, — поясн... дед. — И если ты любишь растения, то должен знать, как их зовут, на что они годятся, полезные они или вредные.

— Да разве их всех узнаешь? — спросил Ванюшка Синягин.

— А ты попробуй, — улыбаясь, сказал старик. — Это очень интересно. Ведь растения помогают нам, кормят нас, лечат. Так как же можно не любить и не знать их имен?

Старик нагнулся, сорвал темно-красный цветок и задумался. А Матросов тут же вспомнил, что у Андрея Лаврентьевича есть большая тетрадь, в которой записаны, наверное, все растения. А многие нитками прикреплены к бумаге прямо с корнями, цветами и листьями. Иные даже с плодами. И назвал он эту книгу «Травницей». И хранит ее пуще глаза...

— А как зовут эту травку? — спросил дед, когда ребята собрались около него.

— Бабушка называет кровавницей, — ответила Наташка.

— А я слыхал, ее зовут твердяком, — робко заметил Ванюшка Синягин.

— Молодцы! — похвалил дед Андрей. — У этой травки много имен. Ученые же называют ее дербенником иволистым. А в народе прозвали плакун-травой. Растет она по сырым местам, берегам рек и прудов. Цветет с июня до сентября. Скот плакун-траву не ест. Для лекарств она не годится. А знахари-травники в старину приготовляли из нее порошки и настойки от болей в желудке и даже от тоски и скуки.

Ребята дружно засмеялись.

Тропинка нырнула под ветви могучих ветел. Сразу повеяло прохладой. Вскоре из зеленого сумрака тропинка выбежала на луговину, где цвел клевер и кипрей.

— А вон и пасека,— сказал старик.— Пойдемте ко мне в гости.

На широкой поляне среди черемух и лип виднелась тесовая крыша.

— Заметили, медовые-бедовые,— спросил дед Андрей,— как много красного клевера растет около пасеки? А знаете почему?

— Чтобы пчелы много меда могли собрать,— ответила Наташка.

— Не совсем так, внучка,— возразил дед Андрей,— около Дремы места благодатные. Вот колхоз и стал сеять здесь красный клевер на семенники. Опыленный красный клевер повышает урожайность семян почти вдвое. Это приносит доход колхозу от продажи семян клевера. И выходит, что пчела не только медом полезна. Великая она труженица. Ведомо ли вам, что пчела на третий день своей жизни за работу берется: кормит молодой расплод, строит соты, чистит ульи. Только вот какая досада: коротка у пчелы летом жизнь — всего один месяц. Работает, как говорится, на износ, крылышки не выдерживают, изнашиваются. И мужеству пчелы можно позавидовать. Сама погибает, но недруга в свой родной дом не пропустит...

За разговором ребята и не заметили, как очутились на пасеке. На зеленой поляне стояли белые, синие, желтые, зеленые домики. Вокруг слышалось жужжание пчел.

— А сколько здесь пчел? Наверное, миллион,— полюбопытствовал Федя Хасанов.

— Чуть побольше,— усмехнулся дед Андрей.— Запомните: пчел на килограммы меряют. Так вот, в одном килограмме — десять тысяч пчел. Средняя семья весит до пяти килограммов. А их здесь семьдесят две. Вот и считайте. А сейчас я вам покажу опытные ульи. Но прежде сетки наденьте. А то, не ровен час, и покусать вас пчелы могут.

Андрей Лаврентьевич зашел в избушку и вскоре вернулся оттуда с сетками и раздал их ребятам. Они надели сетки и пошли.

— Дедушка, ты сетку забыл надеть! — испуганно крикнула Наташка.— Покусают ведь!

— Не-е-е, я привычный. Меня пчелы знают.

И правда. Ни одна пчела не тронула деда. Зато в сетки ребят то и дело с гудением стукались пчелы, угрожающе кружились над головами. Вились они и над дедом, но не кусали.

Лаврентьевич провел ребят в дальний угол пасеки. Там под толстыми дуплистыми липами стояло пять желтых ульев.

— Вот это и есть опытные ульи, — сказал дед Андрей. — В них работают серые высокогорные матки. Я привез их с юга. Пчелы этой породы летают даже при небольшом дожде. А наши пчелы в дождь, в холод не работают. В ульях отсиживают-ся. Хорошей погоды ждут...

Вдруг дед Андрей умолк, прислушался. От крайнего улья послышалось возбужденное жужжание.

— Роиться пчелы задумали, — заволновался дед. — Вот не-кстати. Ну, не зевай, Саня. Беги за дымарем. Воды и веник прихватить не забудь. Ты бы, Наташа, помогла ему.

Матросов с Наташкой бросились к избушке. Минуты через три вернулись. Дед вооружился дымарем и подошел к улью, в котором тревожно гудели пчелы. Шум затих, и пчелы густо повалили через щель летка. Федя и Ванюшка от испуга шарахнулись прочь. А Саша обмакнул в воде веник и начал брызгать на пчел. Напуганный рой с шумом стал сбиваться в кучу, а затем спустился на куст смородины. Пчелы собрались в плотный клубок. Ребятишки с тревогой ждали, как дед Андрей справится с этой сердитой жужжащей массой.

— Саня, ведро давай! — крикнул старик.

Матросов подскочил с ведром. Пчеловод обмакнул веник в воду и замахал на гудящий рой. Постепенно пчелы уселись на куст смородины. Андрей Лаврентьевич спокойно поднес к клубку роевню (небольшой ящик с рамкой посередине), стряхнув в нее пчел, подымил немного дымарем, и пчелы, будто ручные, сами полетели в роевню. После этого к ребятам вся храбрость вернулась.

Они осмелели и подошли к деду Андрею. Пчеловод накрыл роевню сверху холстиной и передал Матросову.

— Неси к омшанику. Там стоят пустые ульи.

А сам подобрал дымарь, ведро с веником и весело сказал:

— Ну, бедовые-медовые, пойдемте новую семью в квартиру вселять.

Ребята двинулись за пчеловодом. Федя спросил:

— Отчего же рой улететь собирался?

— Тесно стало, — хмыкнул дед Андрей. — Матка новая вывелась. Старая не любит, чтоб две хозяйки в улье жили. Вот рабочие пчелы и начинают роиться. А попросту — делиться. Одни к молодой матке тянутся, другие к старой. Чаще всего старуха покидает улей: молодой матке свое обжитое гнездо оставляет.

Ко ребятишки подошли к омшанику, Саша уже разобрал улей, снял крышку, убрал магазин, а внутрь улья вставил рамки с натянутым на них восковым полотном. На них пчелы соты строят. Пойманных пчел дед Андрей высыпал в улей, поставил крышку на место и, погладив бороду, сказал:

— Готово. Спасибо вам, медовые-бедовые, за помощь. Рой не упустили. Теперь наша пасека на одну пчелиную семью богаче стала. Ну, пошли в хату. Заходите, а я отлучусь на минутку.

В избе было прохладно, пахло медом и свежим хлебом. На стенах висели пучки засушенных трав. Мальчишки сбросили с себя сетки и сели за стол.

Вскоре пришел дед Андрей. Он поставил на стол большое деревянное блюдо, наполненное золотистым медом. Затем из шкафчика достал ложки и краюху мягкого пшеничного хлеба. Положив все это на стол, дед с досадой сказал:

— А про главное-то и забыл. Без чего вам мед будет не в мед.

— И правда,— догадался Матросов. Он выскочил из-за стола, выбежал в сенцы и принес ведро родниковой воды.

— Мед мой, а вода ваша. Из Светлячка,— подмигнул дед Андрей.— Угощайтесь, медовые-бедовые!

После обеда ребята направились к Плутайке. Пробравшись сквозь кустарник, очутились около старой мельницы, где Плутайка впадала в Дрему. Невдалеке, у бывшей мельничной запруды, под обрывом чернел омут Вертун. А на крутояре стояла одинокая согнутая старуха-ветла с жидкой листвой. Саша разделся около нее и начал карабкаться на вершину ветлы, которая наклонилась прямо над Вертуном. Добравшись до вершины ветлы, он выпрямился и крикнул:

— Кто со мной прыгать хочет! Давай сюда!

Ребята молчали. Тогда Саша уселся на вершине ветлы и, болтая ногами, стал смотреть на черный омут. В его зеркале подрагивали ветви ветлы. Они казались то темно-зелеными, то голубыми.

Когда до омута доходили волны от купающейся вдалеке Наташки, ветки ломались, и их отражение исчезало. Матросов снова поднялся и спросил:

— Нырнем?

Он подождал немного, чтобы убедиться, не отзовется ли кто из друзей, потом крикнул:

— Эх, слабаки!

Саша раскачался на гибкой вершине и стремительно кинулся вниз. Он в одно мгновение исчез под водой. Но вот мягкая

ледяная вода вытолкнула его наружу, и Саша услыхал восхищенный Федин голос:

— Ух, как красиво прыгнул!

И в это мгновение Матросов почувствовал, вода быстро закружила его и потянула в глубину Вертуна. Саша с силой рванулся в сторону. Но не тут-то было! Невидимая злая сила потащила его вниз. У Саши от страха перехватило дух! «Тону» — промелькнуло в сознании. Матросов чувствовал: его затягивает все глубже и глубже.

Но вдруг ноги уперлись во что-то твердое, и он оттолкнулся. Тело стремительно пошло вверх. К Саше плыла Наташка и командовала:

— Брось дурить! Не лезь в Вертун. Плыви на стрежень!

Саша выбрался на отмель. Сердце у него билось часто-часто. Какое-то время Матросов стоял растерянный и смущенный.

— Устал? — участливо спросила Наташка.

Он молча кивнул головой. Наташка улыбнулась и восхищенно сказала:

— Надо же! Прямо в Вертун прыгнул. Ну и лихач!

От такой похвалы Матросов еще больше засмущался. Вот ведь как все обернулось: он чудом из Вертуна выбрался, а Наташка его храбрецом считает. Саша боязливо посмотрел на омут. Вода там бурлила, свивалась воронками, била в глинистый берег и, отхлынув от него, кружилась в водовороте. В самом центре омута белели клочки пены. Саше снова показалось, что он в лапах Вертуна, в давящей холодной мгле. Он зябко передернул плечами и вылез на берег. Наташка подошла к нему и откровенно призналась:

— А я думала, что ты утонул, когда тебя в кружало затянуло. Ой и напугалась я. Чуть не заревела...

Матросову было приятно, что Наташка переживала за него. А она тихо спросила:

— Скажи, а там, в омуте, страшно?

— Нырни и узнаешь. Ты же храбрая,— усмехнулся он.

— Хвастун и зазнайка! — возмутилась Наташка.— Подумаешь, в омут прыгнул! Тимка Пряхин сколько раз в него прыгал, а не зазнается.

— То-то и оно, что Тимка, а не ты,— подзадоривал Саша.

— Ты вот что,— вспыхнула Наташка.— Очень-то не задирай нос, а то сброшу в омут!

— Нашла чем пугать. Да я еще раз пять могу прыгнуть в Вертун,— бросил Саша, но на всякий случай отступил назад.

— А чего же ты пятишься от омута? — улыбнулась Наташка.

Матросов не нашелся, что ответить. А Наташка покачала головой и сказала:

— Эх-хе. Горе луковое. Запомни: в омуте я купалась. Ты, может, от страха не заметил, а я хорошо знаю, что вода там слоеная, один слой теплый, другой холодный, потом снова теплый, снова холодный. От этого ноги судорогой сводит. Так, что ли?

— Ага,— подтвердил Матросов и лег на траву.

В это время, споря друг с другом, к ним подошли Федя с Ванюшкой.

— А ну-ка, прыгни. Прыгни, Ванюшка,— горячился Хасанов.— Слабо...

— А вот и прыгну! — направляясь к ветле, твердо сказал Синягин.

— Не дури,— спокойно остановила Ванюшку Наташка.— Об воду треснешься — и поминай как звали...

— Пусть прыгнет,— горячился Федька.

Ванюшка махнул рукой и молча, с опаской, стал медленно подниматься на вершину ветлы. Хотя он и не оборачивался, но все равно чувствовал удивленный взгляд Наташки. В эти минуты Ванюшке очень хотелось поскорее вскарабкаться на верхушку ветлы и доказать, что он не трус. С каждым рывком Ванюшка чувствовал, как тяжелеют руки. Обильный пот катился градом по лицу, по груди, по плечам. И когда ему вдруг показалось, что больше не в силах двинуться с места, совсем близко оказался желанный конец ветлы. Ванюшка поудобнее уселся на согнувшейся вершине, расслабил мышцы и вдруг почувствовал невероятную усталость. Было удивительно тихо, жарко, душно. Все затаилось, словно ждало Ванюшкиного прыжка. И вот он встал, набрал воздуху, вытянул руки вперед и оттолкнулся от вершины ветлы. Прыгнул он гораздо правее Вертуна. Ванюшка легко рассек воду и, вынырнув на середине Плутайки, саженками поплыл к берегу.

Сердце у него стучало, в носу першило, но он чувствовал себя так, как, наверное, чувствуют себя самые отважные люди, совершившие подвиг.

Ванюшка выплыл на отмель как ошпаренный. Он старался быстрее выйти из воды. И у самого берега словно ножом полоснуло его по пятке. Ванюшка вскрикнул, присел с полуоткрытым ртом. Затем прыгнул раза два на левой ноге, сел в осоку и сжал правую ногу у щиколотки, боясь взглянуть на подошву. Боль в ноге усилилась. Ванюшка повалился на спину и заплакал. Матросов первый подбежал к нему, взглянул на подошву. Из пятки, рассеченной, видимо, осколком стекла, густо шла кровь. Саша снял с себя полотняную майку, разорвал ее по шву на две по-

...ла Наташка и спросила:
— А подорожник наложили на рану?
— Нет,— ответил Матросов.
— Ну и зря. Так не пойдет,— возразила Наташка.— Обож-
...я сейчас...
Она быстро поднялась на откос и вскоре вернулась с пучком ...тьев подорожника. Ногу перебинтовали. Но наступать Ва-...шка на нее не мог. Тогда Матросов взял его на закорки и ...нес к плоту. А с запада уже надвигалась гроза.
Быстро все уселись на «Стреле», Саша взял шест и сильно ...толкнулся от ветлы. «Стрела» влетела в самую узкую горло-...ину реки. Ребятам показалось: они очутились в бурлящем кот-...ле. Вокруг все металось, пенилось. Плот взвивался на дыбы, ...як взбешенный конь.
И вдруг что-то треснуло, засвистело. Потом удар, точно плот ...скочил на камень. Волны пенились и хлестали через «Стре-...лу».
Неожиданно порывом ветра снесло мачту. Парус наполови-...ну повис в воде.
Плот выбросило на отмель.
Наташка с Федей спрыгнули в воду. Саша хлопотал около Ванюшки. Снова взвалил его на спину и отнес к бане, что при-...ткнулась среди бузины.
Поправляя свисающие на глаза кудряшки, Наташка схва-...тила парус и потащила к берегу. Федя усердно помогал ей. Они выволокли парус на пологий, заросший осокой берег.
Гроза уходила в сторону Волги. Дождь затихал.
— И как это я не рассчитал, — в раздумье проговорил Мат-...росов.
— А по-моему, расчет был очень точный,— съязвила Наташ-...ка.— Прокатиться с ветерком и уничтожить плот. Цель достиг-...нута. С чем и поздравляю тебя, капитан.
— Да брось ты! — отмахнулся Саша.
— Никаких «брось», — не унималась Наташка.— Это игра в утопленников.
— Да не шуми ты,— морщился Саша.— Мачту надо делать теперь прочнее. В расчете на сырой парус. А я это не учел...
— А ну тебя! — махнула рукой Наташка и, отвернувшись, стала глядеть, как догорал закат, как блекла, выцветала вода. Там, где опускалось солнце, сиял отсвет оранжевого какого-то тревожного пламени.
А река тихо шумела на перекате. Где-то печально плакали бо-...язливые чибисы. В ложбине монотонно заскрипел коростель.

На следующее утро, только первые лучи солнца рассеяли легкий туман, Матросов вышел во двор веселый и легкий, как будто и не возился вчера вечером с потерянным крушение плотом, не таскал на спине Ванюшку. Первым делом Саша кинулся на конный двор. На улице было солнечно и тихо.

Саша подошел к конному двору. На завалинке около низенькой избенки-сторожки сидел и курил хромой и седой конюх Ефим Савельич. Заметив подошедшего к сторожке паренька, тщедушный, шустрый старик в неподпоясанной сатиновой рубахе обрадовался и весело затараторил:

— А-а-а, заходь, помощничек. Истерпеж в тебе, Сашуня, ворошится. Это хорошо, что ты такой надоедный. До работы охоч. Завидная эта золотинка души твоей... Куда тебе коня-то?

— Воды на кухню из родника привезти. К Студеному ключу поеду.

Ефим молча встал и, прихрамывая, пошел в глубь конюшни. Не спеша открыл денник, зашел туда, легонько похлопал по широкой спине Ласточку, обротал ее, вывел во двор, отдал повод.

— Ну вот, Саня, принимай помощницу.— Он дружелюбно хлопнул Ласточку по гривастой шее. Ласточка вскинула головку. А Саша шагнул к лошади, вынул из кармана кусок хлеба. Ласточка осторожно ткнулась мягкими губами в ладонь, взяла хлеб, мотнула головой, звякнув железными удилами.

— Быть тебе, Саня, в конюхах, в моих заместителях,— поглаживая бороду, сказал конюх.— Умеешь обходиться с конями по-доброму. Берешь лаской.

Саша подвел Ласточку к дрогам, на которых лежала длинная бочка, и начал заводить лошадь в оглобли. Дед Ефим с любопытством смотрел на Сашу, как бы ощупывая его крепкую невысокую фигуру. Дед Ефим радовался тому, как ловко Саша запрягал лошадь. Словно отвечая на ласку, Ласточка сама продевала голову в хомут, а потом, поджав уши, вскидывала голову — и хомут оказывался на груди.

Саша положил на спину Ласточки седелку, продел через седельник, затянул подпругу, закрепил дугу и быстро стянул клешни хомута супонью. Ласточка стояла смирно, терпеливо ждала и доверчиво косила на Сашу добрым глазом. Наконец Саша взял в руки вожжи, забрался на бочку. Ефим Савельич распахнул ворота и сказал:

— Привезешь воду и на конюшню. Долго-то не задерживайся.

Матросов встал между пустой бочкой и передком дрог, гром-

...чмокнул губами, и Ласточка взмахнула косматой гривой, осторожно качнулась и легко затрусила на окраину детдомовского городка. Взмахивая локтями, словно крыльями, Матросов свободно держался за вожжи, а Ласточка, высоко подняв голову, прибавляла резвости, переходя на рысь, понесла дроги к роднику. Матросов весело запел:

Удивительный вопрос:
Почему я водовоз?
Потому, что без воды —
И ни туды, и ни сюды!

Саша вспомнил: в прошлом году он вот на это поле доставлял колхозникам родниковую воду на своем самокате. Дело было в разгар жатвы. Погода стояла гнилая. Донимали дожди. Редко выдавался ясный денек, когда земля немного просыхала. Хлеба кое-где полегли. Косить их можно было только вручную. Установилось кратковременное вёдро. И правление колхоза организовало воскресник по уборке хлеба. На косовицу пригласили и работников детдома. Тогда на поле, что находилось вблизи родника, пришло человек семьдесят. Тот день запомнился всем как праздник, хотя гулянья никакого не было. С утра до позднего вечера почти без перекуров работали, но это была азартная, веселая работа.

В ней участвовали директор детдома Макаренко, воспитатель Резин, пчеловод Сироткин, кузнец Ковалев, старший пионервожатый Федорченко, многие учителя и старшие воспитанники.

Накануне воскресника Матросов вместе с кузнецом дядей Ваней смастерили самоход-бочку. Для этого они приспособили дубовый бочонок ведра на два воды. В днище бочонка были вделаны крестовины с отверстием в центре. В эти отверстия с той и с другой стороны бочонка вставлялась ось, которая прикреплялась к длинной ручке держателя. Бочонок без особых усилий катился по земле. Сколько в тот день Саша Матросов с Федей Хасановым на своем самокате-бочке перевозили для косарей родниковой воды!

Вот и сейчас, проезжая тем же полем, Саша, вдыхая аромат разнотравья и росяной свежести, влюбленными глазами смотрел на желтеющую рожь, и ему в одно мгновение припомнилось все: и то, как косили детдомовские косари, и то, как он обкашивал на сенокосилке пшеничное поле по межнику.

Особенно ярко рисовалась в воображении картина, как в жаркий полдень он подвозил свой самокат-бочку к косарям и поил их холодной родниковой водой. И любо, лестно было слушать, как косари наперебой хвалили за ключевую воду. И все было до того осязаемо, ощутимо, что Саша чувствовал, как, пот-

ные и жаркие, пропахшие потом косари жадно утоляли жажду. А директор детдома Петр Иосифович, мокрый от пота, тяжело дыша, шумно хвалил Сашу за изобретение бочки-самоката. И, напившись, просил:

— А ну-ка, Саня, плесни мне на спину кружечку.

Матросов наполнял водой большую жестяную кружку и медленно сливал ее на лоснящуюся от пота могучую спину Петра Иосифовича. А тот крякал от удовольствия, шумно фыркая. Затем он брал косу и начинал новый прокос. Литовка с визгом въедалась в жесткие стебли ржи. Директор махал косой ловко и шустро, но не споро. За ним шел дед Андрей.

— Эй, Иосифович,— напирал он,— дай впереди пойду, а то пятки подрежу!

— Ничего, потягаемся, Лаврентьевич! — весело отвечал директор.— Не могу от хвоста быть первым! У меня еще плечи не расходились...

— И то верно,— подтвердил пчеловод.— Вон какой рядок ведешь. Вовек не видывал. Наверно, аршин пять будет. Аж завидно! Как на праздник вышел.

— Да праздник сегодня и есть, — охотно отвечал Петр Иосифович.— Хлебушек спасаем всем миром. А такая работа разве может в тягость быть?

Директор всем видом выказывал радость: разудалой беззаботностью, азартом увлекал остальных косарей — давай, мол, друзья-товарищи, выкладывайтесь сполна да языки мозольте поменьше.

— Тягаться так тягаться,— весело отозвался Андрей Лаврентьевич. И смугловатое лицо расплылось в широчайшей улыбке. Он весь подобрался и, приседая, пошел и пошел отмерять сажени. Спина деда Андрея выгибалась дугой. Матросов, волнуясь, заметил, как темными кругами мокла рубаха на спине старика. Он снова приблизился к Петру Иосифовичу. Но тот, взмахнув косою, ушел вперед. Вскоре дед Андрей опять догнал директора. Некоторое время они шли вилотную. Затем пчеловод так подпажал, что ему пришлось крикнуть:

— Пятки! Пятки убирай!

Директор рванулся вперед, но дед Андрей опять закричал:

— Пятки, пятки, говорю, убирай!

И тут случилось невероятное: могучий в плечах Петр Иосифович посторонился и пропустил юркого, тщедушного деда Андрея вперед. Потом подошел к Сашиному самокату, напился, смочил голову водой и кинулся догонять Андрея Лаврентьевича.

— Стопчу! — прохрипел он за спиной пчеловода, с каждой минутой приближаясь к нему.

Деда Андрея словно хлестнули кнутом. Он чаще стал взмахивать косой, отводя назад все свое небольшое тело, потом, приседая, как бы падал вперед. Он выбивался из последних сил. А Петр Иосифович настигал его. И вот пчеловод сошел с прокоса, уступив место директору. Матросов подкатил свой бочонок следу Андрею. Он, вытирая лицо рукавом рубашки, дышал, как запаленная лошадь. От него несло жаром.

— Ух, уморил, окаянный. Ну и силища. Замотал-таки меня. Смотри-ка, как чешет.

Дед напился воды и начал точить косу...

Вот эти картины, набегая одна на другую, промелькнули перед мысленным взором. Глаза его щурились от яркого света. Саша поднялся с бочки, покрутил над головой концами вожжей, и Ласточка, рослая, красивая, горячая, понеслась по проселочной дороге.

В ручьевине, около трех рябинок, Саша остановил Ласточку.

— Тпру, милая...

Теплые Ласточкины губы ткнулись в Сашину ладонь. Он погладил ее шелковистую шею, а Ласточка поматывала головой. Саша ослабил чересседельник, и лошадь захрумкала сочной травой. А он, гремя ведром, начал наливать воду в бочку.

Наконец-то бочка наполнена. Саша поправил упряжку, взял вожжи и тронулся в путь. Он шагал рядом с Ласточкой. Бочку мелко трясло. Начался незаметный подъем в гору, и дроги с бочкой поползли еще медленней. Вода глухо плескалась в бочке. Но вскоре позади осталась пологая горушка, дорога круто повернула к деревянному мосточку с разбитым, измочаленным настилом и покосившимися перилами. Саша на ходу забрался на дроги и осмотрелся вокруг. Небо стало совсем голубым, бездонным. Саша слушал, как, радуясь сияющему утру, в поле щебетали птицы. Ласточка, прядая ушами, шла крупным шагом, нарушая полевую тишину дробным стуком копыт.

Красное солнышко лучилось над детдомовским парком, когда Матросов, подъехав к кухне, распряг Ласточку, отвел ее на конюшню и вернулся к бочке с водой. Около нее уже суетилась повариха тетя Рая, гремя пустыми ведрами. Ее белое платье трепетало на легком ветерке.

— Тетя Рая, я сам принесу воды. Идите на кухню,— твердо сказал Саша и взял из рук поварихи ведро. Она белозубо улыбнулась и обрадованно сказала:

— Спасибо, помощничек ты мой славный!

На Сашу повеяло чем-то родным, материнским. Он считал, что тетя Рая чем-то похожа на его мать, которой он лишился, когда ему шел седьмой год. Матросов привязался к поварихе, хо-

дил за ней по пятам, таскал для плиты сухие дрова, носил воду. Ему нравилось смотреть, как тетя Рая быстро чистит картошку и бросает в котел. Легкая и гибкая, решительная в движениях, она проворно бегала от плиты к столу и все нахваливала Сашу за расторопность да смекалку.

— Молодец ты у меня, право, молодец!

Саша млел от счастья, что заслужил похвалу от человека, которого глубоко уважал. В такие минуты глаза его искрились смятенно-тихим счастьем, а в душе теплело. Сложные чувства овладевали им, светлая грусть пробегала в душу. А с каким задором, с какой удалью брался он за дело после такой похвалы! Если рубил сухие дрова для растопки, то вкладывал в каждый удар всю свою силу. Ахал, высоко взмахивал топором, вонзая его в податливый ствол сосны или березы. А тетя Рая стоит в сторонке, смотрит на Сашу, гордится его силой, ловкостью. А тот насвистывает что-нибудь веселое, веселое.

Вот и сегодня, когда Саша наносил до отказа большой цинковый бак ключевой водой и собирался было бежать в медпункт проведать Ванюшку, тетя Рая, улыбаясь, подошла к Матросову, и тотчас на ее ладони появились две карамельки в нарядных обертках.

— Бери, бери, стриж мой неугомонный. Это тебе,— сказала она ласково мягким, грудным голосом.— Уморился, поди. Ступай-ка, Саша, погуляй.

Матросов смутился, покраснел, робко взял карамельки и, сказав спасибо, выскочил из кухни. Не заметил, как полошел к липовой аллее, ноги словно сами донесли. Саша скользнул взглядом по развесистым кронам вековых лип и чему-то беспричинно улыбнулся. Разросшиеся кроны смыкались вверху над дорогой, застилая солнечный свет. Зато внизу было прохладно.

Саша Матросов круто свернул влево к медицинскому пункту, крыша которого возвышалась над молодым липняком. В лицо пахнуло приторно-сладким запахом шиповника. Палисадник после дождя помолодел, обновился. Деревья и кустарники вымыты до блеска. Трава, еще недавно поникшая от жары и сушп, выпрямилась.

Саша прислушался. В медпункте было тихо. Он подошел к открытому окну, пахнуло больничным запахом. Саша поморщился и, встав на завалинку, заглянул в палату. В узкой белой комнате стояло три койки. Две были пустыми, а на третьей, заложив под голову руки, лежал Ванюшка. На большой подушке его худое, остроносое лицо казалось совсем маленьким. Он смотрел в потолок большими широко раскрытыми зеленоватыми глазами. Спиягин искренне страдал от вынужденного безделья.

...н болезненно поморщился, рывком сел на кровати, стал по-...лять повязку на ноге. Матросов, перегнувшись через под-...ник, тихонько позвал:

— Ку-ку, Ванюха!

Ванюшка оглянулся и засиял от радости. Саша тоже бла-...жно снял, словно пришел он сюда не больного навестить, а ...звать на рыбалку или по ягоды.

— Как ты тут? Болит нога-то?

— Зудит. Аким Фомич говорит, что потерпеть придется. Мо-...жет, через недельку биты снимут.

— Вона-а-а,— удивленно сказал Матросов.— Долгонько. За ...то время в этой клетке закиснуть можно.

— Выпишут-то отсюда раньше,— поспешил утешить Матро-...сова Ванюшка.

— Тогда другое дело,— обрадовался Саша.— На рыбалку вместе ходить будем.

— Куда мне с такой ногой-то, — безнадежно махнул рукой Ванюшка.— Считай — лето прошло, пропало. А как хочется в ...чистое поле или на речку махнуть...

Он завидовал своим товарищам: вольная им воля. Лес, реч-...ка — все для них. Захотели — на рыбалку или на плоту под ...парусом катайся, а то и в ночное ускакать. Хорошо! А каково в ...это время на больничной койке валяться? И, словно угадав его ...мысли, Саша с ласковой хитрецой улыбнулся и быстро сказал:

— Не печалься, Ванюха! Придумаем что-нибудь. Вместе ...лескарей ловить будем. Хочешь карамельки? Держи.— Саша ...бросил ему на постель конфетку. А другую развернул и отпра-...вил себе в рот.

— Одну тебе, одну мне. Повариха тетя Рая угостила. Воды ...я на кухню привез...

ХОТЕЛ КАК ЛУЧШЕ

Это случилось на четвертый день после того, как ребята смастерили «тачанку-ростовчанку». В то утро по узкой проселочной дороге, заросшей мягкой травой, от детдомовского парка к речке неслась «тройка». Коренником в упряжке был Саша Матросов, пристяжными — Наташа и Федя. А в тележке с забинтованной ногой сидел Синягин.

В конце парка дорога пошла под уклон. «Тройка», шлепая босыми ногами по теплой траве, понеслась так, что тележка затрещала колесами, стала сильно подпрыгивать на ухабах. Ванюшка схватился руками за борта тележки и умоляюще просил:

— Потише! Осторожнее!

Но «тройка» вошла в азарт и неслась во весь дух к речке. Больше всех старался коренник. Склонив голову к правому плечу, он летел словно на крыльях, покрикивая:

— А ну, с ветерком! Гей, пошли шибче!

И еще быстрее замелькали придорожные будылья лопухов, шумно захлестали по ногам метелки лебеды и полыни. Матросов был на седьмом небе от счастья, что Ванюша теперь вместе с друзьями ехал на рыбалку, а не валялся на больничной койке, не зная, куда себя деть от скуки. Матросов судил по себе, какое это непростое дело быть отлученным от друзей и улицы. Ему от души было жаль Ванюшку, который до сих пор сидел в медпункте один-одинешенек и мучился. Теперь этому добровольному «аресту» пришел конец! «Тачанка-ростовчанка» мчала его на луговой простор, к голубым заречным далям...

Тележка выскочила к Гусиному мыску, установленному копешками свежего сена. Дорога здесь была ровная, накатная. Саша озорно запрокинул голову и лихо крикнул:

— А ну, прибавь!

И легкое поскрипывание тележки, и дробный перестук колес, и задорное Сашино гиканье словно подхлестывали «тройку». Она с грохотом промчалась мимо горбатой ветлы. С нее, будто по сигналу, дружно и шумно сорвалась стая воробьев, закружилась над ближайшим стогом сена. Но вот дорога круто повернула к ольховой рощице, что упиралась в правый берег Дремы. Вскоре «тройка» влетела в лесную прохладу и остановилась.

— Переку-ур! — объявил Матросов.

— Кому перекур, а кому передых,— отозвался Хасанов и повалился на траву, вспугнув бесчисленное множество кузнечиков.

Матросов озабоченно поскреб в затылке:

— Эх, липового цвета забыл нарвать для чая. Ну да ладно — ракитовый чай заварим. Давайте снасти налаживать.

Он взял из тележки удочки и банку с червями, помог Ванюшке слезть с «тачанки-ростовчанки». Наташа под неохватным осокорем хлопотала около корзины с немудрой снедью.

Вскинув удилище на плечо, Саша пошел на свое заветное местечко у реки, где она выгибается крутой излучиной. Берег здесь отлогий. В этом месте уютные заводинки для рыбной ловли. За песчаной косой — густые заросли черемухи и тальника. Почти от самой воды начинается Зеленый луг.

Ребята шли по выбитой тропе. Федя держал Ванюшкину удочку и его придерживал под руку. Тот с трудом двигал боль-

...ой ногой, опираясь на кленовую палку. Мальчишки сняли ру-
...ки. Ванюшка решил идти без поддержки друга. Стараясь не
...ромать, он медленно двинулся вслед за Федей. Ванюшка шел
...сторожно, словно ощупывал ногами дно на быстрине, делая
...кой широкие взмахи. А вокруг во всю силу трещали кузнечи-
...ки. И от этого, наверное, Ванюшке показалось, что солнце па-
...ило еще горячее.

Перед самым берегом реки слева и справа тропинки тесни-
...лись, смыкаясь вверху, заросли тальника, черемухи, ольхи. Сю-
...да не пробивался ни один луч солнца. Выбравшись из густых за-
...рослей, Федя с Ванюшкой оказались на берегу Дремы. Под
...развесистой ветлой, нависшей над речкой, сидел Матросов. Фе-
...дя, разматывая леску, спросил у Саши:

— Ну, как клюет?

Матросов, не оборачиваясь и не отрывая взгляда от поплав-
...ка, махнул рукой:

— Неважно.

Федя, насадив червя на крючок, передвинул поплавок на
...метр от грузила и забросил леску в маленький омуток. И почти
...тут же поплавок дрогнул и пошел под нависшие над водой ку-
...сты ивняка.

— Да подсекай же! Ну! — настойчиво и горячо шептал Ва-
...нюшка.

Федя дернул удилище, и небольшая красноперка, сверкнув в воздухе, упала на траву.

Синягин подобрал рыбку, а Федя, быстро поправив червяка, забросил леску в ту же заводинку. На этот раз рыба взяла наживку с лета, поплавок скрылся под водой. Федя подсек и выбросил на берег крупного головля. Освободив рыбу от крючка, Хасанов быстро сменил насадку и повел глазами в сторону Матросова. У Саши тоже начался клев. Заброс — пескарь, заброс — плотичка. Ему попадалась в основном мелкая рыбешка. Но все равно активный клев распалял Сашин азарт...

И в это время на узкой тропинке, петлявшей по берегу реки, появился Миша Саулин. Он лихо сдвинул на затылок кепку, дышал тяжело и порывисто. Пыхтел, точно кузнечный мех. Минуты две-три не мог отдышаться, стоял молча, хватая ртом воздух. А когда отдышался, заговорил часто, энергично жестикулируя руками:

— Эй, Волгарь, бросай все дело! В конторе ужас что творится! Завхоз шумит, что ты ему работать мешаешь. Пар пахать он собрался, а на плугах колес нет. Какой-то фискал наябедничал ему про твою тележку. Айда скорее в контору. Директор меня за тобой прислал.

Саша глубоко глотнул воздух и вприщурку посмотрел поплавок, который заплясал от сильной поклевки. Но подсекать ему уже не хотелось. В сердце закралась тревога: а что, если и на самом деле директор согласится с завхозом и посчитает, что Саша с умыслом снял с плугов колеса? Тогда не избежать нахлобучки. Матросову сделалось не по себе. «Я же не думал, что колеса понадобятся так скоро,— размышлял Матросов.— Поджила бы у Ванюшки нога, и я бы снова отнес их в машинный сарай. Хотел как лучше...» Саше было горько оттого, что его подозревают в дурном намерении...

Из глубокого и горестного раздумья его вывели Федины слова:

— Подумаешь, какая беда стряслась! И ходить туда нечего. Отвезем колеса — и баста.

— Нельзя, Федя. Не уговаривай, — сказал Матросов решительно, сопровождая каждую фразу порывистой жестикуляцией.— Держи-ка удочку и кукан с рыбой. Займись ухой. Как вернусь — все расскажу.— И Матросов выскочил на тропу.

Босиком, без кепки, в неподпоясанной рубашке, он зашлепал голыми пятками по песчаной тропинке.

На краю заливного луга, где начинался угор, Саша остановился перевести дух. Отсюда Матросову хорошо был виден противоположный берег Дремы. Там на широких мостках женщины полоскали белье, а немного поодаль несколько мальчишек удили рыбу.

У каждого мальчишки паверняка есть где-то место, самое заветное, самое любимое на свете. Для одного — это заводь или омуток на речке, для другого — родничок в полугоре с околицей. А для Матросова милее всего была небольшая поляница на берегу Дремы с уютной ромашковой поляной. Он так любил бывать на ней в пору цветения! И место для рыбалки там чудесное. Ему очень не хотелось сегодня уходить отсюда.

Саша несколько минут постоял около родничка в полугорье и двинулся в контору детдома. По обе стороны тропы из земли росла полынь. Ее горький запах перемешивался с пыльным, что клубился в носу.

Перевалило за полдень, когда Саша подошел к широкому крыльцу спрятавшегося в разросшихся кустах сирени и акации дома. Дом был небольшой, но крепкий. Крыша в отличие от других покрыта белой черепицей.

Матросов переждал, пока сердце малость угомонилось, затем вошел в прохладный коридор, а потом смело шагнул к двери директора детского дома.

Постучал. Тут же последовал ответ, и Саша открыл дверь

Петр Иосифович доставал из ящика письменного стола какую-то папку.

— Здравствуйте, Петр Иосифович!

— Здравствуй, здравствуй. С чем пожаловал, Саша? — приветливо сказал директор и посмотрел вопросительно и испытующе, сложив узловатые крепкие руки на столе.

Саша смущенно опустил голову, а сам незаметно посматривал на директора.

Потом глубоко вздохнул и, покачиваясь с пятки на носок, с трудом выдавил:

— Я это... Не знал, что пар надо пахать...

Петр Иосифович встал, подошел к застекленному шкафу и взял с полки листок из школьной тетради.

— Вот тут, — сказал Макаренко,— написано, что ты сорвал работу. Плуги оставил без колес. Как же это случилось?

Саша, заливаясь краской, опустил глаза. Сердце екнуло и заныло. В таких случаях, наверное, каждый бы чувствовал себя не ахти. Сашины щеки точно кто свинцом налил. Он прикидывал и так и этак: «Ну, разве это плохо, что я помог Ванюшке вместе с нами выезжать в луга и на речку. Не для баловства же я колеса-то взял.

А выходит — виноват. Обидно!»

— В молчанку, Саша, мне с тобой играть нет время,— прервал тягостное молчание Петр Иосифович.— Рассказывай.

— А чего тут рассказывать-то. Виноват. Я же не отказываюсь. Наказывайте.

— А ты не торопись с наказанием,— мягко сказал директор. — Я же не знаю, как это случилось. В докладной записке завхоза сказано лишь, что ты сорвал работу.

Петр Иосифович придвинул к столу плетеное кресло и усадил в него Сашу, а сам грузно опустился на высокий стул и произнес басом:

— Значит, прямо с рыбалки сюда. Ловится рыбешка-то?

— Так, мелочишка всякая: пескари, вьюны,— потупясь, ответил Саша.

— А зря ты о вьюнах-то свысока говоришь. Тебе известно, что в старину вьюна считали самым дешевым барометром?

Саша улыбнулся, пожал плечами и, все еще робея, благодарно взглянул на директора. А тот продолжал миролюбиво:

— Оказывается, Саша, вьюны дождь могут предсказывать. Именно эта самая немудрящая рыбешка, которая водится в нашей Дреме. Каким образом? А вот слушай. Вьюны перед лождем начинают кружить у поверхности воды и глотать воздух. Я сам это видел много раз. Понаблюдай и ты. Интересно...

Матросов слушал Петра Иосифовича с открытым ртом, и ему было хорошо уже оттого, что этот высокий, широкий в плечах, сильный и в то же время простой человек разговаривал с ним, пацаном, как равный с равным. И это успокаивало Сашу, вселяло в него уверенность, что Петр Иосифович рубить сплеча не будет. Не то что его заместитель Георгий Васильевич Старостин. Хорошо, что не с ним пришлось объясняться из-за этих колес.

Матросов потеплевшими глазами смотрел на Петра Иосифовича и проникался к нему еще большим уважением. Все ему в директоре нравилось: и широкоскулое, коричневое от загара лицо с приплюснутым носом, и небольшие зеленоватые, цепкие, спокойные глаза, и коротко остриженные темные волосы, и чисто выбритые крепкие щеки, даже синяя толстовка с отложным воротником, ладно сидевшая на Петре Иосифовиче. Он любил директора по-мальчишески восторженно.

Умолкнув, Петр Иосифович мельком взглянул на Сашу. Хмурое лицо воспитанника посветлело. Директор многозначительно кашлянул и сказал:

— Я, Саша, не настаиваю. Не хочешь рассказывать — не надо. Ведь странно улыбаться, когда на то охоты нет...

Матросов наклонил голову. От ласковых слов директора душили слезы, но он не плакал. Крепился. Преодолев волнение, Матросов срывающимся голосом с мельчайшими подробностями начал рассказывать о том, как он вместе с Федей Хасановым, внучкой Андрея Лаврентьевича смастерили «тачанку-ростовчанку».

Директор с пониманием смотрел на плотного, голубоглазого мальчишку со взъерошенными русыми волосами, крутым, упрямым лбом. И когда Саша сбивчиво заговорил о том, что завхоз обвиняет его в злонамеренном похищении колес, на глазах вернулись слезы.

Он размазывал их рукавом рубашки, стараясь негромко шмыгать носом. Саша крепился, но слезы все равно катились и катились.

Петр Иосифович сочувственно покачал головой, наклонился над Сашей и потрепал по волосам:

— Ну, а плакать-то зачем? Ты же волгарь!

— Да обидно же, — всхлипывая, сказал Саша. — Я хотел как лучше.

— Верю, — решительно сказал директор. — Что о товарищи позаботился — хорошо! Спасибо. Молодец! А вот перед завхозом извинись. Самовольно такое разве делается? Разве это порядок?

— Знаю, непорядок,— хмуро произнес Саша.— Да не удержался вот...

— Ну и зря,— внимательно посмотрев на Матросова, резонно заметил Петр Иосифович.— Вот и получается у тебя полный беспорядок. А завхоз здесь ни при чем. Понял?

— Ага. Дошло.

Петр Иосифович долго смотрел на Матросова, хмыкал, покачивал головой, потом задумчиво произнес:

— Вот так-то, Саша. Колеса нынче же отнеси на место. Для тележки и деревянные колеса можно сделать. Так, что ли?

— Да, — радостно сказал Матросов.

— Значит, решено,— миролюбиво продолжал Петр Иосифович.— Давай договоримся раз и навсегда — больше не самовольничать. Хорошо?

Матросов утвердительно кивнул головой. Судорожно сглатывая слезы, он быстро вышел в коридор, сбежал с крыльца и напрямик через огороды помчался к Ромашковой поляне. Добежав до зарослей ивняка на берегу Дремы, Саша остановился перевести дух. Рядом в сочной осоке звенел и сверкал ручеек. Солнце играло в его струях, лучи ломались, дробились, и над ним висела крохотная радуга.

РАДИ КОЛОСА ЛИТОГО

Стояла пора зрелого лета тридцать девятого года. Вся деревня просыпалась раньше петухов, спешила в поле. В то утро и Саша встал ни свет ни заря — так рано, что не помнил, спал в эту ночь перед жатвой или нет. Запыхавшись, он прибежал к кузнице, где уже стояла запряженная лошадь, а дядя Ваня весело постукивал своим ручником по звонкой наковальне. Из дыры в крыше кузницы вился голубой дымок. Саша стал на порог, и сразу же в нос ударил запах каленого железа и смолистых сосновых углей.

Кузнец бил по белой, брызжущейся оранжевыми искрами стальной заготовке. Он бил и вслушивался в звон, который обрадованно вырывался на улицу из темной и дымной кузницы. Наконец дядя Ваня опустил молоток, а щипцы с заготовкой сунул в кадку с водой. Заготовка зашипела, запарила. Покачивая, кузнец вышел на свежий воздух, присел на корточках у закопченной стены, вынул из кармана кисет и стал ладить самокрутку.

— Что ж так поздно? — спросил кузнец, затягиваясь всласть табаком, смешанным с сушеным донником.

4½ Заказ 2633

Саша мученически поморщился, пожал плечами и тяжело вздохнул.

— Не вздыхай,— подбодрил дядя Ваня.— Пошутил я. Пришел ты раньше, чем я ожидал. Иди, садись в телегу.

После этих слов Матросов повеселел, взбодрился. С замиранием сердца он забрался на свежий клевер, который горкой возвышался в телеге. Кузнец в передок телеги положил дубовый бочонок, маленькую походную наковальню и почти игрушечные мехи. Он внимательно осмотрел колеса и прыгнул на наклеску телеги. Саша натянул вожжи, и Ласточка сразу пошла крупным шагом.

Вскоре подвода подъехала к полевому стану. Ласточка остановилась. Дядя Ваня и Саша спрыгнули с телеги. От прицепного комбайна «Коммунар» с тяжелым ключом в руке к ним навстречу шел ширококостный, худой, с постоянно любопытствующими глазами комбайнер Игнат Багров. Он обрадованно сказал:

— Привет шефам! Вот нашего полку и прибыло. Сейчас сцепку начнем. Так что приехал ты, Иван Петрович, кстати.

Игнат и дядя Ваня направились к комбайну, а Саша стал распрягать лошадь. Он отпустил супонь на хомуте, вынул из гужей дугу. Ласточка привычно наклонила голову, и Саша легко снял хомут. Затем он отвел Ласточку подальше от будки, где стояли густые и высокие травы, стреножил ее и вернулся к телеге.

Солнце еще было низко, а Саша шел против лучей, и они слепили его. А он восторженными глазами смотрел на мокрые от росы головки цветов, над которыми неуверенно и робко начинали шуршать крылышками пушистые шмели. Саше казалось, что они, обсыхая на солнышке, словно отряхиваясь, пробовали свои силы перед долгим полетом. А от спелых ржаных полей пряно и густо потянуло свежим хлебом, и Матросов ненасытно впитывал этот запах. Высокая рожь так и тянула к себе, и не мог Саша перебороть эту тягу.

Он быстро, но аккуратно сложил сбрую под телегой, осторожно снял с повозки бочонок с водой, положил его в тень и прикрыл сырым клевером, потом заспешил к комбайну, около которого урчал гусеничный трактор. Восхищенно глядя на комбайн, Саша медленно шел вокруг него. Вот он, рядом. У Саши дух захватило. Огромный, с массой рычагов, надстроек и мостиков комбайн стоял на меже ржаного поля. Возле него густо цвели крупные ромашки. Сашу так и подмывало одним прыжком взлететь на мостик комбайна и за штурвал! Так нет же, дядя Ваня и Игнат Багров чего-то медлили.

— Дядя Ваня, смотри. Вон у Бахтеевского леса кто-то уж косит, — обрадованно закричал Саша. — А вы чего ждете?

Вместо кузнеца ответил комбайнер:

— Зря ты горячишься, сынок. Это колхоз «Дружба» косовицу начал. Поле у них на холме. Там рожь раньше нашей созрела. А мы стоим в низинке. Поля вроде рядом, а условия разные. Сырое начнешь косить — можно зерно загубить.

Игнат сорвал колос ржи и долго мял его на ладони. Потом попробовал на зуб зерно, сдвинул промасленную кепку на затылок и выдохнул:

— Скоро начнем и мы. Пока пробуем, всю росу солнце сгонит. А зерно затвердело. Земля, милок, не любит, чтобы с ней в шутки-потешки играли. Не присмотришь за ней, не поможешь — не жди доброго урожая...

Игнат не спеша осматривал хедер комбайна, проверил натяжение цепей на мотовиле. И, поднявшись на мостик, проверил штурвал. Потом попросил дядю Ваню завести мотор. Вскоре мотор загудел, выбрасывая голубой дымок. Железная громада комбайна задрожала.

Трактор, подминая гусеницами сочную траву и звонко кашляя сизой гарью, подполз к прицепу тихо, плавно, ощупью, точно боясь подмять его под себя. Дядя Ваня вставил шкворень в серьгу трактора и отошел в сторону. Из кабины трактора высунулся тракторист Матвей Родин. На его темном от загара лице появилась широкая улыбка, обнажившая белые полоски зубов. Он крикнул:

— По-о-о-еха-а-ли!

Игнат Багров махнул рукой, трактор увеличил обороты. Вот завертелось мотовило, и комбайн, покачиваясь, двинулся на золотистую рожь. Лопасти хедера захватили первые колосья, натужно загудел мотор. Склонившись над штурвалом, Игнат неотрывно смотрел перед собой на густую высокую рожь. Трактор тащил комбайн спокойно, без рывков.

И хотя поле было неровное, кочкастое, Игнат каким-то особым чутьем угадывал каждый холмик и безошибочно изменял высоту среза.

Комбайн прошел метров сто и остановился. Игнат сошел с мостика. Матвей вылез из кабины трактора. Подошли к маленькой копешке соломы, начали ее трясти, ворошить полову, проверяя, не летит ли из нее зерно. Они опустились на стерню на колени и принялись отыскивать на земле зерно. К ним присоединились дядя Ваня и Саша. Они обшаривали стерню, но зерно в ней не находили.

— Хорошо вымолачивается, — удовлетворенно сказал Иг-

нат.— Теперь, Матвей, тяни полный круг. Вон и возчики зерна приехали.

Все, словно по команде, посмотрели в сторону полевого стана, где стояли пять повозок. Комбайнер снял кепку и начал махать ею над головой. Это означало, чтобы возчики следовали за ним. Затем он обернулся к Матросову и сказал:

— Пошли, Сашок, на мостик.

Саша от радости припустился вприпрыжку к комбайну, а Игнат ощупывал его плотную фигуру узкими, угольной черноты, любопытными глазами, как бы спрашивая: «А может, рановато мальчишке штурвал доверять?» Но тут же отогнал эту мысль: ему по сердцу пришелся это расторопный детдомовец. Игнат, улыбаясь одними глазами из-под захватанного мазутом козырька кепки, подошел к мотору комбайна. Он деловито и с внешним спокойствием проверил карбюратор, протер свечи, затем стал запускать мотор. Вскоре комбайн вздрогнул, заходил ходуном от ревущего мотора. Угловатое, шелушившееся от загара лицо Игната расплылось в широченной улыбке: комбайнер был доволен четкой работой мотора.

Игнат поднялся на мостик, дал сигнал трактористу, и комбайн с натужным рокотом поплыл по золотым волнам ржи. Над ним закружились, замельтешили крохотные обломки колосьев и белесые пушинки половы.

Саша, возбужденный, стоял рядом с Игнатом и не сводил глаз с поля. А оно, как огромная дуга, упиралось двумя концами в белесое небо. Солнце резало глаза, отражаясь от плотной стены золотистых колосьев. Покачиваясь на пружинистом сиденье, Игнат прогудел почти в самое Сашино ухо:

— Смотри, приглядывайся. Вот кончишь школу, возьму тебя в помощники. Согласен?

— Ага,— широко улыбнулся Саша.— А поштурвалить можно?

— Потерпи малость. Скоро начнется поле поровнее,— ответил Игнат.

Комбайн делал круг за кругом. И на поле вырастали маленькие копешки соломы, как по струне положенные на жесткую щетинистую стерню. Саше не терпелось встать за штурвал, но Игнат все почему-то тянул. Солнце поднялось уже высоко, и зной усилился. В воздухе парило. Мокрая рубаха льнула к телу. Но вот на какой-то миг вспорхнул ветерок. Запотевшую, загорелую шею обдало холодком. И снова палящий зной, грохот комбайна, терпкая, густо пахнущая полынью, пыль. Скоро едкая пыль да колючая ость покрыли Сашино лицо и волосы. Он чувствовал, как труха проникла под майку, щекоча кожу. А

перед глазами плыл и плыл уже изрядно надоевший золотистый разлив ржи. И в это время как-то неожиданно Игнат позвал:

— Вставай на мое место. Пошуруй за капитана.

Какая-то удивительная восторженность охватила Сашу. Ему стало легко и радостно. Он взял из рук Игната штурвал и, зорко вглядываясь в поле, в первый раз повел комбайн. Старался все делать, как Игнат. Крепко держал на штурвале почерневшие от загара руки. Размеренно вращалось мотовило, пригибало колосья на жадно мелькающие язычки косы. Падали стебли на бесконечно бегущее полотно транспортера. И оттого, что тяжелая машина покорялась его воле, Саша испытывал какое-то особенное волнение.

Игнат Багров не отходил от него, коротко подсказывал, где жатку приподнять, поостеречься. Поля ему знакомы. Каждый бугорок с детства изучил.

— Газу добавь. Тут чисто и ровно. Быстрее можно. А здесь левее. Вот так.

Саша четко выполнял все, что ему говорил Игнат. И чувствовал, что комбайн становился все послушней и податливей. Саша несколько минут управлял комбайном. Но какие это были минуты!

Ради одних этих минут стоило недоспать и калиться под знойным солнцем.

На повороте за штурвал встал Игнат. Саша внимательно следил за его работой. Видел, как напрягались руки комбайнера, когда поле шло на подъем, как становились спокойнее на ровной загонке. У Матросова захватывало дух от радости. Неважно, что он совсем мало стоял на месте Игната у штурвала. Зато он понял, что работа, которую делал Багров, а вместе с ним и Саша, очень важная работа. Она нужна людям. Потому что они убирают хлеб. А ради него, хлеба насущного, сил не жалко. Саша помнил, как о хлебе говорил кузнец дядя Ваня: «Главное в жизни — хлеб. От него все открытия и все дела земные. Хлеб несет в мир добро...»

С мостика Матросов видел, что и второй комбайн работал уже вовсю. Огромный, грохочущий, бурый от пыли, он полз прямо на зыбкую стену хлебов. И высокая рожь покорно сгибалась ему навстречу, падала на широкое полотно хедера, а вскоре маленькой светлой копешкой хрустящей соломы ложилась на постриженное поле.

На середине загонки Игнат дал сигнал трактористу, и агрегат остановился. К комбайну подъехали две подводы, и началась выгрузка зерна из бункера. Черный, весь обгоревший на

солнце Игнат вовсю засверкал улыбкой и громко крикнул возчикам зерна:

— Поживей, поживей, ребята. Поторапливайтесь. Не задерживайте нас.

— Хороша нынче рожь-то, — сказал парень в выгоревшей на солнце синей рубашке. Он верхом насыпал бестарку, взял лошадь под уздцы, отвел ее от бункера, вскочил на теплое зерно и хлестнул лошадь концом вожжей. Та рванула бестарку, зерно подбросило, и оно плеснулось через борт на землю. Парень даже не оглянулся, продолжал гнать лошадь, нахлестывая ее вожжами. Багров огорченно развел руками, быстро сбежал с мостика комбайна и закричал:

— Про-о-ре-хи-и-и! Мишка-а-а! Остановись!

Громче Игната с мостика закричал и Матросов:

— Сто-о-й! Сто-о-ой!

И когда Прорехин остановился, Саша пустился догонять Игната. Они вместе подошли к Мишкиной бестарке, и комбайнер процедил сквозь зубы:

— Ты что, оглох?

Прорехин набычился и недовольно буркнул:

— Да некогда же! — Он снова дернул вожжами. Поднатужась, лошадь тяжело потянула воз.

— Стой, тебе говорят! — сердито крикнул Игнат.

Прорехин остановил лошадь и исподлобья смотрел на Багрова:

— Ну, что стряслось? Я же тороплюсь.

Игнат грозно нахмурился и коротко бросил:

— Слезай! Иди за мной!

Мишка нехотя спрыгнул на стерню и поплелся вслед за Игнатом и Матросовым. Комбайнер остановился у того места, где расплеснулось по стерне зерно:

— Любуйся, милок, своей бесшабашностью. Свое бы зерно не растерял. А это колхозное. От этого, мол, колхоз не обеднеет. Где едят, там и крошки летят. Так, что ли, рассудил?

Мишка опустил голову, почесал в затылке, а потом смешно сложил тяжелые губы и, присвистнув, обиженно сказал вратарю:

— Эка беда. Из-за этого пустяка надо было шум поднимать. А я-то думал, что-то важное стряслось. В две глотки переполох поднили. Ну, просыпал малость. Так ведь спешка. Сам же торопишь. А тут тары-бары развели. Время зря теряем.

Прорехин, похоже, совсем успокоился и стал уже насседать на Игната, с обидой упрекая комбайнера:

— Только работать мешаешь. Иди-ка к своей громыхалке и

не лезь не в свое дело. — Мишка обиженно повернулся к Игнату спиной, намереваясь уйти.

— Ну, вот что, милок,— сурово сказал Игнат.— Пока не подберешь все до зернышка, никуда ты не поедешь. И угонять я тебя больше не стану. Понял?

Прорехин хмыкнул, хотел было что-то возразить, но Багров увидел его таким свирепым взглядом, что Мишка тут же осекся, опустился на колени и стал собирать рассыпанное зерно в подол рубашки. Саша сдернул с головы кепку, присел на корточки рядом с Мишкой и быстро-быстро пригоршнями стал сыпать в кепку зерно.

Рассерженный возчик взъярился на него:

— Куда лезешь? Без тебя подберу.

Матросов растерялся, тяжко-претяжко вздохнул и отошел в сторону с кепкой, полной зерна. Он робко поглядывал на сердитого возчика, и на душе у него было так, как будто это и не Мишка виноват во всем, а он сам.

Игнат Багров, с трудом сдерживая гнев и не желая перейти на крик, заговорил медленно, тихо и даже добродушно:

— Ну-ну, чего ты на [illegible] набросился. Он же от всей души хотел тебе помочь. Нечего на других свое зло срывать.

Мишка скосил на Игната глаза и коротко хмыкнул:

— Нечего тут посторонним под ногами путаться.

— Я тебе, милок, на это вот что скажу,— медленно, очень медленно, почти по слогам возразил Игнат.— Побольше бы таких «посторонних» и поменьше таких своих, как ты...

— Правильно,— поддержал Игната пожилой возчик, который, покачивая головой, смотрел, как Мишка подбирал зерно.— За твое лихачество тебе не такая нахлобучка полагается. А ты еще огрызаешься. Над хлебом кощунствуешь. Будь ты мой сын, так я бы тебя с песочком протер за такое безобразие.

Матросов видел, как Прорехин медленно краснел и прятал глаза. Ему, наверное, было стыдно. Когда он собрал всю рожь, порывисто встал и медленно обвел всех присутствующих тяжелым взглядом. Игнат поймал его взгляд и спросил удивленно:

— Ты чего это на нас волчонком смотришь? Мы тут ни при чем. Почет и уважение людское честным трудом зарабатываются, а за такое вот по головке не гладят. Понял?

Михаил вспыхнул, опустил голову и принялся правой рукой сбивать со штанов пыль и соломенную труху. Левой рукой он придерживал раздувшийся от зерна подол рубашки. Глядеть на него было смешно и жалко.

Игнат повернулся к Михаилу и стал гладить свои короткие прокуренные усы. Глаза его, полные укора, с любопытством по-

глядывали на Прорехина, словно он хотел понять, что за парень этот Мишка. А тот еще ниже надвинул на глаза козырек фуражки, махнул рукой и с трудом выдавил:

— Ну, я поехал.

Игнат молча посмотрел ему вслед, шумно вздохнул, потрепал Сашу по вихрастой голове и весело сказал:

— Вот оно, что значит проштрафиться. Пойдем-ка еще один круг дадим да и обедать.

Багров, словно подхлестнутый, не пошел, а, забухав по короткой стерне пыльными сапогами, побежал к своему комбайну, от которого лишь отвалили еще две бестарки с золотистой рожью. Саша побежал следом за Игнатом. Из-под его ног взлетали с сухим треском кузнечики. Он надеялся, что дядя Игнат снова доверит ему штурвал, и ради этого Саша готов стойко переносить жару и пыль, которая тучей поднималась от малейшего ветерка и плотно покрывала комбайн и его, Сашу, и никуда от нее нельзя было деться. Почему-то Саша даже за несколько часов пропылился, почернел весь. Но это не пугало Сашу.

ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ

Время перевалило за полдень. Белое солнечное сияние затопило нестерпимым зноем ивановские поля и огороды. Подошла жатва, и село будто вымерло. Хлеб в тот тридцать седьмой год уродился такой, что, казалось, коснись — и колос осыплется пшеничным дождем. Радость колхозникам и забота великая пришла. Потому и стар и млад — в поле. На улицах тихо-тихо, только воробьи чирикают, купаясь в пыли. Но вот над детдомовским огородом раздался радостный крик Саши Аблукова:

— Купа-а-а-ться!

Ребята, побросав около шалаша мотыги, рванули к речке. Они так понеслись по вытолоченному проселку, что пыль столбом поднялась над картофельным полем. Впереди всех бежали Саша Аблуков[1] с Федей Хасановым, за ними тянулись Ванюшка Синягин, Миша Саулин, брат Аблукова Володя... Некоторые мальчишки, перепрыгивая через картофельную ботву и на бегу, снимая рубашки, мчались прямо по взрыхленной горячей зем-

[1] Воспитанник Ивановского детского дома Александр Михайлович Аблуков, полный кавалер орденов Славы, хорошо знал Сашу Матросова. После Великой Отечественной войны он долгое время работал слесарем на Ульяновском автомобильном заводе. Одна из улиц Ульяновска носит имя Александра Аблукова.

ле. Саша Матросов замешкался. Он присел в тени шалаша и стал надувать волейбольную камеру.

Первым на песчаный берег речушки, почти сплошь усыпанный мелким ракушником, примчался Саша Аблуков. Он быстро разделся и, шумно разбрызгивая ногами воду, вбежал в речку. Он отплыл немного от берега, затем вернулся и, хохоча, окатил сгрудившихся на песчаной кромке берега мальчишек водой.

— Ну, берегись! — пригрозил ему Миша Саулин. — Он сбросил штаны и, с разбегу плюхнувшись в воду, бросился догонять Сашу. Брызги, искрясь на солнце, слепили глаза. Вскоре ребячья ватага разделилась на два лагеря и пошла потеха пуще прежнего. Теперь брызгались не только пригоршнями, а даже пустили в ход обломки досок. Мальчишки пришли в такой боевой азарт, что начали бросаться ракушечником. И вот в этой суматохе чей-то комок мелких ракушек угодил в глаз Мише. Он вскрикнул от боли, хлебнул воды и начал пускать пузыри. Многие ребята с перепугу словно оцепенели, другие суматошно заметались по берегу, но никто не отважился броситься на помощь утопающему. В это время к речке подбежал Саша Матросов. Он тут же прыгнул в воду и саженками поплыл на середину реки, где барахтался Миша Саулин. Чем ближе Саша подплывал к середине реки, тем сильнее становилось течение, и его относило в сторону от утопающего.

— Саша, левее! Левее бери! — кричали Матросову с берега. Но Саша не оглядывался и не отзывался. Напрягая все силы, он быстро плыл к Саулину. А тот, жадно захватывая воздух, иногда захлебываясь, старался вырваться из воды, но силы его иссякали с каждой минутой.

Позднее Саулин рассказывал: «Последнее, что я хорошо запомнил, это резкий крик Матросова: «Держись!» А у меня уже тупо стучало в висках, отказывались работать руки и стало сводить пальцы на левой ноге. Я пришел в себя на берегу и сразу увидел чистое голубое небо. Оно было высокое и огромное, и я обрадовался, что меня опять греет жаркое солнце. Рядом со мной сидел Саша Матросов. У него были сияющие глаза. Он смотрел на меня и не то улыбался, не то щурился от знойного яркого солнца. Но вдруг он привстал, тряхнул головой и внезапно нарушил молчание: «Когда я услыхал твой крик, то сначала подумал, что баловство это, а потом смотрю — ан нет... И я сразу к тебе — наперерез. Хорошо, что успел ко времени. Еще бы чуток повременил — и каюк тебе. А водички-то ты изрядно хлебнул...»

Михаил Григорьевич замолчал. Его энергичное лицо то хмурилось, то чуточку светлело. Я понимал, что творилось в душе

ветерана, когда он возвращался к тому грустному событию. После небольшого раздумья он снова заговорил:

— Эта история из далекого детства запомнилась мне на всю жизнь. Прошло уже почти сорок лет, а тот июльский день помню все так же отчетливо, как будто это было вчера...

Этот разговор у нас произошел, когда в Ивановском детском доме открыли музей Александра Матросова. Михаил Григорьевич Саулин был приглашен посетить музей в числе первых. Хорошо помню: шел он мимо экспозиций и еще раз переживал то, что в нем осталось навсегда, еще с тех далеких времен, когда Саша Матросов вместе с ним разводил голубей на чердаке сеновала, ездил в ночное на своей любимой лошади Ласточке, азартно косил траву в широкой волжской пойме, с упоением рыбачил на речушке Дреме...

Из музея Михаил Григорьевич повел меня на пруд, к тому месту, где Саша Матросов вытащил его из воды. Еще издали я увидел в дрожащем снизу мареве искрящийся на солнце пруд. А за ним, в густых зарослях ракитника и ольхи, пряталась речушка Сашиного детства. Конечно, за последние три десятилетия она сильно обмелела. Местами ее легко перейти по двум-трем камням. В пору же Сашиного детства Дрема была полноводной, с чистой и быстрой водой. Не всякий мальчишка отваживался ее переплыть. Саша любил ее преданно и самозабвенно. Души в ней не чаял. Здесь, на этой речушке, он смастерил первую дудочку из липы, первое удилище из орешника.

Любил Саша речку своего детства за светлое песчаное дно, тихие омуты с ленивым клевом головлей, за непролазные заросли ежевики и хмеля на частых излучинах.

Весело журчит Дрема на перекатах, моет камушки неглубоких бродов, а кое-где на излучинах образует даже маленькие бочаги. Много тихих утренних и вечерних зорь провел Саша на берегах этой речушки. Его очаровывала дорогая сердцу «малая родина». Саша открывал здесь свой мир, укреплял свою любовь к Родине, к окрестным лесам, к речушке Дреме, к пойменной степи, к раздолью заливных лугов. На все это чутко и трепетно отзывалось его мальчишеское сердце. Он жалел загубленное дерево или заплывшийся родничок и готов был их мужественно защищать...

Когда мы с Михаилом Саулиным подошли к пологому берегу пруда, он сказал:

— Вот на этот песочек Саша меня тогда и вытащил. Он любил при случае говорить: «Сам погибай, а товарища выручай». У него слова с делом не расходились ни в большом, ни в малом. За время, пока мы с ним жили в детдоме, я на многочис-

ленных примерах убедился в том, что Саша смело заступался за маленьких, самых слабых воспитанников. Брал их под свою опеку. Подлинная, не мнимая участливость была главной чертой его характера. И эту черту помогал развивать в Саше директор детдома Петр Иосифович Макаренко — человек добрый и скромный. Он содействовал установлению в детдоме дружественных отношений между наставниками и воспитанниками. Наши воспитатели не пугали нас наказаниями, а умели пробуждать у провинившихся совесть, не требовали голого послушания, а старались обогреть, оттаять детские души. Петр Иосифович был твердо убежден в том, что только путем сердечного участия в радостях и горестях питомца можно завоевать его доверие.

Благодаря стараниям Петра Иосифовича в нашем детдоме была создана такая доброжелательная обстановка, при которой очень высоко почиталось уважительное и доброе отношение к детям всех национальностей. Нам было всем легко жить в атмосфере спокойной доброжелательности, справедливости, интернациональной солидарности. Я по национальности — татарин, Саша — русский. Но это не мешало нам быть закадычными друзьями.

Этот рассказ Михаила Сухина воскресил в моей памяти встречу летом 1956 года в Ивановском детдоме с другом Саши Матросова по детдому, с полным кавалером солдатского ордена Славы, слесарем Ульяновского автомобильного завода Александром Михайловичем Аблуковым.

Приехали мы в Ивановку после теплых затяжных дождей. Знойное солнце выжаривало из раскисшей земли обильную влагу. Эти испарения после полудня собирались в дымные облака, которые постепенно тяжелели, набухали и к вечеру обрушивались на едва просохшую землю коротким, шумным ливнем.

Именно таким выдался второй день нашего пребывания в Ивановке. Было светлое, душистое и теплое утро. Ничто не предвещало грозу. Мы шагали кромкой берега Дремы. Распаренная земля хлюпала под ногами. Вокруг стояла высокая и густая трава. Воздух казался густым и душным от сильных запахов полевых цветов, согретых солнцем. Солнечный свет косо пробивался сквозь чащобу ивняка и ольховника, ветки которых, унизанные дождевыми каплями, мерцая, светились всеми цветами радуги. Каждый листок, каждая травинка посверкивали каплями под теплыми лучами солнца. И от ярких вспышек тысяч крохотных радуг рябило в глазах. На широкой луговине паслись три лошади. Они склонились над сочной травой, срывая ее мокрыми, бархатными губами. Сытые тела их масляно лоснились. Изредка они обмахивались длинными хвостами, сбива-

ли обильную росу с высокой травы, бусинки которой вспыхивали крохотным радужным сиянием. Весь луг был в разноцветном искрящемся сиянии...

— Вроде недавно вот на этом лугу мы с Матросовым учились косить траву, — заговорил раздумчиво Александр Михайлович. — Даже играли здесь в «челюскинцев» и «папанинцев». Однажды соорудили «льдину-холодину» с палаткой...

Помолчав минуту-другую, мой спутник продолжал:

— А как близко принял к сердцу Саша испанские события. Эта гражданская война в Испании была первой схваткой с фашизмом. Героическая борьба испанского народа захватила Сашу. Разворачивая газету, он в первую очередь искал в ней хронику испанских событий. А когда со всей Европы разными путями потянулись туда добровольцы, чтобы с оружием в руках помочь испанскому народу защитить свою республику, Саша стал поговаривать о том, чтобы «рвануть» в Испанию бить фашистов.

Хорошо помню, как в июне [illegible] седьмого года, незадолго перед поездкой в пионерский [illegible], который находился в живописной волжской пойм[illegible] Кременки, мы с Сашей рыбачили на Дреме как р[illegible] излучине, где сейчас стоим. Погода чем-то [illegible]шною. Было жарковато и душно. Стал накрап[illegible]. Мы начали сматывать удочки. И вдруг где-то [illegible]во прокатился гром, хмурое небо осветилось мо[illegible]ва отошли от речки, опять загремел гром, только на[illegible]ко и грозно. И тут из небесной мути полил [illegible]дождь. Эта неожиданная гроза загнала нас в кор[illegible]ой школы.

Александр Михайлович [illegible] на одноэтажное деревянное здание, что стояло вбл[illegible]ска, который сбегал к реке Дреме. Гроза усилилась. Небо [illegible] дело озарялось сполохами от края и до края. Гром гремел почти не утихая: то удаляясь, то вдруг разъяренно грохоча над самой школой. Саша Матросов, стоя около окна и прислушиваясь к беспрестанному грохоту и шуму ливня, вдруг сказал:

— Вот так, наверное, над Гвадалахарой пушки бабахают. Эх, если бы ты знал, Саша, как мне в Испанию хочется. Фашистов бить.

Окончилась гроза неожиданно, как и началась. Правда, молнии еще сустились, вспыхивали в посветлевшей серости неба, но грома уже не стало слышно. И дождь перестал. На дворе загорланили петухи, на крыше сарая заворковали голуби. А вдали за Отрадненским лесом открылась полоса необыкновенно прозрачной лазури, и Матросову показалось, что там лежит загадочная страна Испания.

И долго потом образ этой страны жил в его сердце. Саша в эти дни часто повторял слова из стихотворения Михаила Светлова «Гренада»:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья.
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

Его привлекало трепетное дыхание светловского стиха, романтика революции, наш интернационализм, доходящий до самоотречения и самопожертвования, накал истинной страсти, душевная щедрость и широта России, всегда восприимчивой к чужой беде и всегда сердцем с теми, кто поднимается на борьбу, чтобы остановить фашизм.

Наши люди добровольно приходили на землю Испании и умирали за нее. Об этом легендарная Пасионария — Долорес Ибаррури говорила так: «Они за ночь приводили в порядок машины и, опрокидывая все технические нормы и нормы человеческой выносливости, на следующее утро возвращались в бой... Они приехали в Испанию по доброй воле, чтобы сражаться бок о бок с испанцами. То были благородные, проникнутые революционной романтикой советские герои».

«Гренада» была для Саши Матросова своего рода гимном. Светлов сказал то, что не только чувствовал Саша, но переживал ежедневно, ежечасно, носил в себе, как самое сокровенное. То, о чем говорила «Гренада», было смыслом его жизни.

— Многие наши ребята, — вспоминал Александр Михайлович Аблуков, — в те дни в знак солидарности с антифашистами Испании носили шапочки-испанки разных расцветок, но обязательно с красной кисточкой. Шили мы их сами с помощью завуча школы Веры Вячеславовны Соколовой. Хорошо помню, у Саши Матросова была темно-синяя с красной окантовкой испанка. Я носил зеленого цвета.

Начиная с лета тридцать седьмого года мы, детдомовцы, неоднократно отправляли подарки для испанских детей. А при встрече друг с другом в знак приветствия мы вскидывали сжатый по-ротфронтски кулак и выкрикивали пламенный лозунг, брошенный несгибаемой Пасионарией — Долорес Ибаррури — «Но пасаран!». «Они не пройдут!».

Нам очень хотелось верить, что так оно и будет, — фашисты не пройдут...

Однажды нам сообщили, что скоро в нашу страну приедут испанские дети, чьи отцы сражались за республику или погибли в дни антифашистской войны. Этим маленьким испанцам нельзя стало оставаться на родине, так как к власти там пришли фашисты.

Мы надеялись, что какая-то часть испанских детей приедет в наш детский дом. Этот вопрос мы очень живо обсуждали между собой. В это время у нас завершалось строительство нового двухэтажного спального корпуса. Саша Матросов предложил: если в Ивановку приедут испанские дети, то мы им уступим новое общежитие, а сами поживем в старом...

Заботиться прежде всего о других — это было главным в характере Саши. И я убежден, что именно поэтому он всегда находился на высшей ступеньке нашего ребячьего уважения. Мы ценили его за участливость и к своим сверстникам, и к взрослым. Природа одарила Сашу совестливостью и добротой, без которых, на мой взгляд, не существует подлинного человеческого обаяния. Да и сама личность человека раскрывается в повседневных делах, во взаимоотношениях с окружающими. Саша Матросов был гражданski активен. Мне часто приходится выступать перед школьниками [illegible]. Как правило, ребята просят поподробнее рассказать, каким Саша был в детстве. И вот на одной из таких встреч мне был задан вопрос: что такое гражданственность?

Отвечая на этот вопрос, я рассказал лишь об одном случае из жизни Саши Матросова. Было это во время жатвы в тридцать шестом году. В то засушливое лето хлеба уродились низкорослыми. При уборке жатками много колосьев оставалось на стерне. Саша первым из наших детдомовцев обратил на это внимание. И вот однажды он предложил организовать сбор колосков в подшефном колхозе. Мы охотно поддержали его предложение, ибо хорошо понимали, что этим принесем большую пользу стране. Ведь зернышко к зернышку — пуд бережет.

На другое же утро, захватив с собой кто матерчатую сумку, кто корзинку, мы отправились «на колоски». Растянувшись длинной цепочкой и внимательно глядя себе под ноги, мы пошли по сжатому пшеничному полю и подбирали колоски. И эти походы «по колоски»продолжались целую неделю. И в поле мы ходили не ради забавы, а работали там на совесть. Каждый старался собрать как можно больше колосков. Это было для нас уроком гражданственности. И преподал нам его Саша Матросов. Такова уж была его натура: не мог плестись в хвосте и работать вполсилы. И мы тянулись за ним, равнялись на него. Он был нашей гордостью и примером.

Многое вспомнил в ту июньскую встречу пятьдесят шестого года Александр Аблуков из своего деревенского детства: о дружбе с Сашей Матросовым, о житье-бытье в Ивановском детском доме, о своей фронтовой жизни. Рассказывал он обстоятельно, приводил многочисленные детали. Александр Михайлович охотно водил меня по самым любимым местам своего детства.

Когда мы проходили мимо приземистого здания, где размещались мастерские, Александр Михайлович вспомнил такой случай.

Саша Аблуков решил принять участие в конкурсе на лучшую столярную поделку. И вот горячо принялся делать стол на точеных ножках. Матросов в этом конкурсе не участвовал, так как он любил работать с металлом, а не с деревом. Но когда у Аблукова вышла заминка с вытачиванием ножек стола, то Саша Матросов пришел ему на помощь. И стол, сделанный Аблуковым, на конкурсе занял призовое место.

Особенно живо рассказывал Александр Михайлович о жизни ребят в пионерском лагере на Волге, о том, как они, два Саши и Федя Хасанов, подружились с бакенщиком Матвеем Петровичем Захаровым и часто помогали ему смолить лодки, зажигать бакены, собирать целебные травы.

В частности, Александр Михайлович вспомнил, как в конце июня тридцать седьмого года Саша Матросов, Федя Хасанов, Саша Аблуков и другие ребята поехали на подводах в пионерский лагерь на Волгу. Река открылась внезапно, когда подъехали к Кремешкам. Из-за поворота, будто прямо из прибрежных камышей, выплыл пароход, сопровождаемый стаей чаек. Пароход вскоре скрылся за излучиной, а Саша Матросов все еще стоял на телеге и из-под руки смотрел ему вслед.

Когда лагерь обжился, по совету Матросова группа ребят решила на плоту по Волге доплыть до Черного моря, а там махнуть в Испанию бить фашистов. Мальчишки тайно от воспитателей начали строить плот, заготовлять продукты на дорогу. Но в самый последний момент этот «заговор» был раскрыт, о чем Матросов искренне сожалел.

И, как бы подводя итог нашему разговору, Александр Михайлович Аблуков сказал:

— О подвиге Матросова я узнал на фронте. Находился в составе боевого расчета батареи противотанкового артиллерийского полка. Случалось попадать в такие переплеты, что потом даже не верилось, что остался живым. И каждый раз в таких случаях мысленно прикидывал, а хватит ли у меня мужества так распорядиться последними минутами своей жизни, как это сделал Саша Матросов. Всю Великую Отечественную войну я,

как говорится, прошел от звонка до звонка. Так что я на себе испытал, что нет для человека труднее выбора, чем выбор между жизнью и смертью. Случайно ли, что Саша Матросов этот выбор без колебания сделал во имя Родины? Конечно же, не случайно: истоки его мужества берут начало в героическом времени тридцатых годов. И героический перелет Чкалова в Америку через Северный полюс, и удивительный дрейф папанинцев на льдине, и трудовой подвиг Паши Ангелиной — все это создавало атмосферу постоянной готовности к самопожертвованию ради долга, во имя Родины.

Из рассказа Александра Михайловича Аблукова я старался понять, какой он, Саша Матросов, что за человек, что за личность? Какие черты его характера, которые были у него в детстве, закрепились и развились в юности? И память невольно проявляла образ деятельного и стойкого юного Матросова.

Об этом свидетельствуют хотя бы такие факты. В самом начале Великой Отечественной войны Саша Матросов работал слесарем на Уфимской мебельной фабрике. И вот однажды здесь создалась критическая ситуация: надо было срочно разгрузить сушилку, чтобы обеспечить бесперебойную работу заготовительного цеха. Об этом первым узнал Саша Матросов. Он собрал ребят слесарного цеха, объяснил им обстановку. Закончив смену, наскоро перекусив, бригада слесарей во главе с Матросовым приступила к работе, и часа через два сушилка была готова к приему столярных деталей. Тем самым ребята обеспечили фабрике бесперебойную работу и досрочное выполнение фронтового заказа.

Боевой лозунг «Все для фронта! Все для победы!» Саша Матросов принимал всем сердцем, отвечал на него самоотверженным трудом. Его фамилия получила постоянную прописку на Доске почета мебельной фабрики. Он свое производственное задание как правило выполнял на 250—300 процентов.

А разве не о большом трудолюбии Матросова, глубоком понимании им гражданского долга в то военное лихолетье свидетельствует такой факт: однажды для мебельной фабрики постучал плот с деловой древесиной. Людей для выгрузки не хватало. А запасы леса на фабрике кончались. Это грозило остановкой работы цеха, который готовил ящики для снарядов. И вот Саша Матросов организовал субботник. В первую очередь он сам с багром в руках взялся за самую трудную работу: вместе с другими крепкими ребятами вытаскивал из воды деловую древесину. Плот был разгружен. Фабрика продолжала выполнять фронтовой заказ.

В юном Матросове еще ярче стали проявляться такие каче-

...ал, как участливость и доброта. Но основы ее были заложе-
...в детстве, когда он воспитывался в Ивановском детском до-
...Еще там он ратовал за такое добро, которое должно нести
...своей основе борьбу со злом, а не прощение и смирение, пе-
...одящее в покорность.

Это хорошо, что человек умеет сочувствовать, сопереживать
делать добро. Но Саша понимал, что одного этого мало: надо,
творя добро, противодействовать злу.

Еще когда жил в Ивановском детском доме, Матросов мно-
гократно показывал примеры активной доброты, готовности
притти на помощь слабому, постоять за справедливость. Еще
тогда двенадцатилетний Саша Матросов впервые задумался
над сложностями человеческих отношений, над тем, как трудно
быть человеком на земле. Сколько раз Саша в Ивановке за-
ступался за слабых воспитанников детдома.

Саша Матросов, тогда еще совсем маленький человек, всем своим добрым сердцем не только любил родную природу и людей, умел радоваться жизни, но и мог отстоять то, что для него было дорого и свято. Вот он, тот «будничный подвиг», который Саша повторял за свою короткую жизнь множество раз. Это закаляло его характер, рождало в нем смелость схватить за руку хулигана, с открытым забралом вступить в бой со злом.

А разве не о его высокой нравственности, душевной красоте, способности чем-то жертвовать ради гуманной цели свидетельствует самая обыденная для суровых военных лет жизненная ситуация, которая давала возможность проверить нравственные основы личности, способность помнить и других, внимательно и с уважением относиться к людям, умение сострадать и делиться с человеком, попавшим в беду, последним куском хлеба. Вот только один пример.

Это было в июле 1942 года. Под многострадальным Ленинградом шли упорные бои. И вот однажды в Уфу из блокадного Ленинграда приехали эвакуированные дети. Они были настолько истощены, что их приходилось из вагона выносить на носилках. Первым за это дело взялся Саша Матросов, приехав на вокзал с большой группой воспитанников. Они бережно вынесли детишек из вагона, усадили в автомашины и тронулись в путь. А когда приехали в трудовую колонию, Саша Матросов снова организовал группу ребят, и они на руках перенесли маленьких ленинградцев из машин в санчасть.

Истощенным детям нужно было усиленное питание. И Матросов обратился к товарищам с призывом поделиться с ленинградцами частью своего пайка. Все воспитанники охотно поддержали его в этом благородном деле.

5 Заказ 2633

Маленькие ленинградцы — свидетели варварских бомбардировок и артиллерийских обстрелов фашистами колыбели революции — своими рассказами о мужественном сопротивлении врагу своих отцов, матерей, старших братьев и сестер еще больше распаляли в нем гнев к ненавистным фашистам, побуждали взять в руки оружие и в рядах советских воинов мужественно отстаивать завоевания революции, свою милую Родину, ее свободу и честь. Саша все чаще стал задумываться об уходе на фронт добровольцем, в ряды тех, кто вел, как сказал Александр Твардовский, «...святой и правый, смертный бой не ради славы, ради жизни на земле!».

Матросов не раз обращался к воспитателям и учителям с просьбой помочь ему уехать добровольцем в действующую армию, заявляя: «Мое место на фронте, я должен быть сейчас там — драться с фашистами!» Ему спокойно разъясняли, что ребят его возраста в армию не призывают. Придется подождать. Но Саше не терпелось [illegible] осаждать военкомат и другие организации письмами с просьбой послать его на фронт. Чувствуя, что на месте [illegible] добиться осуществления своего заветного желания [illegible] Матросов решил обратиться с этой просьбой к наркому [illegible]. (Это письмо 20 марта 1958 года опубликовала [illegible] «Советская Башкирия».) Вот что писал Александр Матросов в этом письме:

«Дорогой товарищ Нарком. Пишет вам простой рабочий из города Уфы. Шести лет я лишился родителей. Будь это в капиталистической стране, мне грозила бы голодная смерть. Но у нас, в Советском государстве, позаботились обо мне, обеспечили образование и специальность слесаря в детской трудовой колонии. За все это я очень благодарен Коммунистической партии и Советской власти, и сейчас, когда наша Родина в опасности, я хочу защищать ее с оружием в руках.

Здесь, в Уфе, я трижды просился на фронт. Мне 17 лет. Я уже взрослый.

Я больше принесу пользы на фронте, чем здесь. Убедительно прошу Вас поддержать мою просьбу — направить на фронт добровольцем, и желательно на Западный фронт, чтобы принять участие в обороне Москвы.

А. Матросов».

Но и на этот раз Саше Матросову было разъяснено, что на фронт ему еще рановато. Всему свое время. Придется подождать. А помогать Родине бить врага, ковать победу можно и в тылу, так как фронт без крепкой поддержки тыла существовать не может.

Скрепя сердце Матросов согласился с этими доводами. Он систематически перевыполнял производственную норму в два-три раза. Его фамилия, как и прежде, не сходила с Доски почета. Саша жил сознанием, что он здесь, в тылу, держит необходимую оборону, приняв на еще не окрепшие плечи заботы по выполнению фронтовых заказов, что и он приближает день победы над врагом.

Он с волнением вчитывался в страницы летописи мужества и героизма советских людей, отстаивающих в жестоких боях с фашизмом свою Родину. Они, эти страницы, открывали юному Матросову великий нравственный смысл этой борьбы, силу человеческого духа, огромную любовь к своей Отчизне, пронесенную через огонь войны теми, кто, не щадя жизни, стоял насмерть под Брестом, Москвой, Ленинградом. Это давало ему возможность окунуться в атмосферу того сурового и героического времени, ощутить тяжесть ни с чем не сравнимых потерь и величие подвига Николая Гастелло, молнией бросившего с неба на врага свой пылающий самолет, подвига Зои Космодемьянской, принесшей на алтарь Отечества свою светлую юную жизнь, подвиг почти своего ровесника партизана Саши Чекалина и всех тех, кто в грозные и трудные годы войны помогал отцам, делил с ними тяжкую военную судьбу. Их подвиги, их мужество, их стойкость и верность долгу тоже легли на весы Победы.

Все эти факты и примеры помогали Саше Матросову решить для себя вопрос: каким быть, что любить и что ненавидеть, что утверждать и с чем бороться?

По свидетельству учителей Л. В. Карепановой и Л. И. Балакиревой, Саша Матросов размышлял над подвигом Зои Космодемьянской, которая, умирая, сохранила верность Родине, свое человеческое достоинство. Ей, конечно, не хотелось умирать, и только необходимость до конца оставаться человеком побудила ее к тому, что Зоя предпочла смерть предательству.

Эту мысль Матросов высказал, когда в классе читали в газете «Правда» статью Петра Лидова «Таня». И со сжатыми кулаками и навернувшимися на глазах слезами рассматривали фотографию Зои, замученную фашистскими палачами.

«Я помню, как сейчас, — вспоминала потом классная руководительница Лидия Ильинична Балакирева, которая была Сашиной духовной опорой, разумным и понимающим собеседником, — выражение лица Саши Матросова — скорбное и сосредоточенное. С каким напряжением смотрел он на страницу газеты «Правда» со статьей Лидова и фотографией Струшникова. Мы долго всматривались в девичье тело с откинутой головой,

с петлей на шее. Мы видели истерзанную молодость и стояли, подавленные, охваченные душившей ненавистью к жестоким врагам своим. Мы еще полнее узнали, что такое фашизм во всей его человеконенавистнической наготе.

Саша Матросов тогда порывисто, с болью прошептал: «Как она это выдержала и никого и ничего не выдала!»

После того классного часа Матросов не раз заводил речь с товарищами о подвиге Зои, восхищался ее бесстрашием и стойкостью. А вскоре принялся за составление альбома о героях-воинах. Он подбирал газетные и журнальные статьи, вырезал их портреты из журналов и любовно наклеивал на твердые листы плотной бумаги. Альбом получился содержательным и красивым. Саша отнес его в библиотеку. И эта книга-самоделка постоянно читалась кем-то из воспитанников, никогда не «отдыхала» на библиотечной полке.

Хорошо знавшая Сашу Матросова бывшая учительница географии и классная руководительница Лидия Ильинична Балакирева так характеризовала его:

«Матросов — это человек дерзкой смелости и раннего мужества, человек трудных жизненных дорог. Он был кристально честным человеком, не покрививший душой и мыслями ни при каких обстоятельствах. Даже в трудные минуты жизни ему не изменяло чувство оптимизма, глубокой веры в торжество правды. Саша становился непримиримее к несправедливости, добрее к добру. Трудности словно прибавляли ему силы, рождали мужество и стойкость. На крутых поворотах жизни как раз и проверяется человек, его истинные мысли, его совесть, его порядочность, его мужество, не показная, а идущая из глубины сердца верность родной земле и народу. Он не умел и не пытался казаться иным — ни лучше, ни хуже, не крошил он свою совесть на мелкие дольки...».

Верится, что, прикоснувшись к душевному миру Саши Матросова, молодые читатели, нынешние его ровесники, сегодня поглубже подумают об умении Матросова жить для людей, о его стойкости в то грозное и по-своему неповторимое время.

ЖАЖДА БЕСПОКОЙСТВА

Знойное лето 1972 года подходило к концу, но кругом еще было много зелени. И только по ночам выпадали холодные росы да в березовых ветвях отчетливее просвечивала желтизна.

В один из таких дней в конце августа я приехал в Каменку, что раскинулась на излучине Свияги, и остановился у малень-

лого домика с резными ставнями. У низкого заборчика цвели белые флоксы, а над ними наклонилась рябина, развесив гроздья у самых окон, распахнутых настежь. Ленивый кот, что лежал на крылечке, зевнул, выгнул спину и скрылся в кустах смородины.

Поднявшись на крыльцо, я постучал. За дверью зашаркали шаги, заскрипели половицы в прохладных сенях. Пожилая женщина вышла на крыльцо и, подслеповато щурясь, спросила:

— Вам кого?

— Вера Вячеславовна Соколова здесь живет? — спросил я.

— Входите, входите. Здравствуйте. А я без очков-то вас не узнала. По голосу угадала.

Мы прошли в комнату. На одном из простенков в легкой рамке увеличенная фотография Саши Матросова с голубем в руке. Этот снимок впервые был напечатан в августе 1939 года в районной газете «Путь Ленина» Ульяновского района.

Для бывшего завуча школы при Ивановском детском доме Веры Вячеславовны Саша на всю жизнь остался пятнадцатилетним. Голубоглазый паренек с челкой русых волос — такой он в памяти старой учительницы. Таким он смотрит с увеличенной фотографии. Будто замерло время и уберегло лицо Саши Матросова от морщин, не сгустились на нем тревоги — не успели...

Пристально всматриваюсь в знакомое мальчишечье лицо. Задумчивый взгляд добродушного паренька, и ничего еще нет в Саше от будущего солдата, который в битве с фашизмом проявил высочайшую стойкость духа...

Мы присели за небольшой стол напротив распахнутого окна. Вера Вячеславовна разложила перед собой альбомы, тетради, пачку фотографий — реликвии долгих школьных лет. Мое внимание привлекла большая фотография 1938 года. На фоне двух знамен группа воспитанников Ивановского детского дома.

— Это активисты совета детского дома, — пояснила Вера Вячеславовна. — Лучшие из лучших. Правофланговые. Среди них был и Саша. Вот он в самом центре фотографии. Здесь он сосредоточенный. Даже несколько строгий в своей любимой матросской бескозырке. Еще он любил носить буденовку, которую ему подарил бывший красноармеец, бакенщик Матвей Петрович.

Затем Вера Вячеславовна стала называть по именам сверстников Матросова, словно только вчера видела их в классе, беседовала с ними, проверяла выполнение домашних заданий. При этом давала им короткие, но точные характеристики. Этот отчаянный сорвиголова, тот — застенчив до робости. А потом память услужливо увела ее к тем дням, когда эти ребята лишь

переступили порог детского дома. Тогда воспитатели сталкивались и с затаенностью, и молчаливостью, озлобленностью, и, конечно же, с разобщенностью новичков. И, как бы подводя итог своим воспоминаниям, Вера Вячеславовна сказала

— Попробуй из таких создать единый, дружный коллектив. Не знаешь, как подступиться. Но, как говорится, глаза страшат, а руки делают. Начинали с главного: всячески старались отогреть души травмированных детей И прежде всего мягкостью, теплотой, материнским терпением, ненавязчивым, чутким проникновением в души воспитанников И тон в этом задавали директор детдома Петр Иосифович Макаренко и его заместитель по воспитательной работе Георгий Васильевич Старостин. И тот и другой стояли горой за то, чтобы в детском доме не было ни замков, ни крючков Они внушали [illegible] воспитанникам, что детский дом — это их собственный [illegible] А раз так, то зачем тут запоры? Да и от кого [illegible] Друг от друга? В хороших семьях так не бывает И [illegible] доверие, уважение к личности благотворно сказ[illegible] воспитанников. Да иначе и быть не мог[illegible] Он говорит само за себя.

И еще хочется подчеркнуть [illegible] сферу в работе воспитателей Ивановского [illegible] детей на личном примере.

Быть примером для все[illegible] общем труде. У нас приучали детей к тому, что [illegible] честно, без крика, терпеливо, без упреков.

И Вера Вячеславовна ра[illegible] таком курьезном случае, который произошел с Сашей [illegible]. Весной 1938 года Саша вызвался вспахать к [illegible] участком маленький участок для детдомовского огорода, который располагался на склоне. Пахал Матросов землю и до [illegible] Поэтому он умело запряг пару лошадей в плуг и принялся за работу. Едва Саша сделал три борозды, как на участке случайно оказался сам директор детдома Петр Иосифович Макаренко. Он остановил пахаря и поинтересовался: пахал ли Саша раньше этот взгорок. Тот ответил, что здесь он пашет впервые.

Тогда Петр Иосифович спокойно растолковал Саше, что этот взгорок надо пахать не сверху вниз, а вдоль склона. Иначе первые же дожди пошли бы ручьями по бороздам и смыли бы посев.

Смутившись от того, что не знал такой простой крестьянской истины, Саша тут же принялся перепахивать взгорок.

— Вот таким был Саша, — снова заговорила Вера Вячеславовна, вглядываясь в крутой берег Свияги, изрешеченный стри-

...ными гнездами.— Горяч по натуре и горяч в деле. Шустрый, как стриж...

Я посмотрел в окно на Свиягу, до которой было рукой подать. На фоне розовеющего вечернего неба с радостным писком резвились стрижи. Они то круто восходили в небо, потом кидались вниз, к земле, то наискось прочерчивали смелые дуги резких разворотов...

— Стриж рожден для полета, — снова заговорила старая учительница. — Полет — это его стихия. Очутившись на земле, стриж становится совершенно беспомощным. Он не может взлететь с земли: помехой тому — длинные крылья. Поэтому стрижи бросаются вниз из-под домовых карнизов или с уступов крутых берегов. Только очутившись в воздухе, стриж обретает стремительность полета. У Саши Матросова тоже была своя стихия — неуемность, жажда действия. И неукротимая страсть к чтению. С жадностью Саша погружался в неизведанный мир. Читал он много, быстро, но вдумчиво. Например, под воздействием прочитанного о легендарном Чапаеве Саша устоял от соблазна начать курить. Когда сверстники предлагали ему «подымить» самокруткой, он твердо отвечал: «Чапаев не курил, и я не буду». А ведь поступки — это зеркало поведения человека. В них спрессованы его мысли, чувства, мечты...

Рассказывала Вера Вячеславовна о Саше неторопливо, с интересными деталями, примерами. Умолкая, она задумывалась и перебирала фотографии, письма, поздравительные открытки воспитанников.

Она помнила, как однажды весной тридцать восьмого года в школьную библиотеку поступила партия книг, и среди них был темно-синий однотомник избранных произведений Марка Твена. Вот тогда-то Вера Вячеславовна и свела Сашу Матросова с храбрым и справедливым Гекльберри Финном. Крепко полюбил Саша его, как великого озорника и выдумщика, бескомпромиссного борца за справедливость и человеческое достоинство. Долго эта книга не возвращалась на библиотечную полку: Саша перечитывал ее страницы по нескольку раз, отдельные же главы о Геке читал вслух ребятам после школьных уроков. Это объяснялось еще и тем, что книга Марка Твена была в единственном экземпляре.

В те годы у Саши Матросова была еще одна страсть — любил разводить голубей. Именно по этой причине в августе 1939 года в детдом приезжал фотограф П. Заболотный, чтобы сфотографировать для районной газеты «Путь Ленина» юного голубевода Сашу Матросова. Этот снимок появился 8 августа. Под ним стояла подпись: «Голубевод А. Матросов».

Любовь к голубям у Саши была безудержной. Он в них душ не чаял. В феврале тридцать восьмого года вдруг ударили лютые морозы да к тому же еще загудела, закуролесила такая пурга, что из дома носа не высунешь. А на чердаке общежития жили голуби. Чтобы покормить их, надо было карабкаться по обледенелым и заснеженным ступенькам высокой лестницы без перил до слухового окна на чердаке. И Саша решился это сделать. Других же охотников лезть на чердак не нашлось: боялись упасть на обледенелой лестнице. Пурга куролесила почти четверо суток. За это время Матросов трижды лазил на чердак и кормил голубей.

Вскоре после этого произошел еще такой случай. Жил в Ивановке сралашный парень Семен Брюзгин. Односельчане прозвали его «Потрошителем». Семена в селе никто не любил. Особенно ребятишки из детдома. Потрошитель звал их беспартошной шпаной и безотцовщиной. Это очень обижало ребят и вызвало неприязнь к этому шалопаистому парню.

И вот однажды по деревне прошел слух, что Семен на колхозном гумне ловит голубей большой корзинкой и кормит ими своего Полкана.

Саша Матросов с Федей Хасановым решили выследить его, застать на месте преступления и сообщить об этом в сельский Совет. Несколько дней подряд они ходили на гумно, но все напрасно. Семен там не появлялся. Да и голубей не было: ометы соломы и ток, на котором молотили хлеб, были завалены снегом.

Встреча произошла неожиданно. Возвращались друзья как-то с лыжной прогулки мимо овчарника и вдруг увидели около кошары, где выгуливались овцы, Семена. Он сидел за небольшой копешкой соломы и держал в правой руке конец веревки, которая тянулась к корзине, что стояла около калды, подпертая легким колышком. Под корзиной, видимо, было рассыпано зерно. На прясле калды сидели голуби.

Брюзгин так увлекся ловлей голубей, что не заметил, как к нему подошли ребятишки.

— Ты что же это делаешь, живодер? Зачем голубей губишь? — гневно крикнул Матросов и, вскинув над головой лыжные палки, громко застучал ими. Голуби испуганно вспорхнули с прясел и закружились над кошарой.

Семен опешил от неожиданности, вскочил, потом, увидав, что перед ним «беспартошная шпана», оскалил зубы:

— А я думаю, кто такие? Что, молокососы, надо? А ну-ка, дуйте отседова, пока я вам лопухи не оборвал!

— Так мы тебя и напугались! — не отступал Матросов. — По-

...обуй только тронь! Безобразничаешь да еще грозишься. Сам ...ковыливай подобру-поздорову. Не дадим мы тебе голубями ...бяку кормить! — Саша, размахивая лыжной палкой, наседал ...ня Потрошителя. Федя Хасанов последовал его примеру.

— Но-но!.. Полегче, безотцовщина! Ишь размахались палками-то. Подумаешь, начальство какое нашлось, разгавкались! — Семен чуть попятился назад, рот его скривился, и он заорал:

— Ваши, что ли, голуби-то? Вы их разводили? Ага, лопухи зеленые, молчите! Они наши, общие. И вы мне не указывайте! Ловил и буду ловить!

— Мы тебе покажем, чьи голуби! — грозился Саша. — В сельсовете живо приструнят. Мы сейчас же пойдем к председателю. — Матросов поправил буденовку, сползшую на глаза, и обернулся к Хасанову: — Пойдем. Нечего зря с живодером разговаривать. Найдется и на него управа. — Матросов сердито погрозил Семену палкой и широко зашагал к Ивановке. А Феде тоже хотелось сказать что-то такое внушительное, но он ничего не мог придумать и только показал ему язык. Тот увидал это и взбеленился пуще прежнего:

— Ты еще насмешки строить, шпана! Я тебе покажу, как совать свой нос в чужие дела! Ты у меня запоешь! — Брюзгин сделал в сторону ребят рывок, но, не пробежав и десятка метров, остановился и повернулся к своей корзине. Но ему теперь было не до голубей...

Рассказав историю с голубями, Вера Вячеславовна прикрыла рукой глаза, задумалась. Потом тряхнула головой, твердо сказала:

— Я считаю, что основы добра, стойкости, душевной красоты, трудолюбия закладываются в раннем детстве. И при этом, конечно же, детям необходимо мудрое и доброе руководство взрослых. В этом отношении Саше Матросову повезло. С одной стороны, природа одарила его открытостью характера, добротой, даром сострадания, а с другой — Саша имел твердую нравственную опору в людях, у которых были добрые сердца и щедрые души.

Вера Вячеславовна задумалась, перебирая пальцами бахромку скатерти. Потом, словно вспомнив что-то, продолжила беседу.

— Однажды замечательный педагог Василий Александрович Сухомлинский высказал мысль о том, что воспитывает каждая минута жизни, каждый уголок земли, каждый человек, с которым формирующаяся личность соприкасается подчас как бы случайно, мимоходом.

Вера Вячеславовна, перелистав несколько страниц тетради, указала пальцем в середину листа и сказала:

— Читайте.

Среди отрывистых записей 1939 года я быстро отыскал знакомое имя: «Саша Матросов. В учебе прилежен. Способен. Начитан. Общителен и подвижен. Искренняя, открытая натура. Влюблен в природу. За общественные поручения берется с присущей ему горячностью. Любит отечественную историю, героику гражданской войны. Настойчив. Каждое дело доводит до конца...»

Короткие отрывистые записи в тетради Сашиной учительницы. И за каждым словом — раздумья над судьбой подростка, сложная работа по «шлифовке» граней характера. И эти усилия не пропали даром: Саша Матросов сохранил в себе заряд душевной активности, полученной в Ивановском детском доме, и тогда, когда встал в ряды защитников Отчизны.

— Детский дом для Саши — это начало начал, — сказала Вера Вячеславовна. — Первое пионерское поручение, первое собрание воспитанников, где Саша отстаивал свое мнение, первый раз пришедшее чувство ответственности за свои поступки — все здесь.

Слушая рассказ старой учительницы о Саше, не трудно было представить этого неугомонного, пытливого подростка, который на многих уроках задавал своим учителям беспокойный и требовательный вопрос — «Почему?». И большинство учителей стремилось разбудить мысль, а не загрузить память учеников.

Вера Вячеславовна оборвала рассказ, вынула из мягкого футляра очки, поднесла к глазам и пристально посмотрела на Сашину фотографию. Я понимал состояние собеседницы и не тревожил ее вопросами. Что-то глубоко волнующее было в этой далекой и вместе с тем такой близкой и дорогой Сашиной фотографии. Она для старой учительницы как бы ожила. Живые нити потянулись к далеким тридцатым годам, когда на ее глазах рос вихрастый мальчишка Саша Матросов.

Резко повернув голову в мою сторону, Вера Вячеславовна сказала:

— Я сейчас подумала о том, сколь это важно, чтобы в каждом детском коллективе были такие лидеры, как Саша. Он не хотел легкого пути и не искал его. Главное, к чему он стремился, — это делать все то, что надо для всех, для Родины. Он хотел пройти по жизни так, чтобы всюду, к чему прикоснется, остались бы добрые следы. Так оно и вышло. Саша Матросов — пример того, что человеческая жизнь измеряется не числом прожитых лет, а свершениями для людей.

...ие Жюль Верн, которым зачитывался Саша Матросов, ...л, что тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, ...смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица, ...способен к подвигу, потому что в нужный момент у него ...утся воля и силы его совершить.

...На мой взгляд, ярким примером верности и убедительности ...их слов великого фантаста является короткая, но яркая жизнь ...Сэши Матросова.

ИЗ РОДНОГО ГНЕЗДА УЛЕТАЕТ ОРЛЕНОК

Стояло тихое августовское утро 1940 года. Ни ветерка. Под деревьями у крыльца конторы Ивановского детского дома, в длинной прохладной тени, сидело на траве несколько работников детдома: воспитатель Г. Гаврилов, пчеловод А. Сироткин и другие. Мужчины дымили цигарками. Дым курчавился над головами, нехотя поднимался наверх и растекался по листве пыльных тополей и лип.

Около крыльца конторы, перешептываясь, стояли завуч школы В. Соколова, пионервожатая П. Кожевникова и Р. Родина, доярка А. Дубовенкова, врач Н. Осипова. Рядом с ними расположились воспитанники: кто на крыльце, кто на завалинке.

Все с любопытством поглядывали на окна и дверь конторы. Наконец в сенях конторы стукнула дверь. На крыльце появился старший пионервожатый детского дома Петр Петрович Федорченко и воспитатель Павел Петрович Резин. За ними, смущенные и грустные, шли отъезжавшие в распоряжение Куйбышевского облоно на трудоустройство воспитанники Саша Матросов, Алеша Аристов и Вася Глебов.

Вот настала и их очередь пополнить список «бывших» воспитанников Ивановского детского дома.

Петр Петрович весело поздоровался с собравшимися, кашлянул, потоптался на месте и тихо заговорил, как бы продолжая с ребятами беседу, начатую в конторе:

— Желаю вам, ребята, жить по долгу, по совести. Это значит — не быть равнодушным к тому, что происходит рядом. Надеюсь, что и там, в Куйбышеве, за порогом родного дома, вы будете работать на совесть. Старайтесь мерить свои поступки строгой мерой: день прожит — что ты доброго сделал для людей. Ведь по труду и человеку честь. Верю, что не утратите нашу, детдомовскую, закваску. Вы же рабочей косточки люди...

Петр Петрович умолк, облегченно вздохнул и улыбнулся. Он не любил словесных «фонтанов». И на людей, которые спо-

с ним были говорить длинно и цветисто, взирал с нескрываемым удивлением.

Глеб Федорченко умолк, как вокруг зашумели, заговорили, повернулись к ребятам. Пожимали им руки, обнимали, наперебой желали доброго пути.

Саша Матросов, взглянув грустными глазами на двухэтажное общежитие, на провожающих воспитанников, воспитателей и друзей, сказал взволнованно:

— Мир этому дому! А вам всего доброго. Спасибо!

Пестрая шумная толпа медленно двинулась к коновязи, где стояла любимая Сашина лошадь. Ласточка, запряженная в телегу на железном ходу. Юркий, с окладистой бородкой конюх дед Ефим поправлял на лошади сбрую. Вот он ловко подтянул чересседельник, снял со спины Ласточки [illegible] вожжи и, кряхтя, забрался на передок телеги. [illegible] за ним на подводу легко прыгнул Павел Петрович Р[illegible] и подвода тронулась. Вскоре распрощались со своими [illegible]ена и Вася и припустились догонять подводу. И [illegible] Матросов, обняв за плечи своего закадычного [illegible] Сашина, все еще продолжал шагать по родному [illegible]ку. Дорога вилась вдоль берега Дремы, к котор[illegible] подступали сады и огороды. Аромат созревших я[illegible] и мяты был необыкновенно силен. В зарослях [illegible] чуть дымилась прозрачным голубоватым ту[illegible] За плетнями, на самом берегу Дремы, кособочил[illegible]ные бани, притулившись под огромными кронами ветел[illegible]. Они уже были окрашены в густо-коричневый цв[illegible] под ними отливала омутной чернотой. И только в отдельных местах на гарях еще полыхал пурпурно-розовым цветом вымахавший в человеческий рост иван-чай, он же кипрей. А в Ивановке его называли еще дикой коноплей.

Какое-то время Саша и Миша шли молча, каждый думал о своем.

Перед мостом через Дрему, на взгорке, Саша остановился и взволнованно сказал:

— А теперь давай прощаться.

Они обнялись. Затем Саша порывисто отстранил от себя Мишу и припустился догонять подводу. Миша смотрел ему вслед до тех пор, пока Матросов не скрылся за косогором, где начинался лес.

Телега мягко катилась по затравеневшей проселочной дороге. Саша Матросов, свесив ноги с наклески, правил лошадью. Воспитатель Павел Петрович и конюх дед Ефим молча дымили цигарками. А Вася Глебов с Алешей Аристовым, забравшись

[illegible] в телегу, набитую душистым клевером, о чем-то оживленно беседовали.

Тихое, росное утро. Позади телеги в густой, перестоявшейся траве оставался темный след. Ноги Ласточки почти до колен были мокры.

Призадумавшись, Матросов взял былинку клевера и стал жевать ее, изредка поглядывая на ивановские перелески. Они стояли веселые, яркие.

А над ними синело высокое, ясное небо. Ивановка была уже далеко и казалась маленьким разноцветным лоскутком среди золотистого жнивья.

Долгое молчание прервал Саша:

— Да вы никак задремали, Павел Петрович. Вы, может, знаете, когда в Жигули прибудем. Ночью или днем?

— Скорее всего под утро, — ответил Павел Петрович.

— А пароход там не пристает?

— Да вроде нет. А что?

— Жаль, — вздохнул Матросов, — я бы на Царев курган сходил. На нем будто бы свои планы, как бить бар-бояр, Степан Разин обдумывал. Об этом даже в песне поется: «Лишь один человек на утесе том был...» Один — это Степан Разин. Интересно...

Телега прогрохотала по гнилому деревянному мосту через безымянный ручей перед выездом из села Грязнуха. Вскоре колея свернула влево и заспешила вдоль Свияги.

За околицей Грязнухи (теперь село Луговое) дед Ефим взял из рук Саши вожжи и свернул к ручью, сказав:

— Перед городом покормим Ласточку.

Саша быстро распряг Ласточку, стреножил ее и пустил пастись на луговину. Шумно пофыркивая, лошадь начала хрумкать сочной травой.

Павел Петрович с ребятами присели на берегу ручья. Вскоре раздался хрипловатый голос деда Ефима:

— Прошу к моему шалашу. Вот тут старуха мне полную торбу натолкала. Давайте перекусим, чем она сподобила.

Все пошли к телеге, стоявшей под огромной раскидистой липой. Сначала ели молча.

Но вот Матросов посмотрел в сторону Свияги и сказал:

— Тут поблизости, в балке, есть родник. Мы из него воду брали, когда в позапрошлом году около Свияги наш пионерский лагерь был. Ох и вода хорошая. Люблю я эти места. Сколько раздолья! Я схожу к родничку и заодно Ласточку приведу.

Он взял уздечку и побежал на луговину, где паслась лошадь. Саша Матросов обротал Ласточку, распутал ее и, ухватив-

шись за холку, легко вскочил на спину, направил лошадь к родничку.

Тропинка шмыгнула в мелкий тальник, и вскоре в полугоре Саша увидал родник, от которого бежал ручей. Над водой тихо нудились комары, на листья кувшинок неуклюже вскарабкались лягушки. Из-под ног Ласточки сразу накатилась дремотная погребная сырость и запах полыни. Низко опустила ветки ольха словно хотела зачерпнуть в пригоршни воды, а трава кругом немятая и сочная. Родник бил из расщелины осыпавшейся кручи, и родниковая струя неумолчно звенела, падая из желобка в округлый бочажок, переполненный искристой водой. Струя игриво брызгала на белый камень. А валуны на дне родника были в ярко-зеленом мху, и его тихонько колыхало течение. Когда-то, давным-давно, под кручей была березовая рощица. Но деревья отжили свой век, состарились и высохли — не осталось от них и пенечка. Лишь одинокая береза доживала свою седую старость.

Саша подвел Ласточку к этой березе, у корней которой звенел и булькал ручеек, и стал поить лошадь. Ласточка пила медленно, тихо пофыркивая. Напившись, Ласточка потянулась к сочной траве. Саша дернул ее за повод, Ласточка, подвел поближе к роднику и, опустившись на колени, припал к воде. Он пил длинными глотками студеную и вкусную воду.

От родника Саша отъехал шагом. Яркое солнце било в глаза. Матросов щурился, отводил глаза в сторону. Лошадь выбралась из кустарника, и Матросов, рванув поводья, пустил ее с места в карьер. Вскоре он спешился около телеги и с грустью сказал:

— Это я на прощание. А то, кто знает, скоро ли увижусь с Ласточкой.

Он помог деду Ефиму запрячь лошадь и снова забрался в передок телеги и взял в руки вожжи. Поскрипывая, телега покатилась по мягкой луговой дороге, которая петляла по низкорослым седым ивнякам. То там, то здесь встречались куртинки ярких мальв и кусты бузины с тяжелыми гроздьями красных ягод. Слегка поскрипывали колеса, монотонно стучали копыта Ласточки по накатанной дороге.

С телеги Саша видел за буйно разросшимся ивняком зеленый широкий луг, а еще дальше, сквозь курчавые ивы, проглядывала голубая гладь Свияги. Склонив голову, Ласточка бежала резво, и Саша опустил вожжи.

Вот уже и знакомый заброшенный вырыпаевский сад, куда Матросов иногда приходил с ребятами из пионерского лагеря полакомиться черной смородиной и вишней. Вскоре бывший

...ческий сад уперся в огородные прясла: начиналась околица Нарышевки. А от нее до Ульяновска рукой подать.

Саша забрался в телегу с ногами и встал на колени. Город стал виднее. Из него доносился утренний гомон. Слышно было лязганье вагонных буферов и короткие пронзительные гудки маневровых паровозов на железнодорожном вокзале в Киндяковке. Рядом с вокзалом, над Свиягой, взмыла стая диких уток и быстро исчезла в легком тумане. На душе у Саши было просторно и светло.

Задумавшись, Саша не заметил, как лошадь, не чувствуя вожжей, слегка свернула с дороги и потянулась к высокой нескошенной овсянице. Дед Ефим спросил:

— Вздремнулось, что ли, Саша?

Матросов как ужаленный вскочил на ноги, стегнул лошадь вожжами.

— Но-о-о, блудливая! — задорно крикнул он на лошадь, будто она была виновата в его оплошности.

Ласточка, всхрапывая, машисто помчалась под уклон к мосту. Сначала все шло хорошо, но, как только спуск пошел круче и подвода начала наседать на лошадь, та уперлась, задрала голову и испуганно захрапела.

Испуг Ласточки насторожил деда Ефима, и тот тихо, успокаивающе заговорил:

— Держи, держи, Ласточка. Держи, касаточка. Еще немного...

Ласточка все больше и больше приседала на задние ноги. Подвода катилась по широкой обочине, а внизу дорога взбегала на бревенчатый мост через Свиягу. Саша крепко натягивал вожжи и срывающимся голосом успокаивал лошадь:

— Держи-и-и, Ласточка! Держи!

Вот и мост, совсем близко. Только бы успеть свернуть на него. Саша потянул за правую вожжу, все его силы были в этом напряжении. Ласточка резко взяла вправо, и почти в ту же секунду колеса загрохотали по бревенчатому настилу моста.

Как только опасность миновала, Саша сел на мягкий клевер и смахнул со лба капельки пота. Руки дрожали. Дед Ефим обнял Сашу за плечи и вздохнул с облегчением:

— Ну, пронесло. А я уж хотел сам за вожжи браться.

Саша горячо выдохнул:

— Напугался я, дед Ефим, до смерти. Ну, думаю, разнесет Ласточка подводу вдребезги...

— Я пуще твоего всполошился. Когда ты к мосту летел, я аж глаза закрыл. Ну, думаю, все. Хотел крикнуть: прыгайте, мол, ребята. А ты вон как здорово вывернулся! Молодец!

— Да уж чего там. Вот сдрейфил здорово. Это точно. Ничего не помню. Все как во сне, — махнул рукой и сурово сдвинул черные брови Саша.

Между тем подвода миновала мост и затарахтела по булыжной мостовой. Дорога пошла в гору по узкой улочке, что тянулась вдоль оврага, по дну которого тоненьким ручейком струилась речушка Симбирка. Все, кроме деда Ефима, спрыгнули с телеги. Конюх в левой руке держал вожжи, а в правой толстую цигарку. Делая редкие, но глубокие и шумные затяжки, дед Ефим, обращаясь к Павлу Петровичу, гудел своим густым басом:

— Ну, вы тут делайте свое дело, а я поеду к своему знакомому. Второй дом по Пожарному переулку, напротив монастырской стены. Да вы были там. Помните?

Павел Петрович согласно кивнул головой, а дед Ефим тряхнул вожжами, и телега, грохоча по булыжнику коваными колесами, вскоре скрылась за углом Банного переулка.

С крутого, обрывистого берега Симбирки хорошо было видно все Засвияжье: и деревянный мост через Свиягу, и приземистые домики Конной слободы, и уходящая вдаль серая лента пыльного Московского тракта.

Матросов, приложив ладонь козырьком к глазам, пристально всматривался в заросшие тальником берега Свияги. Он знал, что где-то здесь любил купаться Володя Ульянов со своим дружком Мишей Кузнецовым. Наконец Саша отвел ладонь от возбужденного лица и спросил Павла Петровича:

— А Володя Ульянов в Волге купался?

— А как же, — живо ответил воспитатель. — Но чаще Володя купался на Свияге: эта речка ближе от их дома. — И, помолчав, сказал:

— Ну, ребята, сначала посетим Дом-музей Владимира Ильича. А потом сходим на Венец.

Внимательно оглядываясь по сторонам, мальчишки еще издали увидали за строем высоких тополей небольшой деревянный дом, в котором долгое время жила семья Ульяновых...

Из дома-музея ребята вместе с Павлом Петровичем пошли на Венец.

С высокого зеленого Венца ребята с каким-то душевным трепетом и благоговением, молча, глядели на синюю ширь Волги, на песчаные отмели острова Середыш.

А Саша Матросов даже забрался на чугунную ограду и стал из-под руки глядеть на юг, туда, где на горизонте сливалась, сливаясь с небом, неровная полоска Жигулей. Туда, вниз по Волге, плыли плоты, и на них дымились костры. А в подгорье, около

...елезнодорожного моста, черными точками застыли на волж-
...ой воде рыбачьи лодки. Все дышало покоем, каким-то ласко-
...м умиротворением.

Вдруг Матросов отвел от глаз ладонь, спрыгнул с ограды и ...казал задумчиво:

— А ведь когда-то вот здесь, у этого берега Волги, ватаги Степана Разина сражались с войсками воеводы князя Барятинского. К сожалению, повстанцы были разгромлены. А знаете, как расправились с ними царские сатраны. Для устрашения народа на целую версту вон по этому берегу они поставили виселицы...

Саша сел и, покусывая губы, замолчал. Чувствовалось, что ему вдруг стало необъяснимо грустно, словно он предчувствовал, что покидал эти дорогие его сердцу места надолго, может быть, навсегда...

ЛИЦОМ К ОГНЮ

Кому не известен легендарный гвардии рядовой Александр Матросов, его звездный час — бросок в бессмертие!

Больше четырех десятилетий минуло с того морозного и метельного февральского дня, когда за околицей деревни Чернушки остервенело прозвучала пулеметная очередь из фашистского дзота, оборвавшая короткую, но яркую жизнь девятнадцатилетнего комсомольца.

А было это так. 30 ноября 1942 года был самый памятный день в жизни Саши Матросова. Незабываемый, неповторимый день, когда ему, курсанту Краснохолмского пехотного училища, был вручен комсомольский билет.

В те дни на всех фронтах шли ожесточенные бои, и Саша начал подавать командованию училища рапорт за рапортом с просьбой отправить его добровольцем на фронт. Почему он, молодой курсант, которому еще следовало учиться более трех месяцев, рвался на фронт? Прежде всего потому, что иначе поступить он не мог. Он добился своего — попал добровольцем в 91-ю отдельную стрелковую бригаду, сформированную в 1942 году в Новосибирской области из добровольцев-сибиряков.

После ожесточенных боев на Калининском фронте эта бригада в конце декабря 1942 года была выведена на короткий отдых и пополнение в район станции Земцы, которая находилась на псковской земле. Вот туда-то ранним морозным утром 5 февраля 1943 года и прибыло новое пополнение, в составе которого были и добровольцы — курсанты Краснохолмского военно-пе-

лотного училища А. Матросов, М. Бардабаев, А. Орехов, А. Воробьев, А. Матвеев. В тот же день все они получили направление во 2-й стрелковый батальон к капитану-коммунисту, участнику боев под Смоленском и Москвой еще в первые месяцы войны, Степану Алексеевичу Афанасьеву, его заместителю по политической части капитану Василию Николаевичу Климовскому, начальнику штаба старшему лейтенанту Григорию Сергеевичу Артюхову.

Начальник штаба направил Александра Матросова и несколько его товарищей по Краснохолмскому училищу в роту автоматчиков во взвод, которым командовал лейтенант Леонид Семенович Королев. Саша Матросов остался весьма довольным этим решением. Он с гордостью говорил: «Поплыл туда, куда хотел!»

И вот 12 февраля 1943 года части 91-й отдельной стрелковой бригады добровольцев-сибиряков, отдохнувшие, пополненные личным составом и вооружением, выступили на фронт. Ей предстояло совершить более чем [illegible]-километровый марш севернее Великих Лук. Отступавшие [illegible]ские части цеплялись за каждый выгодный рубеж, [illegible] дополнительные укрепления: строили доты, густо [illegible] лесные завалы, устанавливали бронеколпаки, оборуд[illegible] артиллерийские и минометные огневые позиции. Каждую [illegible]у гитлеровцы превращали в опорный пункт.

Одним из таких сильно укрепленных участков фронта в районе речки Локни у фашистов был опорный пункт в Чернушках. Вот здесь-то сибирякам-добровольцам и предстояло прорвать оборону врага и выйти на линию железной дороги Локня — Насва. Отсюда открывался путь в Прибалтику.

Добровольцы-сибиряки шли по следам врага. Было очень снежно. К тому же часто менялась погода: то наступала оттепель и начинал валить мокрый снег, то ударял такой мороз, что солдатское обмундирование превращалось в ледяную броню. Но солдаты и офицеры мужественно переносили трудности марша. В уцелевших деревнях их встречали измученные неволей жители. Входили сибиряки-добровольцы и в сожженные, разрушенные, безлюдные деревни, жутко зияющие черными пустотами окон. Бросались в глаза закопченные остовы русских печей. Бойцы не раз видели истерзанные тела молодых женщин и девушек.

Видя все эти зверства фашистов, Матросов говорил своим товарищам: «Я знаю, как вести себя с ними. Бить, уничтожать, гнать захватчиков с земли нашей. Бить смертным боем!»

За многодневный переход Матросов очень устал, у него по-

...скались губы, а бессонница воспалила глаза. Иногда Саше ...залось, что он так устал, что больше не сделает ни шагу. Но, ...брав в комок свою волю, стойкость брала верх над слабо-...ю, и он упрямо шел вперед.

А на пути все чаще встречались страшные картины опу-...шения. Фашисты сожгли деревни Михан, Сивцево, Клетищи, ...лушу, Пахомово... В деревне Осипово в одном из немецких ...ишлажей наши бойцы обнаружили трупы восьми русских де-...шек, изнасилованных и зверски замученных гитлеровцами...

Потрясла Сашу и такая картина: в одной уничтоженной гит-...еровцами деревушке в трех печах, стоявших на месте сож-...ных изб, женщины варили обед. А на одной из этих печей, ...жавшись к трубе, сидели притихшие, нахохлившиеся два ...лыша, закутанные в какое-то тряпье.

Матросов и его боевые друзья А. Воробьев и М. Бардабаев ...здрогнулись: они не видели ничего страшнее. Матросов ска-...зал тогда, обра...ившись к товарищам: «Вот им так трудно. Труд-...нее, чем нам. Фашистским гадам мы это припомним...»

Рано утром 20 февраля 1943 года части 91-й бригады сибиряков-добровольцев перешли по льду речку Ловать и расположились в большом Ломоватом бору.

Короткую передышку перед боем командование второго стрелкового батальона использовало для уточнения системы обороны врага, детально разрабатывало план предстоящего наступления, проводило большую работу с личным составом.

Являясь агитатором своего взвода, Александр Матросов проводил с бойцами политинформации, беседы на военно-патриотические темы, читал отрывки из книги Н. Островского «Как закалялась сталь» и поэмы М. Алигер «Зоя». Саша взволнованно говорил о мужестве и стойкости восемнадцатилетней московской школьницы Зои Космодемьянской.

— Вспомним,— продолжал Матросов,— как Зоя вела себя под изощренными пытками фашистов. Враги пытались получить от Зои сведения о партизанах. Ее избивали, раздетую и босую часами заставляли ходить по снегу, водили по ее спине пилой... И Зоя выдержала. Она никого не предала. Потому-то Зоя сохранится в народной памяти навсегда. Так будем же и мы, молодые наследники Зои, следовать ее примеру.

— Иногда свой рассказ о подвиге юной партизанки Зои Космодемьянской,— вспоминает фронтовой друг Матросова Александр Воробьев,— Саша сопровождал чтением наизусть отрывков из поэмы М. Алигер «Зоя». Эту поэму Саша Матросов первый раз прочитал еще осенью 1942 года в «Комсомольской правде». В то время мы с ним учились в Краснохолмском пехотном

училище. Он особенно любил строки поэмы, обращенные к советским воинам. При чтении его звонкий голос звучал страстно, призывно:

Русский воин, юноша, одетый
В справедливую шинель бойца,
Ты обязан помнить все приметы
Этого звериного лица.
Ты его преследовать обязан,
Как бы он ни отступал назад,
Чтоб твоей рукою был наказан
Гитлеровской армии солдат...

В короткие минуты отдыха Саша организовывал своеобразную солдатскую художественную самодеятельность в своем взводе, был его душой, запевалой в прямом и переносном смысле.

Фронтовой друг Матросова и однокурсник его по Краснохолмскому училищу Александр Матвеев в 1943 году во фронтовой газете «Красноармейская правда» в заметке «Запевала» писал: «Мой друг Саша Матросов был запевалой во всем: в работе, в учебе, в бою и, само собой, в песне. Пел он с душой. И голос у него был приятный — не сильный, но такой, что хотелось слушать без конца».

К работе агитатора взвода Матросов относился с большой ответственностью и добросовестностью: имя комсомольца теперь ко многому обязывало. Беседы свои старался строить яркими, доходчивыми, эмоциональными. Он был подготовленным бойцом. По свидетельству многих преподавателей Краснохолмского пехотного училища, Александр Матросов был самым начитанным курсантом, умел подчинять самовоспитанию волю, трудолюбие...

Второй стрелковый батальон капитана Афанасьева действовал на главном направлении: перед ним была поставлена задача разгромить опорный пункт гитлеровцев в деревне Чернушки. Фашисты опоясали эту маленькую лесную деревушку трехрядным кольцом проволочных заграждений, а подступы к своим траншеям и боевым порядкам густо заминировали. На всех высотках западной окраины Чернушек оборудовали пулеметные гнезда и огневые позиции минометов, а восточную прикрывали искусно замаскированные дзоты. К тому же местность здесь лесистая и болотистая. А это затрудняло проход наших танков.

В канун 25-й годовщины Советской Армии, 22 февраля, комсомольцы второго стрелкового батальона провели собрание, которое открыл секретарь комсомольской организации батальона лейтенант Татарников. Он предоставил слово командиру баталь-

я капитану Афанасьеву. Комбат коротко рассказал о задачах
едстоящего боя, о сложности прорыва обороны противника и
лбо подчеркнул, что в этой обстановке каждому бойцу нужно
ействовать смело, осмотрительно, проявлять находчивость и
четку, ибо успех каждого боя зависит от решительных и со-
ласованных действий каждого бойца, от товарищеской поддерж-
и друг друга и взаимовыручки в бою...

На этом собрании выступил и Александр Матросов.

— Товарищи! — тихо начал он, потом как-то разом поднял голос до высокой ноты,— завтрашнее наступление для многих из нас первое боевое крещение. Но я уверен, что воевать будем храбро, смело и выполним боевой приказ. Я клянусь, что буду драться с фашистами, пока мои руки держат оружие, пока бьется мое сердце!

Речь его была краткой, но вдохновенной. И закончил он ее под общий гул одобрения...

Остаток дня 22 февраля Саша Матросов провел в своей землянке. Он осмотрел автомат, проверил боеприпасы, почистил амуницию и уже под вечер оставил землянку. Вышел и зажмурился: его ослепило сверкание сугробов под лучами закатного солнца. Поднявшись на холмик, Матросов остановился и повернулся лицом в сторону переднего края обороны противника.

Там стояла удивительная тишина. Даже не верилось, что завтра рано утром все тут придет в движение. Над лесом поднимутся мертвенно-бледные сполохи ракет, воздух пронижут разноцветные пунктиры трассирующих пуль, от взрывов снарядов содрогнется и взлыбится черными фонтанами земля. А сейчас было очень тихо, фашисты словно вымерли.

По лесу начали бродить сумерки. Густые, мохнатые, они лениво заползали в низины, растекались по просекам, по ходам сообщения. С наступлением сумерек мороз усилился, в воздухе замельтешили редкие снежинки, по гребням сугробов заметалась поземка. Матросов вернулся в землянку. Он разделся и устало сел на нары. Кое-кто из его друзей уже спали, а человека три сидели около печки и курили, тихо переговариваясь. Так они беседовали минут пять-десять, пока цигарки не стали жечь их заскорузлые, пожелтевшие от табака пальцы. Бросив в печурку окурки, они разошлись по своим нарам, а Матросов взял чистый листок бумаги, примостился около мигалки за наспех сколоченным столом и начал писать письмо:

«Дорогая Лида! Только что закончилось комсомольское собрание. Комбат сказал: «Отдыхайте лучше, завтра бой». А я не могу уснуть. Много думаю о тебе. Вот и сейчас хочется поговорить с тобой обо всем, что чувствую, что переживаю...»

Пока Матросов писал письмо, в лесу разыгралась метель. Ветер гудел в вершинах Ломоватого бора, снег заваливал окопы и хода сообщения.

Саша свернул письмо треугольником, прислушался к завыванию вьюги и, дунув на «гасилку», лег на нары. В землянке заметно стало холоднее: значит, мороз усилился...

Ночь прошла тихо, без единого выстрела с обеих сторон. Все началось на рассвете 23 февраля. Капитан Афанасьев поднял по боевой тревоге свой батальон и стал выдвигаться на исходные позиции для наступления на деревню Чернушки. Идти было трудно: мешал глубокий снег, бездорожье. Солдаты почти всю боевую технику несли на руках и плечах. Но вот наконец то батальон достиг зарослей черной рощи и стал готовиться для внезапного броска на вражеские траншеи. И вдруг необычная тишина была взорвана разноголосым грохотом наших пушек и минометов. Где-то за лесом, за спинами бойцов, приготовившихся к атаке, «заиграла «катюша». Это началась артподготовка. А когда пушечный грохот стал стихать, в серое небо взвились красные ракеты — сигнал к атаке. И тут же загремело дружное «Ура-а-а!». Наша артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника. А вскоре, словно опомнившись от внезапного нашего удара, противник суматошно обрушил на атакующих ответный огонь. Ожили и яростно застрочили из тщательно замаскированных дзотов фашистские пулеметы, обрушив на наступающих шквал свинца. Батальон попал под фланговый огонь. Наши бойцы залегли. Комбат Афанасьев приказал штурмовым группам во главе с сержантами Губиным и Донским подавить два вражеских дзота. Задача была выполнена. И снова возобновился штурм Чернушек. Бой принял ожесточенный характер. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, а вскоре перешли в контратаку. В самый напряженный момент боя среди советских солдат появился капитан Афанасьев и возглавил отражение контратаки. Но вскоре разрывная пуля ударила его в бедро. Ему на помощь поспешили Матросов, Бардалокушу и потащили в тыл. Заметив это, гитлеровцы бросились их преследовать. Матросов крикнул:

— Нас атакуют! Бей фашистов!

Наши бойцы открыли по гитлеровцам плотный огонь и обратили их в бегство. Тогда боем стал руководить начальник штаба старший лейтенант Григорий Сергеевич Артюхов. Своим связным он назначил Александра Матросова.

Бой продолжался. Фашисты яростно сопротивлялись, но атакующие шаг за шагом приближались к Чернушкам. И в это

мя Артюхов был ранен в руку, но поля боя не покинул, а
должал руководить батальоном. Наступательный порыв
ших бойцов усилился, и казалось, что советские солдаты вот-
от ворвутся в Чернушки. До деревни оставалось несколько сот
етров. Вот тут-то и дал о себе знать тщательно замаскирован-
ий трехамбразурный дзот фашистов, который прикрывал под-
ступы к Чернушкам. Наступление приостановилось. И тогда
старший лейтенант Артюхов отдал приказ трем автоматчикам
олзти к дзоту и забросать его гранатами.

Автоматчики, плотно прижавшись к земле, медленно по-пла-
стунски поползли на мерцающий огонек пулемета. Но вдруг
ди из них ткнулся лицом в снег и застыл на месте. Второй
торой был изрешечен пулеметной очередью. Не достиг цели и
тий автоматчик. Проклятый дзот продолжал вести губитель-
ий огонь, вырывая из цепи наступающих одного за другим
ших бойцов...

Но приказ о взятии Чернушек должен быть выполнен. А на
пути к этой цели стоял трехамбразурный дзот. Его во что бы
то ни стало надо уничтожить. И снова Артюхов решил послать
трех автоматчиков, чтобы они подавили дзот. Но и эта атака
автоматчиков окончилась безуспешной. Матросов видел, как пуб-
ли его однополчане. Он весь напрягся. Жгучая ненависть к за-
хватчикам переполнила его сердце. Матросов понимал, что, если
дзот не уничтожить, батальон не прорвется в Чернушки. А этого
допустить нельзя. Приказ есть приказ и он должен быть выпол-
нен во что бы то ни стало!

Командир еще не выбрал, кого послать сделать это. Но Матросов сердцем и разумом своим ощутил, что именно он должен выполнить приказ. Ведь от успешного решения этой задачи зависят жизни десятков людей, которые лежат перед окопами врага, зарывшись в снег и не смея поднять головы.

И вот тогда он умоляюще взглянул на Артюхова:

— Разрешите мне, товарищ старший лейтенант.

Артюхов изучающе посмотрел на молодого солдата, видно обдумывая его просьбу, затем решительно махнул рукой:

— Действуй!

Матросов выбрался из окопа и, бороздя рыхлый снег, по-пластунски пополз там, где был густой заснеженный кустарник. Продвигался он осторожно от сугроба к сугробу, умело маскируясь в кустарнике. А по Сане непрерывно бил и бил пулемет. И вот когда до дзота было совсем близко, Матросов поднялся на локоть, размахнулся и швырнул одну за другой две гранаты. Пулемет умолк. Матросов вскочил и кинулся к дзоту, увлекая за ним с криком «Ура» поднявшихся в атаку его однополчан.

не. Но в эту минуту снова остервенело заработал пулемет. Плотно прижавшись к земле, Матросов вскинул автомат и дал по амбразуре длинную очередь, но фашисты продолжали стрелять. Саша еще дал две короткие очереди по амбразуре, а пулемет не умолкал. Матросов совсем был близко от дзота, и фашистские пули уже не могли его достать. Саша навел автомат на полыхающую огнем амбразуру и нажал спусковой крючок автомата. Выстрелов не последовало. Автоматный диск был пуст. А враг все строчил и строчил из пулемета, прижимая пехоту к земле.

Однополчане затаив дыхание напряженно следили за каждым движением Матросова. И вдруг они увидели: Саша встал в полный рост лицом к пулеметному огню, вскинул над головой автомат и бросился на амбразуру дзота. Пулемет умолк...

Потрясенные мужественным поступком своего товарища, бойцы в едином порыве бросились в атаку. Через несколько минут вражеская оборона в Чернушках была разгромлена.

Так в морозный и вьюжный день 23 февраля 1943 года в 11 часов 15 минут совершил свой бессмертный подвиг гвардии рядовой Александр Матросов.

Лаконично и емко о подвиге Александра Матросова сказал трижды Герой Советского Союза маршал авиации Александр Иванович Покрышкин: «Матросов, пожертвовав собой, спас десятки жизней, обеспечил успех боевой операции. Причем, вспомните, как расчетливо действовал Герой. Он не подвергал себя случайному риску, не бравировал своей храбростью. Настоящий героизм проявляется вовсе не в том, что люди не считаются с опасностью. Саша это отлично понимал и действовал с предельной осторожностью, трезво учитывая опасность, и бросился на амбразуру дзота только тогда, когда исчерпал другие возможности подавить огневую точку врага»[1].

Героический подвиг воспитанника Ивановского детского дома Ульяновской области Александра Матросова был не внезапным порывом — он был подготовлен множеством честных и бесстрашных поступков в довоенной и фронтовой жизни Героя. Не жажда славы позвала Сашу Матросова на ратный подвиг, а верность Отечеству, любовь к родной земле приказали ему встать в полный рост и грудью броситься на изверга ющий смерть вражеский дзот.

Тут же, после боя, агитатор политотдела старший лейтенант Петр Ильич Волков в своем донесении начальнику политотдела 91-й бригады добровольцев-сибиряков сообщил: «Нахожусь во

---

[1] Комсомольская правда, 1970, 24 мая.

горым батальоне. Наступаем. В бою за д. Чернушки комсомолец Матросов, 1924 года рождения, совершил героический поступок — закрыл амбразуру дзота своим телом, чем и обеспечил продвижение наших стрелков вперед. Чернушки взяты. Наступление продолжается. Подробности доложу по возвращении».

Маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко, в ту пору командовавший войсками Калининского фронта, в представлении Александра Матросова к званию Героя Советского Союза писал: «Бессмертен человек, презревший смерть во имя жизни. Бессмертно дело, которое поднимает человека на такой подвиг».

Да, в жизни нередко случается такое: бьет час и приходится решать человеку — шаг вперед или шаг назад. Гвардии рядовой Александр Матросов не отступил, не отвернул лица от огня, а пошел навстречу смертоносному пулеметному огню...

ПОДВИГУ ЖИТЬ

(эпилог)

Есть люди, имена которых бессмертны. Они дороги современникам и потомкам, почитаемы каждым, кто высоко ценит славные страницы истории родного народа. Знаешь их дела, представляешь черты лица, свойства характера — все это так знакомо, близко, словно этот человек всю жизнь идет с тобой рядом, как старший товарищ, как верный испытанный друг.

Александр Матвеевич Матросов — один из них. Давно стали уже седыми его сверстники, участники боевых походов времен Великой Отечественной. Но Александра Матросова трудно представить поседевшим. Он предстает перед нами юным, таким, каким совершил свой ратный подвиг 23 февраля 1943 года у деревни Чернушки.

Пристально глядят с фотографии его глаза, живые, знакомые, как могут быть знакомы глаза очень близкого человека. И тут же ловишь себя на мысли: ну, конечно, он и сейчас с нами! Саша Матросов не искал славы, он пришел к ней самым коротким и самым святым путем. Его подвиг длился несколько секунд, жизнь — всего девятнадцать лет. Имя его будет жить вечно.

В чем же изначальный смысл подвига? Почему и по прошествии многих лет со дня своего свершения он светит живущим, как пылающий факел, волнует нас так, будто были мы непосредственными его свидетелями? Что в наибольшей степени потрясает наше воображение? Смелость? Мужество в наивысшем

ское проявление? Необычная сила духа? Разумеется, и они тоже. Но несомненно, основным качеством, превращающим человеческие деяния в подвиг, в легенду, живущую в гуще народа, в рассказах ветеранов, является готовность отдать жизнь за свой народ. Жертвовать собой ради справедливости. Ради жизни на земле.

Через пять лет после бессмертного подвига, в июле 1948 года, прах Матросова из Чернушек был перенесен в Великие Луки и захоронен невдалеке от реки Ловати, на заречной стороне города, в молодом парке. А в 1954 году на этом месте был поставлен памятник Александру Матросову. Скульптор Е. В. Вучетич изобразил Героя во весь рост, с автоматом в правой руке, подавшимся вперед. Это последнее мгновение перед броском в бессмертие. В этом порыве Александр Матросов запомнился всему миру и стал символом верности Родине, бесстрашия и мужества.

Недалеко от памятника гвардии рядовому, установленному на его могиле, воздвигнуто в августе 1971 года красивое мемориальное здание музея боевой и трудовой комсомольской славы имени Александра Матросова. На втором этаже музея на мраморном возвышении под стеклом хранится самый дорогой экспонат — комсомольский билет № 17251590, выданный Александру Матросову 30 ноября 1942 года.

В этом музее имеется стенд, рассказывающий о жизни и бессмертном подвиге комсомольца Матросова.

Со всех концов страны приезжают сюда юноши и девушки, бывшие воины, дети.

Благоговейно слушают они экскурсовода, и предстает перед ними образ Александра Матросова, смертью поправшего смерть и подвигом бесстрашия и преданности Родине утвердившего свое бессмертие.

Торжественным и скорбным молчанием чтят они память павших в боях за свободу и независимость Родины: никто не забыт, ничто не забыто!

Имя Александра Матросова носят совхозы, парки, улицы, пионерские дружины, воинская часть. Это единственная во всей Советской Армии часть, которая носит имя своего рядового.

В первой роте, в которую навечно зачислен гвардии рядовой Александр Матросов, во время утренних и вечерних поверок первым выкликается имя Матросова. Вся атмосфера жизни и учебы роты пронизана чувством высочайшей готовности к подвигу.

А значит, Матросов жив! Поскольку жизнь его продолжена подвигами других. Именно поэтому непобедима Россия.

Историки Великой Отечественной войны находят новые свидетельства о многих подвигах рядовых, сержантов, офицеров, повторивших подвиг Матросова.

В Великих Луках есть профтехучилище № 8 имени Александра Матросова, в котором так же, как и в полку, Саша числится навечно, и имя его на утренней линейке всегда называется.

Жить и трудиться по-матросовски — вот лозунг учащихся. Здесь стало доброй традицией — ежегодно перед началом занятий проводить у Мемориала Матросова торжественную линейку, на которой вновь поступившие произносят клятву быть во всем примером, следовать матросовским традициям, любить труд, как Саша, быть верным, как он, Родине.

Юноши и девушки великолукского профтехучилища № 8 в труде и учебе хотят быть такими, как Матросов. Да разве только они!

Но жить, как Матросов, непросто. В полный накал. Активно. Он ничего вполсилы не делал. Даже петь не умел вполголоса. И теперешние воспитанники Ивановского детского дома знают это. Для них Саша Матросов — живой. Он помогает им быть сильными, трудолюбивыми, добрыми. Ребята просто говорят: «Наш Саша». Он, как старший брат, учит их своим примером жить прежде всего для людей. Жизнью и подвигом героя стараются мерить ребята свою жизнь...

Воспитанники детдома хорошо знают, что Саша Матросов на всю жизнь сохранил в себе заряд душевной активности, полученной в Ивановском детском доме. Вся воспитательная работа здесь в те годы строилась на главном принципе: воспитывать без принуждения, воспитывать, убеждая. Для достижения этой цели использовались многообразные средства. И одним из важнейших, как и в наши дни, было воспитание детей на великом ленинском примере.

И тут мне вспомнился рассказ бывшего завуча школы при Ивановском детдоме Веры Вячеславовны Соколовой:

«22 апреля 1940 года наша страна отмечала семидесятую годовщину со дня рождения В. И. Ленина. В этот день на центральной площади Ульяновска был открыт памятник великому вождю.

Вместе с делегацией Ивановского детского дома на торжественном митинге был и Саша Матросов. День выдался солнечный. С Волги дул сильный ветер, и сотни флагов над колоннами демонстрантов трепетали алым пламенем.

С каким напряженным вниманием воспитанники ждали момента, когда упадет покрывало. И вот наступила эта волнующая минута. Перед восхищенными взорами тысяч людей

предстала величественная бронзовая фигура Владимира Ильича.

В тот же день ивановцы посетили Дом-музей В. И. Ленина. С благоговением Саша Матросов переступил порог Дома-музея. Он не раз бывал здесь, хорошо знал обстановку каждой комнаты. Дольше всего на этот раз Матросов задержался в комнате Александра Ульянова. Саша старательно записывал в блокнот план сочинения своего тезки на тему: «Что требуется для того, чтобы быть полезным обществу и государству». Четкими буквами Саша писал: «Для полезной деятельности человека нужно: 1. Честность. 2. Любовь к труду. 3. Твердость характера. 4. Ум и 5. Знание». Каждый пункт плана он подчеркнул двойной линией. Шестнадцатилетним подростком Матросов размышлял на тем, что надо делать, чтобы жить достойно, порядочно, по правде и по совести.

И не случайно, что теперешние воспитанники детдома стараются во всем быть похожими на своего Сашу. И тут невольно на память приходят слова Максима Горького: «Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером...»

Я много раз бывал в Ивановском детском доме, присматривался к ребятам, прислушивался к их разговорам. Они вроде ничем не показывают свои любовь к старшему брату — Саше Матросову, не упоминают всуе о громких слов о величии его ратного подвига. Они привыкли чувствовать его рядом, говорят о нем будничио, просто, стараясь от лишнего слова. Но они никак не могут представить себя без Саши Матросова. И в этом — их присяга Матросову.

В подвиге Александра Матросова молодежь черпает мужество и отвагу, на его примере учится беззаветно любить Родину, побеждать ее врагов. У призывников города Ульяновска стало доброй традицией: перед отправкой на службу в Советскую Армию они посещают матросовские места в селе Ивановка, подолгу задерживаются в музее героя. Здесь будущие воины дают клятву быть верными защитниками любимой Родины, достойно продолжать традиции отцов и старших братьев, стремиться к тому, чтобы воспитать в себе черты характера, присущие герою-земляку — смелость, твердость, силу воли, честность, пламенную любовь к Отчизне.

Нынешние воспитанники свято чтут память о герое. С помощью директора детдома Раисы Алексеевны Ивановой они создали здесь музей Александра Матросова, в котором собраны документы о жизни и подвиге гвардии рядового.

Красные следопыты детского дома узнали имена воинов,

...торивших подвиг любимого героя, — бойцов, командиров, ...ботников Советской Армии.

Ребята установили, что в нашей стране насчитывается более ...сяти тысяч школьных музеев и комнат, посвященных Александру Матросову и тем, кто последовал его примеру.

Имя Матросова носят тысячи пионерских дружин и отрядов, ...лицы, парки, кинотеатры, клубы, дома пионеров... Моря и ...каны бороздит теплоход «Александр Матросов». Его видят во ...многих крупных портах земного шара.

Здесь, в музее Александра Матросова, проходят приемы в пионеры. Ребята дают клятву быть пламенными патриотами, такими же храбрыми и отважными, каким был их Саша. Вся обстановка в музее и в детском доме такова, словно Матросов незримо присутствует сегодня на пионерском сборе и на торжественной линейке, в классе, на спортивной площадке, в комнате для игр.

Музей стал местом волнующих встреч воспитанников с интересными людьми. Глубоко запали в сердце детей беседы с Героями Советского Союза Ю. Бабанским, И. Левченко и многими другими доблестными воинами.

Обширные материалы музея создают большие возможности для военно-патриотического воспитания. Активисты устраивают ...тательские конференции, продолжают сбор новых докумен...тов об А. Матросове, старательно отыскивают людей, знавших ...героя, организуют походы. Воспитанники детского дома ведут ...переписку со многими школами Советского Союза. К ним пи...шут и приезжают со всех концов нашей Родины и из-за рубежа.

Старинное русское село Ивановка, где находится детский ...ом имени Александра Матросова, известно, пожалуй, во мно...гих уголках страны. Поток экскурсантов и туристов с каждым годом растет. Только за последние десять лет музей героя и детдом посетило около пятисот тысяч человек. В книге отзывов музея — сотни взволнованных записей. Люди преклоняются перед величием подвига комсомольца Матросова, восхищаются его бесстрашием и верностью солдатскому долгу.

В музее есть диорама, выполненная руками ребят, изображающая бессмертный подвиг Александра Матросова. Мы видим героя, поднявшегося в полный рост, видим его порывистые движения, его крепкую фигуру, устремленную вперед. На фоне темного бора — искусно замаскированный вражеский дзот. Из припорошенной снегом амбразуры зеленым жалом вырывается огненная струя пулемета. Перед дзотом, приготовившись к смертельному броску, замер в напряжении юный солдат...

Здесь, в музее, люди сердцем своим соприкасаются с тем,

что отошло в прошлое, но не ушло в забвение, а стало героической историей народа. И сотни сердец бьются в едином взволнованном ритме. Нет, не стирают годы в памяти имени гвардии рядового. Все глубже с каждым годом врезается оно в сердце и в душу народа. Вот уже четыре десятилетия его подвиг негасимым факелом зажигает сердца молодых поколений советских людей великим огнем любви к своему Отечеству.

Мы покидаем стены музея и по широкой асфальтированной дорожке, обсаженной молодыми березками и липами, направляемся к памятнику Александру Матросову, установленному на широкой площади перед музеем. На пьедестале из серого гранита, подавшись вперед, застыл бронзовый Александр Матросов.

Есть события, которые не утрачивают своего значения, яркости и силы при испытании временем. Не меркнут они, хотя отдаляются от нас, уходят в историю. Таким вечно живым, волнующим, всегда дорогим и близким останется для грядущих поколений подвиг Александра Матросова.

СОДЕРЖАНИЕ

Стойкость вызревает в детстве (вместо вступления) . . 3
Одоление грозы 7
Зов наковальни 17
Поединок с волком 20
«Мост» над обрывом 24
Берендеи 30
Рыжик 36
Заветная буденовка 42
Схватка с Лешим 48
Обелиск у перелеска 54
«Осечка» 59
Звено особого назначения 60
За родной околицей 70
Души золотинка 86
Хотел как лучше 91
Ради колоса литого 97
Души прекрасные порывы 104
Жажда беспокойства 116
Из родного гнезда улетает орленок 123
Лицом к огню 129
Подвигу жить (эпилог) 137

Массово-политическое (публицистическое) издание

Андрей Иванович Царев

ВОЗМУЖАНИЕ

Редактор *С. П. Волошин*
Художник *В. К. Бутенко*
Художественный редактор *В. К. Иванов*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *И. Д. Дудуева*

ИБ № 1471

Сдано в набор 23.10.87. Подписано в печать 10.03.88. НГ33879. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 8,37. Усл. кр.-отт. 8,72. Уч-изд. л. 8,95. Тираж 28 000. Заказ 2633. Цена 35 коп.

Приволжское книжное издательство, Ульяновское отделение.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190